

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 11 / 2018

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабидулин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Антропологический аспект в юриспруденции: опыт истории

Исаев И.А. Справедливость и закон в греческой трагедии... 3

Чеснокова Ю.В. Особенности филантропической

деятельности князей в Древнерусском государстве 8

Ливенцев Д.В. Правила для тюремных надзирателей

как свидетельство преемственности традиций режима

дореволюционных тюрем в первые годы

советской власти 12

Гуляева Т.Б. Способы призрения детей в контексте

историко-правовой системы России XVIII–XX вв. 15

Кузьмин С.И. Новый взгляд на массовые репрессии

1937 г. в исправительно-трудовых лагерях 20

Жовтун Д.Т. Герменевтическая диалектика

в гуманитарном познании 26

Тхабисимова А.А., Рябова Т.В. Историко-правовой

анализ особенностей обращений граждан

в органы конституционного контроля

Российской Федерации и Республики Армении 31

Юридическая наука о праве: из истории становления

Желдыбина Т.А. Юридическая наука России XIX в.

как предпосылка становления науковедения 39

Колоколов Н.А. Уголовная политика — еще еще

загадочная очевидность: от работы Карла Маркса

«Дебаты по поводу закона о краже леса» к современности... 44

Яцук Т.Ф. Подготовка и издание систематических

собраний законодательства в советский период 50

Иванов И.В. Первый советский учебник

по государственному праву 1938 г.

под редакцией А.Я. Вышинского 55

Латышов У.А. Юридическое обеспечение

экономического суверенитета самодержавной России

во второй половине XIX — начале XX в. 60

Арнаутова А.А. Экспертиза проектов нормативных

правовых актов как средство повышения

их эффективности 66

Арсеньева Г.В., Храмова И.С., Шафигулина С.Р.

Советская образовательная система:

исследование нормативных актов 1970–1990-х гг. 70

Муромцевские чтения

Аронов Д.В. Жизнь, отданная борьбе за право:

Муромцевские чтения — 2009–2018 76

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 6,25.

Номер подписан в печать 01.10.2018.

Номер вышел в свет 31.10.2018.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов

без письменного разрешения авторов статей

или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной

комиссией Министерства образования

и науки Российской Федерации для публикации

основных результатов диссертаций на соискание

ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 11 / 2018

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences, professor;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, assistant professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the RF;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences, assistant professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

The anthropological aspect in jurisprudence: historical experience

- Isaev I.A.* Justice and Law in the Greek Tragedy..... 3
Chesnokova Yu.V. Peculiarities of Philanthropic
Activities of Princes in Ancient Rus..... 8
Liventsev D.V. Rules for Prison Guards as Evidence
of Continuity of Traditions of the Pre-Revolutionary
Prison Regime in the First Years of the Soviet Regime..... 12
Gulyaeva T.B. Child Care Means within the Framework
of the Historical and Legal System of Russia
in the XVIII to the XX Century 15
Kuzmin S.I. A Fresh Approach to Mass Repressions
of 1937 in Correctional Labor Camps..... 20
Zhovtun D.T. Hermeneutic Dialectics
in Human Cognition..... 26
Tkhabisimova L.A., Ryabova T.V. A Historical
and Legal Analysis of Peculiarities of Addresses
of Citizens to Constitutional Control Authorities
of the Russian Federation and the Republic of Armenia..... 31

The Legal Science: from the History of Origination

- Zheldybina T.A.* The Russian Legal Science
of the XIX Century as a Prerequisite for Origination
of the Science Study..... 39
Kolokolov N.A. The Criminal Policy: a Mysterious
Obviousness so far: from the Karl Marx's Publication
Debates on the Law on Thefts of Wood
to the Modern Times..... 44
Yaschuk T.F. Preparation and Publication
of Systematic Reviews of Laws in the Soviet Period 50
Ivanov I.V. The First Soviet Textbook on the State Law
of 1938 Edited by A.Ya. Vyshinsky 55
Latypov U.A. The Legal Support of the Economic
Sovereignty of Autocratic Russia in the Second Half
of the XIX to the Early XX Century..... 60
Arnautova A.A. An Examination of Bills
as a Means of Raising Their Efficiency 66
Arsenyeva G.V., Khramova I.S., Shafigulina S.R.
The Soviet Educational System: Research
of Statutory Acts of the 1970s to the 1990s..... 70

The Muromtsev Readings

- Aronov D.V.* A Life Devoted to the Struggle for Law:
the Muromtsev Readings — 2009 to 2018 76

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 6,25.
Conventional printed sheet 6,25.
Passed for printing 01.10.2018.
Issue was published 31.10.2018.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-11-3-7

Справедливость и закон в греческой трагедии

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
isaev-45@inbox.ru*

Статья посвящена теме правовой справедливости, так как она была освещена в работах древнегреческих мыслителей. На этой классической традиции будет формироваться право европейского Средневековья и Нового времени. Воздаяние за преступление исходило из некоей трансцендентной сферы, справедливое наказание, возмездие были неотвратимы. На границе мифа и воображения рождалось представление о справедливости. Категории и идеи, рожденные в греческой трагедии, со временем приобрели фундаментальное значение и ценность для современной европейской правовой науки.

Ключевые слова: закон, наказание, кара, справедливость, воздаяние, государство, легитимность, вина, полис, демократия, тирания.

Justice and Law in the Greek Tragedy

*Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University
Honored Scientist of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

The article is dedicated to the subject of legal justice as it was illustrated in the works of the Ancient Greek sophists. The law of the European Middle Ages and the Early Modern Period was formed based on this classical tradition. The retribution for a crime came from a transcendental sphere, fair punishment and requital were inevitable. The idea of justice originated at the interface of a myth and imagination. The categories and ideas stemming from the Greek tragedy acquired, in due course, fundamental importance and value for the European legal science of the modern times.

Keywords: law, punishment, chastisement, justice, retribution, state, legitimacy, guilt, policy, democracy, tyranny.

Платон утверждал: терпеть неправое все же лучше, чем творить его. Здесь уже обнаруживается переход к нравственной ценности от естественного, доморального понимания, при котором существующее право имело смысл лишь некоего средства; сохранять право — хорошо, отступить от него — плохо. Для Платона же вообще пользоваться правами — само по себе высокое благо, но не более того, зато творить право — это высокая ценность иного рода. Правда, для него легальность еще не есть моральность, поскольку к первой может быть применено правовое принуждение, и даже еще не нравственная заповедь. Однако с юридической точки зрения и здесь довольно трудно провести четкое различие между легальностью и моральностью¹.

¹ Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С. 404–406.

И если мифическое насилие по своей сути правоустанавливающее, то божественное, напротив, правоуничтожающее; если первое устанавливает пределы, то второе их беспредельно разрушает, если мифическое насилие вызывает вину и грех, то божественное действует искупляюще (Вальтер Беньямин)². Поэтому божественное насилие в своем действии не столько наказывает за нарушение существующего закона, сколько устанавливает новое право.

Ханна Арендт полагала, что с политической точки зрения отождествление свободы и суверенности — это наиболее разрушительное и опасное последствие уравнивания свободы и свободной воли. (Правители, устанавливающие законы, заботятся прежде всего о своей пользе:

² Беньямин В. Учение о подобии. М., 2012. С. 90.

«Справедливость — всегда чужое благо, тогда как несправедливость — это свое благо», поэтому несправедливость выгоднее несправедливости, в ней больше силы, свободы и властности, — говорил Фрасимах.) Кантовский категорический императив, полагая нравственность как всеобщий закон, будет иметь в виду, что она начинается там, где кончается целесообразность, уже фактом своего существования ограничивающая свободу. Императив требует безусловного исполнения и сам становится своей собственной целью: «Человек как носитель свободной воли должен быть целью для действия, диктуемого свободной же волей», поэтому общий закон рефлексивен, т.е. обращен к самому законодателю: установив свою максиму в качестве всеобщего закона, свободный волеизъявитель готов к тому, чтобы применить этот закон и к себе самому.

Так полагал Кант. Ницше же был уверен, что зло бывает безнравственным лишь постольку, поскольку оно пытается маскироваться под добро. Если же зло осознает себя таким как оно есть, т.е. именно как зло, тогда оно вполне может стать нравственным, — Кант был уверен, что зло, осознав себя как зло, тем самым возводит себя во всеобщий закон и поэтому неминуемо стремится к самоуничтожению: вследствие чего Кант находит внутреннее удовлетворение только в решении, направленном на поддержание мирового порядка, и не менее³.

Душа человека для Платона — микрокосм, уменьшенный прообраз государства, ведь сама идея государства находится во внутреннем мире человека: кажется, что и понятие государства вводится им только для того, чтобы сделать наглядными суть и назначение справедливости в душе человека, — здесь государство как более крупный объект позволяет лучше увидеть суть справедливости

Для Платона, как ученика Сократа, политическая добродетель не означает только следование законам государства, легитимности, которая прежде служила оплотом «правового государства» в его отношениях с самодержавной, аристократической или революционной властью.

³ См.: Краснухин К.Г. *Philologica parerga*. М., 2015. С. 249–251.

Платон выходит в своем поиске за рамки человеческого коллектива, он ищет истоки в индивидуальной душе⁴.

Номос — душа полиса, его индивидуация. Поэтому любые устремления, искажения или страсти, характерные для индивидуальной души, свойственны и номосу. Он, как и душа, живет стремлениями.

Сократ делал определенное различие между желанием и вожделением. Тот, кто соразмеряет свои желания только с собственным пониманием блага, гоняется за иллюзией, поскольку ошибается в определении самого предмета вожделения. Но цель уже сама по себе полезна и не может содержать ничего дурного: так ведь проявления тиранической власти сами по себе еще не являются целью тирана, но только средством: тиран делает не то, что ему хочется, а лишь то, что кажется ему желаемым.

Но еще более несчастным становится несправедливый человек, если он так и не претерпел должного наказания за свои поступки. (Несправедливость — это только болезненное состояние души, а справедливость — ее здоровье: «Уголовное наказание также относится к законодательству, как лечебные меры, применяемые к больному, относятся к режиму, рекомендованному здоровому человеку». Наказание — это есть форма лечения, а не просто кара, как это считали древние законодатели⁵. Поэтому и претерпевать несправедливость все же лучше, чем творить ее, ведь и сама суть вины как раз и состоит в том, что преступник отождествляется с самим преступлением: вина же, описываемая в древних мифах, не знает искупления и исправления — она знает только последствия и наказания рока⁶.

Титан Прометей представлял собой не иначе как олицетворенное подсознание богов и космоса, говорящего через человека, достигшего истока, в котором пребывает идея «вселенского правосудия», первичного и окончательного, побеждающего «судьбу, эту дочь вечности». У Эсхила и Софокла только по ту сторону страха и сострадания находятся мир и свет, а у Еврипида (преданно идущего за Сократом) вовсе уже нет того

⁴ Йегер В. Пайдейя. М., 1997. Т. 2. С. 200.

⁵ Там же. С. 147–148.

⁶ Гвардини Р. Гельдерлин. Картина мира и вдохновенность. СПб., 2015. С. 339.

трансцендентального воздействия, умиротворения и просветления, которыми одни были наделены первоначальной элевсинской драмой, а сам человек уже представляется жертвой случая или божественного каприза⁷. В «Геракле» Еврипида центральным образом трагедии становится крушение божественного закона и кара, воплощенная в «дочери ночи и крови неба»: мятеж на земле — то же, что буря в небесах и землетрясение на земле. Все рушится. Это момент настоящего светопреставления, падение Дике и торжество Гибрис. Происходит срыв мировой законности и морального равновесия на Земле: «Исходя из права, античная нравственность теперь уже интересуется не проблемами права или справедливости вообще, а только выявлением конкретных носителей дике или гибрис»⁸: она доверчиво признает этику неправды в той же мере, что и этику справедливости. Гетерогенность законодательства теперь обуславливается этическим искажением как таковым, и законодательная техника уже не в состоянии обеспечить ни законность, ни даже целесообразность принимаемых норм. (Не эти ли самые мотивы звучат и в современной политической науке? Так, конституция считается справедливой, но несовершенной процедурой, поскольку не гарантирует, что принятые в соответствии с ней законы будут справедливы: в политических делах совершенная процедура справедливости априори не может быть достигнута. Но законодательное обсуждение все же должно восприниматься не только как борьба интересов, но и как попытка найти некое лучшее решение, так или иначе определяемое принципами справедливости⁹.) Человек, возвышаясь до титанизма, принуждает богов входить с ним в союз. Трагедия, по Ницше, есть выражение эсхиловой жажды справедливости при его вере в царящую правду-судьбу. Эсхил показывает бессилие индивида в борьбе с природой, — если тот не будет сочетать своего дерзания со знанием ее законов. Поэтому и в трагедии о Прометее кажутся оправдан-

ными вина и кара: Кант вслед за Гераклитом повторит: «Все существующее справедливо и несправедливо и в обоих видах равно оправданно»; моральные аспекты заслоняют собой моменты этические¹⁰. Моральность вся пронизана эмоциональными мотивами, а жажда справедливости забывает о самой справедливости, и трагическое уже не может существовать без внутреннего противоречия и напряжений.

Жутковатый образ «ослепления» выражает специфическую форму возмездия, когда при переходе из среды познания в сферу этики, т.е. из сферы «истины» в сферу «правды», рождается запоминающийся образ богини правды и справедливости, судьбы и земной правды — Фемиды. Она — дочь Земли и вешего знания мойр, и она же — олицетворение беспристрастия: повязка на ее глазах надежно обеспечивает беспристрастность и справедливость.

Ницше перенес неразрешимое противоречие, скрытое в разуме, на объективное противоречие, скрытое в самих вещах. Он прямо утверждает право на преступление и ставит морально виновного выше невинного: трагедия Эсхила о Геракле, по мысли Ницше, это прослеживание активности в противовес софокловскому Эдипу, где прослеживается глубинная пассивность. И прометеева доблесть — это также активность греха, и ядро мира в нем неожиданно раскрывается как необходимость преступления, поставленная титанически стремящемуся индивиду: лучшее и внешнее он может достигнуть только путем преступления: Эсхил оправдывает зло в человечестве — и в смысле человеческой вины, и в смысле вытекающего отсюда страдания, — порожденное противоречиями самого существования, взаимопроникновения разных миров, имеющих право на обособленное существование, — за что люди и расплачиваются¹¹.

И Ницше был уверен, что вообще весь мировой процесс есть божественное наказание за hubris: сам факт множественности есть трагический результат высокомерия, спеси; превращение чистого в нечистое является последствием несправедливости, а в основание всех вещей по-

⁷ Шуре Э. От сфинкса до Христа: история оккультизма. М., 2000. С. 335.

⁸ Фрейнденберг О. Миф и литература древности. Екатеринбург, 2007.

⁹ Ролз Дж. Теория справедливости. М., 2009. С. 312–315.

¹⁰ См.: Голосовкер Я. Логика мифа. М., 1987. С. 111.

¹¹ Там же. С. 110.

ложена онтологическая вина. «Закономерность, непогрешимые истины — это всегда равные пути правды, пути эриний, преследующих каждое преступление законов, а весь мир выступает как трагедия, в которой действуют правящая справедливость и подчиненные силы природы, демонически вездесущие».

Гераклит говорит: «Я видел не наказание происшедшего, но справедливые становления». Где правит несправедливость, там произвол, беспорядок, неправильность, противоречие. Там же, где царствует закон и дочь Зевса Правда, там не место греху, пеням и осуждению. Но и вокруг себя Гераклит не увидел ничего иного, кроме одного становления: мир, огражденный вечными неписаными законами, совершающий свои приливы и отливы, не обнаруживающий никакого постоянства, — единый мир метафизического и физического. «Борьба многих» и есть чистая справедливость, это как игра огня с самим собой, и в этом смысле «одно есть многое» — становление и исчезновение, строение и разрушение, наблюдаемое без всякого нравственного осуждения, в перспективе вечно равной невинности (Ницше)¹².

В греческой трагедии вина, наряду с действием, деятельностью становится промежуточным звеном между актами действия и страдания, и в этом заключается собственно трагическая коллизия: чем в большей степени субъективность наделяется рефлексией, тем в большей мере индивид оказывается предоставленным самому себе, и тогда вина уже приобретает открыто-этический характер. Трагическое как раз и располагается где-то между двумя этими крайностями¹³. Принцип воздаяния у греков был тесно сопряжен с принципом космической справедливости: дике (справедливость) означала равновесие, упорядоченность, регулярность, естественно, что нарушение этого порядка влекло за собой возмездие, неизбежное и эквивалентное, т.е. справедливое.

Это утверждали и «законы неписанные, которые отменить еще никто не был властен, против которых никто не осмеливался возражать, автора которых и сами жрецы не знали» (Лисий). Но эти законы следовало понимать в том смысле, в «каком это будет полезно для государства в будущем», сами же законы — только «род свидетелей, показания которых следует всего лишь принимать во внимание»; законы «могут убивать, приказывать, поступать несправедливо, заботиться, преследовать и т.п.»: обильные метафоры облаком окружали формирующиеся и меняющиеся, как живые существа, законоположения. Законы были антропоморфны и личностны, они представлялись активными субъектами, взаимодействующими в среде правоприменения.

Гегель увидел в «Антигоне» Софокла все ту же гераклитову игру противоречий, борьбу двух точек зрения, «право против права», личности и судьбы, индивида и коллектива. Боги Антигоны — темные силы Гадеса (Гегель это подчеркивает) борются с новыми богами (у Эсхила — это борьба между Аполлоном и эриниями), которые в конце концов одерживают победу. В гегелевской трактовке показана борьба именно нравственных сил, принципов, таких как идея семьи и авторитет государства, — миф о борьбе богов и титанов здесь корнями уходит в прошлое: Антигона встает на сторону поверженных старых богов, Креонт же нарушает это равновесие божественного мира, иерархичность низших и верхних сил, почему Антигона и пытается восстановить равновесие. И здесь уже не право противостоит праву, но божественное начало, охватывающее все мироздание, с которым героиня чувствует свое единство, противостоит человеческому началу, которое само по себе ограничено, слепо, лицемерно и лживо. Креонт, тиран, свою суть черпает из трагического существования того высокого существа, причиной трагедии которого он сам является¹⁴: но чем больше под земные силы и боги остаются опорой для героев, тем больше «голая жизнь» в своем противостоянии смерти заменяет борьбу правовых норм, поступающих из двух разных миров.

¹² Ницше Ф. *Философы в трагическую эпоху Греции* // *Философская проза*. С. 184–189.

¹³ Клоссовски П. *Перевод «Антигоны» Кьеркегора* // *Колледж социологии*. СПб., 2004. С. 175.

¹⁴ См.: Кереньи К. *Мифология*. М., 2012. С. 196–200.

Литература

1. Беньямин В. Учение о подобии : медиаэстетические произведения / В. Беньямин. М. : РГГУ, 2012. 287 с.
2. Гартман Н. Этика / Н. Гартман ; пер. с нем. А.Б. Глаголева ; под ред. Ю.С. Медведева и Д.В. Складнева. СПб. : Фонд Университет : Владимир Даль, 2002. 707 с.
3. Гвардини Р. Гельдерлин. Картина мира и боговдохновенность / Р. Гвардини. СПб. : Наука, 2015. 498 с.
4. Голосовкер Я.Э. Логика мифа / Я.Э. Голосовкер. М. : Наука, 1987. 217 с.
5. Йегер В. Пайдейя : Воспитание античного грека : (Эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) / В. Йегер ; пер. с нем. М.Н. Ботвинника. М. : ГЛК Ю.А. Шичалина, 1997. 334 с.
6. Кереньи К. Мифология / К. Кереньи ; пер. с венг. Ю. Гусев [и др.]. М. : Три квадрата, 2012. 493 с.
7. Клоссовски П. Перевод «Антигоны» Кьеркегора / П. Клоссовски // Коллеж социологии / сост. Дени Олье ; пер. с фр. Ю.Б. Бессоновой, И.С. Вдовиной, Н.В. Вдовиной, В.М. Володина ; под ред. В.Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2004. 585 с.
8. Краснухин К.Г. Philologica parerga : статьи по этимологии и теории культуры / К.Г. Краснухин. М. : Яз. славянской культуры, 2015. 512 с.
9. Ницше Ф. Философы в трагическую эпоху Греции // Ницше Ф. Философская проза; Стихотворения : сборник. Минск, 2000. С. 184-Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. 2-е изд. М. : URSS, 2010. 534 с.
10. Фрейденберг О. Миф и литература древности / О. Фрейденберг. М. : Директ-Медиа, 2007. 1175 с.
11. Шуре Э. От сфинкса до Христа: история оккультизма. М., 2000. 448 с.

References

1. Benjamin W. Uchenie o podobii : mediaesteticheskie proizvedeniya [The Doctrine of Similarity : Mediaesthetic Works] / W. Benjamin. Moskva : RGGU — Moscow : Russian State University for the Humanities, 2012. 287 s.
2. Hartmann N. Etika [Ethics] / N. Hartmann ; per. s nem. A.B. Glagoleva ; pod red. Yu.S. Medvedeva i D.V. Sklyadneva. Sankt-Peterburg : Fond Universitet : Vladimir Dal — translated from German by A.B. Glagolev ; edited by Yu.S. Medvedev and D.V. Sklyadnev. Saint Petersburg : University Foundation : Vladimir Dal, 2002. 707 s.
3. Guardini R. Gelderlin. Kartina mira i bogovdokhnovlennost [Hölderlin: World View and Piety] / R. Guardini. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 2015. 498 s.
4. Golosovker Ya.E. Logika mifa [The Logic of a Myth] / Ya.E. Golosovker. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1987. 217 s.
5. Jaeger W. Paydeyya : Vospitanie antichnogo greka : (Epokha velikikh vospitateley i vospitatelny'kh sistem) [Paideia: The Ideals of Greek Culture (In Search of the Divine Centre)] / W. Jaeger ; per. s nem. M.N. Botvinnika. Moskva : GLK Yu.A. Shichalina — translated from German by M.N. Botvinnik. Moscow : Yu.A. Shichalin's Greek-Latin Office, 1997. 334 s.
6. Kerenyi K. Mifologiya [Mythology] / K. Kerenyi ; per. s veng. Yu. Gusev [i dr.]. Moskva : Tri kvadrata — translated from Hungarian by Yu. Gusev [et al.]. Moscow : Three Squares, 2012. 493 s.
7. Klossowski P. Perevod Antigony' Kyerkegora [Translation of Kierkegaard's Antigone] / P. Klossowski // Kollezh sotsiologii / sost. Deni Ole ; per. s fr. Yu.B. Bessonovoy, I.S. Vdovinoy, N.V. Vdovinoy, V.M. Volodina ; pod red. V.Yu. By'strova. Sankt-Peterburg : Nauka — The College of Sociology / compiled by Denis Hollier ; translated from French by Yu.B. Bessonova, I.S. Vdovina, N.V. Vdovina, V.M. Volodin ; edited by V.Yu. Bystrov. Saint-Petersburg : Science, 2004. 585 s.
8. Krasnukhin K.G. Philologica parerga : stati po etimologii i teorii kultury' [Philologica Parerga : Articles on the Etymology and Theory of Culture] / K.G. Krasnukhin. Moskva : Yaz. slavyanskoy kultury' — Moscow : The Language of Slavic Culture, 2015. 512 s.
9. Nietzsche F. Filosofiy' v tragicheskuyu epokhu Gretsii [Philosophy in the Tragic Age of the Greeks] // Nietzsche F. Filosofskaya proza; Stikhotvoreniya : sbornik. Minsk — Philosophical Prose; Poems : collection. Minsk, 2000. S. 184–189.
10. Rawls J. Teoriya spravedlivosti [A Theory of Justice] / J. Rawls. 2-e izd. Moskva : URSS — 2nd edition. Moscow : URSS, 2010. 534 s.
11. Freydenberg O. Mifi literatura drevnosti [The Myth and Literature of Antiquity] / O. Freydenberg. Moskva : Direkt-Media — Moscow : Direct-Media, 2007. 1175 s.

Особенности филантропической деятельности князей в Древнерусском государстве*

Чеснокова Юлия Вячеславовна,
доцент кафедры «Частное и публичное право»
Пензенского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
juliachesn@yandex.ru

В представленной статье автор раскрывает содержание княжеской формы помощи, которая способствовала развитию поддержки особым, наименее защищенным слоям населения, таким как старики, убогие и нищие. Автор делает вывод о том, что в Древней Руси наряду с существующими формами поддержки и взаимопомощи, возникшими со времен восточных славян, активное развитие получила княжеская поддержка нуждающихся. Многие древнерусские князья считали своим долгом оказать посильную помощь обездоленным, делая это по совести и внутреннему убеждению.

Ключевые слова: князья, нищие, убогие, престарелые, благотворительность, «нищелюбство», кормления, пособия, приюты, сиротские дома.

Peculiarities of Philanthropic Activities of Princes in Ancient Rus

Chesnokova Yulia V.
Associate Professor of the Department of Private and Public Law of the Penza State University
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor

In the article the author reveals the content of the princely form of assistance, which contributed to the development of support for special, the least protected segments of the population, such as the elderly, the poor and the poor. The author concludes that in Ancient Russia along with the existing forms of support and mutual assistance that have arisen since the time of the Eastern Slavs, the active development of the princely support of the needy. Many old Russian princes considered it their duty to provide all possible assistance to the disadvantaged, doing it on conscience and inner conviction.

Keywords: princes, beggars, poor, elderly, charity, begging, feeding, benefits, shelters, orphanages.

Вся история человечества неотделима от благотворительности. В период становления общества у людей возникает желание оказать помощь ближнему. Объединяя усилия в борьбе с природной стихией, для получения пищи, при сооружении жилища, люди оказывали взаимную поддержку, сочувствовали друг другу. Условия благотворительности определяют ее масштабы, формы, методы и главные направления.

Таким образом, в каждый период развития государства и общества содержание, материальные возможности и основные направления благотворительности менялись в зависимости от обстоятельств.

С X века на Руси происходит изменение представлений об оказании помощи и поддержке нуждающимся. Это связано прежде

всего с социально-экономической ситуацией. С появлением государства в социально-политическом строе Древней Руси определенную роль играли общинные органы. Они оказывали существенное влияние на позицию князей. Местная община совместно с вечевыми органами могла пригласить либо изгнать князя. В своей деятельности князь следовал нормам и обычаям, которые преобладали в территориально-волостной общине. Особое место занимали такие моральные ценности, как оказание помощи и взаимопомощи, перешедшие от восточных славян.

Главные направления оказания помощи были связаны прежде всего с княжеской защитой и «нищелюбством». В систему помощи и поддержки нуждающихся в рам-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Эволюция правового регулирования оказания социальной помощи малоимущим и преодоления бедности в России: история и современность» (проект № 18-011-00202).

ках семейно-родовых форм защиты входят княжеское попечительство и церковно-монастырские формы призрения. Можно выделить следующие этапы развития княжеского попечительства.

Первый этап — IX в. (крещение Владимира I) до второй половины XII в. Этот период связан с распространением христианства в Киевской Руси и образованием княжеств.

Второй период — вторая половина XII в. по XIII в. включительно. Этот период отмечен слиянием попечительских функций князя с монастырско-церковными формами призрения.

На первом этапе развития княжеского попечительства слабозащищенных слоев населения формируются правовые основы оказания помощи нуждающимся, не связанные с семейно-родовыми отношениями. К середине X в. происходит отход от родовых связей путем отказа определенных индивидов от коллективной ответственности. Такие индивиды теряли защиту и всяческую помощь со стороны родичей. В связи с этим наблюдается смена старой системы социальной защиты, «повышается общественно-устроительное значение князя и дружины»¹.

Давая оценку княжеской системе поддержки благотворительности, Е. Максимов отмечал, что «нищелюбие» князей носило добровольный характер, исходя из христианских представлений о сущности милосердия, и не являлось государственной обязанностью.

Однако существует и противоположная точка зрения. В. Горемыкина полагает, что «в основе княжеского “нищелюбия” лежит, прежде всего, классовый и политический характер действий, “нищелюбие” как феномен социально-политических отношений в зарождающемся классовом обществе есть средство поддержания авторитета власти и механизм ослабления социальной напряженности»².

На Руси получили распространение следующие формы благотворительности князей: кормление нищих на княжеском дворе; раздача бедным людям одежды, денег; предоставление продуктов питания заключенным; помощь в виде строительных материалов

бедным погорельцам; создание сиротских приютов, учреждение образовательных учреждений для детей из бедных семей и др.

Вся эта благотворительная помощь была реализована не только князьями, но и их родственниками, а также приближенными к ним знатными людьми на добровольной основе, за личные средства. Под влиянием христианского вероучения они поучались религиозным заповедям, которые призывали любить Бога и ближнего, как самого себя. Это означало проявить милосердие и «нищелюбие» к обездоленным и нуждающимся в помощи людям. Исходя из таких побуждений помощь скорее всего нужна была самому «нищелюбцу», чем нищему, для того чтобы добрыми делами повысить уровень собственного духовного совершенствования. Нищий, убогий был для своего благотворителя лучший богомолец. При таком подходе к благотворительности оказываемая помощь благодетелями не считалась государственной обязанностью, а являлась проявлением христианской нравственности. К таким благодетелям относились и князья. Как известно, киевский князь Владимир I заложил традицию бесплатно кормить нищих, немощных, бедных на княжеском дворе. Специально созданные телеги перевозили по всему городу продукты питания, предназначенные для обеспечения пищей лежачих больных, стариков и инвалидов.

«Повесть временных лет» гласит: «Повелел князь Владимир всякому нищему и бедному приходить на княжеский двор и брать все, что надобно, питье и пищу, и из казны деньги. Устроил он и такое, сказав, что “немощные и больные не могут добратись до двора моего”, и приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: “Где больной, нищий или кто не может ходить?” И раздавал тем все необходимое»³.

Исторические источники указывают на проявление заботы о больных, убогих, нищих со стороны некоторых древнерусских князей. Из их числа можно отметить также Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, которые продолжили традицию кормления нищих на княжеском дворе. Обязанность Владимира Мономаха помогать бедным и

¹ См.: Фирсов М.В. История социальной работы в России. М.: ВЛАДОС, 2001. С. 31.

² Там же. С. 33.

³ Древнерусская литература / сост., предисл. и коммент. М.П. Одесского. М., 2001. С. 147.

страдающим переросла во внутреннюю его потребность. Это нашло отражение в поучениях детям. Владимир Мономах призывал детей с состраданием относиться к людям, кормить бедных, предлагать посильную помощь убогим, сиротам, вдовам.

«Куда ни пойдете по своим землям, — наставлял он, — не позволяйте ни своим, ни чужим отрокам пакости делать ни в селах, ни в полях, чтобы не начали вас проклинать. А куда ни пойдете, где ни остановитесь, везде напоите и накормите просящего. Больше всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел, — простой ли человек, или знатный, или посол... Больного посетите, мертвого пойдите проводить, ведь все мы смертны. Не проходите мимо человека, не приветив его добрым словом...»⁴.

Российский исследователь А. Стог назвал Духовную грамоту князя Владимира Мономаха «законом об общественном призрении».

Как справедливо замечал Е. Максимов, самым простым видом благотворительности являлось кормление нищих⁵. Кроме этого, многие древнерусские князья, например, Андрей Боголюбский, занимались такими благотворительными деяниями, как раздача бедным людям одежды и платья.

Одной из форм княжеской филантропии была раздача денег нищим, сиротам. В Повести временных лет сообщалось, что князь Владимир после победы над печенегами построил в Василеве церковь и устроил пышный праздник, на который была приглашена знать из всех городов Киевской Руси. На празднике князь Владимир раздал бедным 300 гривен серебра, проявив благотворительность, показал пример знати.

Князь Юрий Долгорукий создал традицию раздавать продукты питания не только бедным и нуждающимся, но и осужденным, заключенным в тюрьмы и темницы. Последователем данной традиции был и его сын Андрей Боголюбский.

В качестве помощи некоторые древнерусские князья выдавали денежные средства в виде специального пособия для по-

горельцев. Владимиро-суздальский князь Всеволод Юрьевич после сильного пожара в 1185 г. в столице Владимире при поддержке супруги Марии передавшей часть уцелевших при пожаре драгоценностей, все свои средства потратил на восстановление церкви и учредил пособие бедным жителям города на строительство и благоустройство домов. Не только древнерусские князья, но и члены их семей активно занимались благотворительностью. Они создавали за счет собственных средств приюты для сирот и образовательные учреждения для бедных. Например, Ярослав Мудрый на личные средства учредил в Киеве сиротский приют-училище на 300 юношей, которые там содержались и обучались. Княжна Анна Всеволодовна, сестра Владимира Мономаха, в 1086 г. в Киеве основала «воспитательное училище для девочек и девушек из бедных семей, где девочек обучали чтению, письму, пению и швейному делу. Всеволод заложил церковь святого Андрея при Иоанне Добром, митрополите русском, и построил при церкви оной монастырь женский, в котором постриглась первая дочь его девица Анка. Собравши же младых девиц неколико, обучала писанию, також ремеслам, пению, швению и иным полезным им знаниям, да от юности навькнути разумети закон божий и трудолюбие, а любострастие в юности воздержанием умертвлять»⁶. Княжна Анна также оказывала содействие выкупу пленных и возвращению их на родину.

Со второй половины и до конца XII в. княжеская благотворительность претерпевает изменения. Это прежде всего связано с ростом монастырского и церковного призрения, а также правление князя осложняется монголо-татарскими набегами и данничеством. Князья вырабатывают свою линию помощи и поддержки населению, занимаются строительством городов, защитой мигрантов, охраной своих территорий.

Александр Невский, вступив на княжеский престол, занимался строительством церквей, восстанавливал город Владимир. Он заботился о пленных соотечественниках,

⁴ Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 года / сост. П.П. Елифанов, О.П. Елифанова. М., 1987. С. 78.

⁵ См.: Максимов Е. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб., 1894.

⁶ См.: Кацалова Н.Ф. У истоков женского образования в России // Проблемы и перспективы развития образования : материалы международной научной конференции (г. Пермь, апрель 2011 г.). Т. I. Пермь : Меркурий, 2011. С. 58.

помогал бедным, убогим, сиротам, призывал к таким действиям и своих бояр. Обращаясь к боярам, Александр Невский призывал их «защищать от притеснений и произвола вдов, сирот, всех слабых и гонимых»⁷.

Смоленский князь Роман Ростиславович, княживший в XII в., все свои личные сбережения тратил на благотворительность. Он помогал бедным, нищим, убогим, страждущим. Когда он умер, у него не осталось никаких сбережений даже на погребение. Образ Романа Ростиславовича, бескорыстного служителя делу милосердия, сохранен в памяти народа на века.

Подводя итог, можно отметить, что в рассматриваемый период, наряду с существующими формами поддержки и взаимо-

помощи, возникшими со времен восточных славян, активное развитие получила княжеская помощь нуждающимся. В этот период учреждаются первые приюты для бездомных, дома для сирот, а также образовательные учреждения для детей из бедных семей, князья устраивали кормления нищих и убогих, раздавали нуждающимся продукты, вещи, деньги и др.

Древнерусские князья по своему складу характера, моральным устоям были разными людьми, одни — не проявляли особой заботы о больных и нищих. Другие, напротив, считали своим долгом оказать посильную помощь обездоленным, делая это по совести и внутреннему убеждению. В те далекие времена именно такие люди играли важную роль в судьбах народов нашей страны.

⁷ См.: Фирсов М.В. Указ. соч. С. 32.

Литература

1. Древнерусская литература / сост., предисл. и коммент. М.П. Одесского. М. : Слово, 2001. 736 с.
2. Кацалова Н.Ф. У истоков женского образования в России / Н.Ф. Кацалова // Проблемы и перспективы развития образования : материалы международной научной конференции (г. Пермь, апрель 2011 г.) : сборник научных статей : в 2-х т. Т. I / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. Пермь : Меркурий, 2011. С. 58–61.
3. Максимов Е. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России / Е. Максимов. СПб., 1894. 277 с.
4. Мельников В.П. История социальной работы в России / В.П. Мельников, Е.И. Холостова. М. : Дашков и К°, 2004. 344 с.
5. Фирсов М.В. История социальной работы в России / М.В. Фирсов. М. : ВЛАДОС, 2001. 256 с.
6. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 года / сост. П.П. Епифанов, О.П. Епифанова. М. : Просвещение, 1987. 398 с.
7. Циткилов П.Я. История социальной работы : учебное пособие / П.Я. Циткилов ; под ред. В.И. Жукова. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 448 с.

References

1. Drevnerusskaya literatura [Old Russian Literature] / sost., predisl. i komment. M.P. Odesskogo. Moskva : Slovo — compiled, foreword and commentary by M.P. Odessky. Moscow : Word, 2001. 736 s.
2. Katsalova N.F. U istokov zhenskogo obrazovaniya v Rossii [At the Origins of Education of Women in Russia] / N.F. Katsalova // Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya : materialy mezhnunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Perm, aprel 2011 g.) : sbornik nauchny'kh statey : v 2-kh t. T. I / pod obsch. red. G.D. Akhmetovoy. Perm : Mercuriy — Issues and Prospects of the Development of Education : files of an international scientific conference (Perm, April 2011) : collection of scientific articles : in 2 vol. Vol. I / under the general editorship of G.D. Akhmetova. Perm : Mercury, 2011. S. 58–61.
3. Maksimov E. Istoriko-statisticheskiy ocherk blagotvoritel'nosti i obschestvennogo prizreniya v Rossii [A Historical and Statistic Sketch on Charity and Public Assistance in Russia] / E. Maksimov. Sankt-Peterburg — Saint-Petersburg, 1894. 277 s.
4. Melnikov V.P. Istoriya sotsialnoy raboty' v Rossii [The History of Social Work in Russia] / V.P. Melnikov, E.I. Kholostova. Moskva : Dashkov i Ko — Moscow : Dashkov and Co, 2004. 344 s.
5. Firsov M.V. Istoriya sotsialnoy raboty' v Rossii [The History of Social Work in Russia] / M.V. Firsov. Moskva : VLADOS — Moscow : VLADOS, 2001. 256 s.
6. Khrestomatiya po istorii SSSR s drevneyshikh vremen do 1861 goda [An Anthology of the History of the USSR from the Ancient Times to 1861] / sost. P.P. Epifanov, O.P. Epifanova. Moskva : Prosveschenie — compiled by P.P. Epifanov, O.P. Epifanova. Moscow : Enlightenment, 1987. 398 s.
7. Tsitkilov P.Ya. Istoriya sotsialnoy raboty' : uchebnoe posobie [The History of Social Work : textbook] / P.Ya. Tsitkilov ; pod red. V.I. Zhukova. Rostov-na-Donu : Feniks — edited by V.I. Zhukov. Rostov-on-Don : Phoenix, 2006. 448 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-11-12-14

Правила для тюремных надзирателей как свидетельство преемственности традиций режима дореволюционных тюрем в первые годы советской власти

*Ливенцев Дмитрий Вячеславович,
профессор внебюджетного факультета
Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний,
доктор исторических наук, профессор
liva2006@yandex.ru*

Статья анализирует инструкцию и правила для надзирателей, состоящих на службе в местах лишения свободы в первые годы советской власти. Кроме того, уделяется внимание отечественной истории исправительных учреждений.

Ключевые слова: инструкция, правила, тюрьма, заключенный, надзиратель, свобода, режим.

Rules for Prison Guards as Evidence of Continuity of Traditions of the Pre-Revolutionary Prison Regime in the First Years of the Soviet Regime

*Liventsev Dmitry V.
Professor of the Non-Budgetary Faculty of the VRI of the FPS of Russia
Doctor of History
Professor*

The article analyzes the instructions and rules for wardens of imprisonment in the period of first years of Soviet power. In addition, attention is paid to the national history of correctional institutions.

Keywords: instruction, rules, prison, prisoner, warden, freedom, regime.

Некоторые государственные институты остаются неподвластными времени, несмотря на изменения политического строя и формации. После февральской революции 1917 г. появился проект ликвидации тюрем под авторством педагога-новатора К.Н. Вентцеля¹, который был рассмотрен нами в № 11 журнала «История государства и права» за 2016 г.². Надо сказать, что К.Н. Вентцель активно отстаивал свою гражданскую позицию, ссылаясь на мнение общественного деятеля и революционера П.А. Кропоткина³. Мысли теоретика педагогической науки привели впоследствии к

целому ряду экспериментов в 1920-е гг. по превращению мест лишения свободы в поддобию социальной клиники⁴.

Однако все попытки, содержащие несомненную инновационную составляющую, носили скорее сдержанный характер пилотных проектов. Нельзя не отметить, что данный исторический период отличался ожиданиями серьезных изменений в различных сферах государственной⁵ и общественной жизни⁶.

¹ Вентцель К.Н. Уничтожение тюрем. М., 1917. С. 15.

² Ливенцев Д.В. Проект уничтожения тюрем во время Февральской буржуазной революции 1917 г. // История государства и права. 2016. № 11. С. 56–58.

³ Кропоткин П.А. Речи бунтовщика: (Paroles d'un révolté). СПб., 1906. С. 154.

⁴ Ливенцев Д.В. Советские исправительные трудовые дома как социальная клиника в 20–30-е гг. XX в. // История государства и права. 2017. № 16. С. 26–28.

⁵ Таппасханова И.Б. Аграрный вопрос в 1917–1918 гг.: законодательная основа и регулирование // История государства и права. 2015. № 13. С. 41–44.

⁶ Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование // История государства и права. 2007. № 22. С. 2–4.

В целом в сложившихся исторических условиях советская власть предпочла действовать по уже образовавшейся в дореволюционное время практике содержания заключенных в местах лишения свободы. Правда, при этом старались не пользоваться кадрами бывших служащих Главного тюремного управления Российской империи, но накопленный ими опыт был востребован в полной мере.

Бесспорным доказательством вышесказанного могут служить Инструкции и правила для старших и младших надзирателей в исправительно-рабочих домах Тверской губернии, утвержденные коллегией Тверского губернского комиссариата юстиции 15 сентября 1919 г. и напечатанные для служебного пользования в 1920 г.⁷

Прежде всего среди старших и младших надзирателей устанавливали жесткую служебную иерархию и подчинение приказам: «...все надзиратели обязаны беспрекословно подчиняться всем законным требованиям администрации места заключения и честно исполнять обязанности по занимаемой должности. Непосредственным начальником младших надзирателей является старший надзиратель, ведущий административной частью места заключения»⁸. Важным подтверждением принятых до 1917 г. правил внутреннего режима в исправительных учреждениях стал следующий пункт инструкции: «...граждане, родственники или свойственники которых содержатся в данном месте заключения, не могут быть принимаемы на службу в это место заключения»⁹.

Правила не допускали никакой демократичности надзирателей по отношению к заключенным: «...в обращении с заключенными надзиратель должен быть строг и справедлив в своих требованиях о подчинении заключенных установленным в месте заключения правилам»¹⁰. Более того, надзиратели должны были всеми способами пресекать попытки общения заключенных с любыми лицами на свободе под

угрозой последующей ответственности: «...надзиратели не имеют права принимать от заключенных, при каких бы то ни было обстоятельствах, для выноса и передачи на волю: письма, прошения, записки, вещи и т.п., как из здания места заключения, так и вообще откуда бы то ни было, где бы заключенные ни находились. Виновные в таковой передаче предаются суду»¹¹.

Оговаривали правила и особые или чрезвычайные случаи работы надзирателей и указывали на их строгое соблюдение с судебным разбирательством в случае несоблюдения требований: «...в случаях крайней необходимости, вызываемой какими-либо особыми обстоятельствами, как например: состояние в месте заключения неполного количества, положенных по штату, надзирателей; возникновение открытых беспорядков или бунта среди заключенных; ожидаемое нападение с воли на место заключения и т.п., надзиратели не вправе отказываться от выполнения служебных обязанностей и свыше 10 часов в сутки, т.к. такие обстоятельства тесно связаны с интересами охраны Государственного порядка, и в таких случаях надзиратели должны находиться на службе в течение суток столько времени, сколько потребуется. Надзиратели, отказывающиеся от выполнения указанных в сей статье правил, предаются суду как изменники советской власти и подвергаются высшей мере наказания по законам Революционного времени»¹².

Во многом копировали правила для советских надзирателей и дореволюционные обязанности во время дежурства в коридорах при камерах: «...дежурный должен все время наблюдать за тем, что делают заключенные в камерах и не допускать, чтобы заключенные:

1. Сидели на подоконниках у оконных решеток.
2. Портили что-либо из казенного имущества, находящегося в камере.
3. Играли в карты и другие азартные игры.
4. Дрались между собой или бранились неприличными словами.
5. Кричали или чересчур громко разговаривали.
6. Делали какие-либо приготовления к побегу, и вообще надзиратель должен на-

⁷ Инструкции и правила для старших и младших надзирателей в исправительно-рабочих домах Тверской губернии. Новый Торжок, 1920. 26 с.

⁸ Там же. С. 1–2.

⁹ Там же. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 4.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Там же. С. 6–7.

блюдать и предупреждать какие бы то ни было нарушения порядка заключенными, а также чтобы у заключенных не было в камерах: денег, ножей, ножниц, бритв и т.п.»¹³.

Помимо «высшей меры наказания по законам Революционного времени» для надзирателей существовал еще целый ряд дисциплинарных взысканий. Например, за незначительные упущения и проступки по службе по решению «Коллегии места заключения» надзиратели подвергались:

- аресту на 7 суток;
- смещению на низшую должность;
- увольнению со службы.

В то же время начальник или заведующий местом заключения в единоличном порядке мог назначить для надзирателя следующие взыскания:

- 1) выговор без объявления в приказе;
- 2) выговор с объявлением в приказе;
- 3) арест на трое суток¹⁴.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 8.

Главным в инструкции и правилах для надзирателей является момент признания их государственного статуса: «...надзиратели получают содержание на основании общих на это правил Российской Республики»¹⁵.

В результате можно утверждать, что советская власть в первые годы своего существования в полной мере использовала богатый опыт, накопленный до революции сотрудниками Главного тюремного управления Российской империи. Инструкции и правила для советских надзирателей во многом повторяли основные пункты и положения внутреннего распорядка в местах заключения до 1917 г. Несмотря на проекты уничтожения и демократизации системы исправительных учреждений, основные моменты их функционирования и внутреннего режима были сохранены в рамках сложившейся организационной государственной традиции.

¹⁵ Там же. С. 10.

Литература

1. Вентцель К.Н. Уничтожение тюрем / К.Н. Вентцель. М. : Кружок С.В.О.Д., 1917. 15 с.
2. Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование / В.В. Денисенко // История государства и права. 2007. № 22. С. 2–4.
3. Кропоткин П.А. Речи бунтовщика / П.А. Кропоткин ; пер. с фр. Н. и С. Тамамшевых ; ред.-изд. Валерий Бродский. СПб., 1906. 178 с.
4. Ливенцев Д.В. Проект уничтожения тюрем во время Февральской буржуазной революции 1917 г. / Д.В. Ливенцев // История государства и права. 2016. № 11. С. 56–58.
5. Ливенцев Д.В. Советские исправительные трудовые дома как социальная клиника в 20–30-е гг. XX в. / Д.В. Ливенцев // История государства и права. 2017. № 16. С. 26–28.
6. Таппасханова И.Б. Аграрный вопрос в 1917–1918 гг.: законодательная основа и регулирование / И.Б. Таппасханова // История государства и права. 2015. № 13. С. 41–44.

References

1. Venttsel K.N. Unichtozhenie tyurem [Destruction of Prisons] / K.N. Venttsel. Moskva : Kruzhok S.V.O.D. — Moscow : The S.V.O.D. Group, 1917. 15 s.
2. Denisenko V.V. Modernizatsiya obschestva i pravovoe regulirovanie [Modernization of the Society and the Legal Regulation] / V.V. Denisenko // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2007. № 22. S. 2–4.
3. Kropotkin P.A. Rechi buntovschika [Speeches of a Rioter] / P.A. Kropotkin ; per. s fr. N. i S. Tamamshevy'kh ; red.-izd. Valeriy Brodskiy. Sankt-Peterburg — translated from French by N. and S. Tamamshevy ; edited and published by Valery Brodsky. Saint-Petersburg, 1906. 178 s.
4. Liventsev D.V. Proekt unichtozheniya tyurem vo vremena Fevral'skoy burzhuaznoy revolyutsii 1917 g. [The Prison Destruction Project during the February Bourgeois Revolution of 1917] / D.V. Liventsev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2016. № 11. S. 56–58.
5. Liventsev D.V. Sovetskie ispravitelny'e trudovy'e doma kak sotsialnaya klinika v 20–30-e gg. XX v. [Soviet Correctional Labor Facilities as a Social Clinic in the 1920s to the 1930s] / D.V. Liventsev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 16. S. 26–28.
6. Tappaskhanova I.B. Agrarny'y vopros v 1917–1918 gg.: zakonodatel'naya osnova i regulirovanie [The Agrarian Issue in 197 to 1918 : the Legal Basis and Regulation] / I.B. Tappaskhanova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2015. № 13. S. 41–44.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-11-15-19

Способы призрения детей в контексте историко-правовой системы России XVIII–XX вв.

*Гуляева Татьяна Борисовна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Нижегородского института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы,
кандидат юридических наук
tbfab@rambler.ru*

В статье рассматриваются вопросы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Особое внимание уделяется регулированию способов призрения детей в период действия земских учреждений в России (конец XVIII — начало XX века). Дана подробная характеристика тайному приему и явному приему детей, оставшихся без попечения родителей. Кроме этого, автор анализирует мотивы введения института призрения в рассматриваемый период. В заключение исследования подведены итоги, позволяющие сделать категоричный вывод о значимости института призрения детей, оставшихся по тем или иным причинам без родителей.

Ключевые слова: семья, дети, призрение, явный прием, тайный прием, патронаж, кормилица, устройство, земские учреждения, приют.

Child Care Means within the Framework of the Historical and Legal System of Russia in the XVIII to the XX Century

*Gulyaeva Tatyana B.
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Institute
of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Candidate of Legal Sciences*

The article deals with the issues of arranging children left without parental care. Particular attention is paid to the regulation of charity of children during the period of zemstvo institutions in Russia (late XVIII — early XX century). A detailed description of the secret reception and the explicit reception of children left without parental care is given. In addition, the author analyzes the motives for introducing the institution of charity in the period under review. The conclusion of the study summed up the results, allowing to make a categorical conclusion about the importance of the institution of charity of children who were for some reason or other without parents.

Keywords: family, children, charity, obvious reception, secret reception, patronage, nurse, structure, zemstvo institutions, shelter.

Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, по тем или иным причинам волновало законодателя на всех этапах исторического развития российского государства. Эта проблема остается актуальной и в настоящее время¹. Более того, сегодня забота государства о защите семьи, материнства и детства закреплена в качестве конституционного принципа не только в России, но и в других странах².

Исторически так сложилось, что призрение несовершеннолетних детей всегда выступало важным компонентом права российского права³. В разные периоды развития отечественной правовой системы регулирование устройства детей, оставшихся без родителей, осуществлялось с учетом традиций, экономического положения в стране и других факторов⁴. В статье

вой анализ) // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 7–11.

¹ Семейное право : учебник / под ред. А.А. Демичева. М. : ИД «ФОРУМ» ; ИНФРА-М, 2010. С. 199–222.

² Илюхина В.А., Демичев А.А. Принципы семейного права Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-право-

³ Фабричная Т.Б. Спорные правовые вопросы тайны усыновления в советском семейном законодательстве 60–80-х годов XX века // История государства и права. 2016. № 3. С. 33.

⁴ Фабричная Т.Б. Эволюция института усыновления в российском праве XVIII–XX вв.:

автор делает акцент на основных способах призрения детей в период действия земских учреждений в России (XVIII–XIX вв.).

Характерно, что уже в период действия земских учреждений в России цивилисты считали непозволительным опытным путем определять устройство — призрение детей, оставшихся без родительского попечения, «...не справившись предварительно о результатах, полученных в этой же области другими учреждениями. Делая опыт с системами питания и содержания детей, учреждение рискует многими жизнями, и это обязывает его к величайшей осторожности. Теперь установлены прочные данные по многим вопросам, связанным с призрением детей, и работникам, призванным к этому делу, нужно считаться с ними и изыскивать способы, как при выполнении согласить их с материальными средствами и местными условиями...»⁵.

Поэтому, приступая к рассмотрению техники призрения, мы укажем выводы, которые использовались детскими учреждениями по призрению, дабы не совершать тех ошибок, которые были раньше.

Во-первых, тайным способом приема детей считался такой, при котором ребенка тайно приносят в приют и имя матери его остается неизвестным. Основатели этого способа полагали, что если девушка без мужа родит ребенка, то она примет все меры, для того чтобы ее грех не был известным. А также считали, что при отсутствии материальной возможности вырастить ребенка единственным выходом для нее было детоубийство. Поэтому утвердилось мнение, что если дать матери возможность тайно отдать ребенка на воспитание в приют, то ребенок останется живым и мать не совершит убийство.

Несомненно, что «...не столько забота о ребенке, сколько о душе матери...»⁶ подсказала основателю тайного приема детей, миланскому архиепископу Датеусу⁷, открыть

прием со специальным приспособлением для тайного приноса детей.

Мы видим, что законодателя рассматриваемого периода совсем не волновали способы и результаты воспитания принимаемых детей, мало того, он относился равнодушно к высокой смертности подкидышей, при этом проявляя заботу о сохранении тайны матери.

С церковной точки зрения тайный прием казался правильным, мать не совершала детоубийства, она тайно приходила к приюту и клала младенца в приготовленную корзину, причем оставалась неизвестной, так как корзина делалась в стене, где отсутствовали окна.

Но жизнь показала иное: «...подкидышей приносили в приюты в огромном количестве... смертность... громадная и почти все... вымирали в младенческом возрасте...»⁸.

Такой способ с люльками для тайного подкидывания детей перешел от приказов общественного призрения к земствам и применялся продолжительное время.

Затянувшийся период приема детей в приют с сохранением тайны матери показал, что его учредители допустили две существенные ошибки.

Первая ошибка заключалась в том, что, отдавая своего ребенка в приют, мать в первую очередь руководствовалась экономическими соображениями, а не чувством стыда.

Второй ошибкой надо считать предположение о том, что раз ребенка принимали в приют, то ему гарантировались жизнь и приличное воспитание.

Перейдем к рассмотрению следующего способа призрения детей, оставшихся без попечения родителей, — явному приему. В рассматриваемый период существовало устойчивое мнение о том, что подкидывание детей было результатом отсутствия у матерей всякой возможности воспитывать детей за свой счет, что и привело к субсидированию бедных матерей.

В связи с этим положением вводилось правило, дающее возможность нуждающимся матерям приносить ребенка в приют для воспитания. Необходимо было только подтвердить право на получение материальной помощи в виде субсидии.

Однако, если мать хотела сохранить свое имя в тайне, она могла подать доку-

историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010. С. 24.

⁵ Ошанин М. О призрении подкинутых детей. Ярославль : Типография Губернской Земной Управы, 1912. С. 34.

⁶ Фабричная Т.Б. Эволюция института усыновления в российском праве XVIII–XX вв.: историко-правовое исследование. С. 53.

⁷ Ошанин М. Указ. соч. С. 36–37.

⁸ Яблоков Н.В. Призрение детей в воспитательных домах. СПб., 1901. С. 17.

менты в закрытом конверте, их оценивало специальное должностное лицо и тайна при этом не разглашалась.

Двадцатилетний опыт действия явного приема детей показал, что тайной интересовались немногие. Так, в Московском воспитательном доме в 1905 г. просьб матерей о сохранении тайны оказался только 1%, остальные открыто предъявили документы о своем происхождении. В 1906 году о сохранении тайны заявили только 5 матерей из 10430, отдавших детей.

Таким образом, характерным признаком явного приема считалось предъявление документов матери, ребенка и определение материальной нужды матери.

Существенным вопросом было определение уровня материального положения, которое давало просительнице право на субсидирование.

Защитники системы тайного приема указывали, что введение явного приема не избавляет учреждение от необходимости содержать приют для воспитания таких детей, которые могут быть подкинутыми, и при введении явного приема детей от умерших или от заключенных в тюрьму родителей.

Это мнение, безусловно, верно: такие дети были, и их приходилось принимать на воспитание, но зато число их было сравнительно меньше⁹, «...с которым... будет соблюсти... правила гигиены и... легче сохранить им жизнь и обеспечить будущность...»¹⁰.

Статистика воспитательных домов показывает, что введение явного приема не увеличивало, а уменьшало число призреваемых. Так, в Петербургском воспитательном доме за 1887–1890 гг. при тайном приеме в среднем поступало по 9764 человека в год, а в период с 1891 по 1895 г. при явном приеме в среднем поступало 7126 человек.

Напротив, если взять Нижегородскую губернию, можно убедиться в том, что создание обстановки, удобной для тайного приноса, сразу повлияло на число приносимых детей. В 1897 году, когда люльки еще не было, подкинуто было 275 младенцев.

⁹ Шахова Е.С. Становление и развитие сети детских учреждений в Курской губернии в 20-е годы XX века как одно из средств борьбы с детской беспризорностью // История государства и права. 2016. № 3. С. 25.

¹⁰ Ошанин М. Указ. соч. С. 44.

В 1902 году с учреждением тайного приема и устройством люльки в стене поступило уже 719 младенцев, в последующие годы число подкидышей росло уже очень быстро: в 1904 г. оно увеличивается до 984 человек, в 1905 г. — 1196, в 1906 г. — 1392, в 1907 г. — 1615 и в 1908 г. — 1754 младенца. С 20 июня 1910 г. была «уничтожена люлька» и введен явный прием с субсидированием бедных матерей, и в специальном отчете по приюту мы видим, что в период с 1 июля по 31 декабря 1909 г. поступило 1009 младенцев, а с 1 июля по 31 декабря 1910 г. при действии явного приема поступило всего 390 человек¹¹. Эти цифры очень красноречивы.

Необходимо отметить еще одно предположение защитников тайного приема, которое держалось и руководило организациями сотни лет и удерживало учреждения от введения явного приема.

Со времен Датеуса¹² полагали, что введением тайного приема можно сократить или даже совсем уничтожить детоубийство, а при введении явного многие матери должны будут к нему прибегнуть.

Для того чтобы не возвращаться вновь к этому вопросу, укажем только, что он явился в предположении, что подавляющее число матерей нуждаются в сохранении их тайны. Но это основание для указанного предположения отпало.

Регистрация детоубийств ни разу и нигде не показывала, чтобы число их уменьшалось при введении тайного приема или увеличивалось при его закрытии, — напротив, данные показывают совершенно обратное: ни число подкидышей, ни число детоубийств не увеличиваются при закрытии тайного и открытии взамен его явного приема.

В 1891 году в Московском воспитательном доме при введении явного приема число подкидышей с 17 000 сократилось до 10 000 человек.

8-й Пироговский съезд после рассмотрения отчета комиссии по призрению детей установил, что кормление матерью является лучшей гарантией жизни ребенка и в случае тяжелого материального положения им необходимо выдавать пособие, которое будет в полной мере обеспечивать жизнь.

¹¹ Там же. С. 45.

¹² Там же. С. 45–46.

Явный прием детей открыто пропагандировался населению как новый способ призрения детей. В качестве примера такой пропаганды приводим объявление Нижегородского губернского земства начала 1910 г.: «...Нижегородская губернская земская управа доводит до... сведения... в детском приюте... вводится явный прием детей. ...При матери должно быть удостоверение личности. Мать принимается для вскармливания своего ребенка бесплатно с полным содержанием от земства. ...Младенцы... из других губерний... не принимаются...»¹³

Опыт показал, что после публикации появилось много желающих отдать своего ребенка на воспитание в приют, поэтому администрации детских учреждений стали тщательнее рассматривать документы, подтверждающие материальное положение просителей и принадлежность к другим губерниям.

Документы предъявляла мать ребенка, что было необходимо для оказания адресной помощи. Одновременно предъявлялись документы ребенка — это было связано с пресечением случаев пользования разными лицами одним и тем же младенцем для получения субсидии.

Матери, приносящие своих детей в приют, нуждались в различных видах помощи. Одни хотели получить только деньги, для того чтобы уехать, другие просили дать субсидию для оплаты услуг няни, с тем чтобы была возможность выйти на работу, иногда просили помощи на покупку молока и хлеба для ребенка.

Некоторые учреждения находили возможность оказывать индивидуальную помощь, но чаще всего мать принималась в приют в качестве кормилицы своего ребенка, получая полное содержание от приюта. Если она была здорова и могла кормить двоих детей, то ей давали еще ребенка, которого она кормила за плату. Через определенное время мать с ребенком уходила из приюта и получала ежемесячное пособие.

Размеры пособий в разных учреждениях были различны. Так, например, столичные воспитательные дома давали по 30 коп. в день в течение года и по 20 коп. в течение второго года; затем выдача пособия прекращалась и мать ничего больше не получала.

Иногда такие женщины брали «на выкормку» чужого ребенка, за которого по-

лучали особую плату, установленную для патронажа¹⁴.

Изложенное показывает, что пользу получали не только матери и их дети, но и сам приют.

Прокормивши месяц-два, мать свободно могла взять своего ребенка из приюта и возвратиться к обычным занятиям, получая определенное пособие из приюта. Благодаря этому «...из учреждения... происходит значительный отлив младенцев...», приют не переполнялся, и в результате улучшалось положение тех, кто в нем оставался.

Недостаток кормилиц являлся большим вопросом, с которым сталкивались во всех приютах, тогда детей брали на искусственное кормление. Поступление в приют матерей со своими детьми хоть как-то облегчало положение, так как они могли кормить не только своего ребенка, но и несколько чужих. При кормлении одного чужого ребенка мать получала половинное жалованье, в отличие от наемных кормилиц, и, следовательно, снижались траты на содержание детей.

Бесспорным является доказательство, что наилучшим питанием для ребенка являлось молоко матери, следовательно, при явном приеме детей, когда мать кормила, смертность таких детей снижалась до 5 и 4%, и нужно отметить, что эта цифра была ниже, чем смертность детей в бедных семьях.

При решении вопроса о выдаче пособия лицам, не принадлежащим к населению данной губернии, устанавливалось правило, в соответствии с которым пособие давали только коренным жителям губернии, т.е. приписанным к тому или другому сословию.

Несмотря на возникающие разногласия, субсидирование матерей в течение двух-трех лет для земства было гораздо выгоднее, чем принятие подкидыша.

В завершение статьи акцентируем внимание на следующем.

Во-первых, учредители тайного приема детей допустили две существенные ошибки.

Первая — неверное мнение — мать больше заботит тайна приема ее ребенка, а не экономическая выгода.

Вторая — неправильное предположение — раз ребенок принят в приют, то ему гарантируются жизнь и хорошее воспитание.

¹³ Яблоков Н.В. Указ. соч. С. 27.

¹⁴ Фабричная Т.Б. Эволюция института усыновления в российском праве XVIII–XX вв.: историко-правовое исследование. С. 11.

Во-вторых, двадцатилетний опыт действия явного приема детей показал, что «тайной» интересуются очень немногие матери.

В-третьих, характерным признаком явного приема считалось предъявление документов матери и ребенка и установление действительной материальной несостоятельности матери для воспитания ребенка на свои средства.

В-четвертых, выдача пособия бедным матерям была экономически выгодна для каждого губернского земства.

В-пятых, статистика воспитательных домов показывает, что введение явного

приема не увеличивает, а уменьшает число призреваемых детей.

Мы разделяем позиции ученых, считающих, что в интересах жизни и благополучия ребенка, в интересах охранения здоровья и, наконец, просто в денежном отношении для губернского земства выгоднее было совсем не считаться с вопросом о территориальной принадлежности лица, просящего пособие, а в каждом отдельном случае нужно было решать его, учитывая, что за полученный матерью отказ в пособии она может ответить «подкинутием» младенца.

Литература

1. Илюхина В.А. Принципы семейного права Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) / В.А. Илюхина, А.А. Демичев // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 7–11.
2. Ошанин М. О призрении подкинутых детей / М. Ошанин. Ярославль : Типография Губернской Земной Управы, 1912. 282 с.
3. Семейное право : учебник / под ред. А.А. Демичева. М. : ФОРУМ ; ИНФРА-М, 2010. 272 с.
4. Фабричная Т.Б. Спорные правовые вопросы тайны усыновления в советском семейном законодательстве 60–80-х годов XX века / Т.Б. Фабричная // История государства и права. 2016. № 3. С. 33–39.
5. Фабричная Т.Б. Эволюция института усыновления в российском праве XVIII–XX вв.: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Т.Б. Фабричная. Владимир, 2010. 199 с.
6. Фабричная Т.Б. Эволюция института усыновления в российском праве XVIII–XX вв.: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.Б. Фабричная. Владимир, 2010. 22 с.
7. Шахова Е.С. Становление и развитие сети детских учреждений в Курской губернии в 20-е годы XX века как одно из средств борьбы с детской беспризорностью / Е.С. Шахова // История государства и права. 2016. № 3. С. 24–26.
8. Яблоков Н.В. Призрение детей в воспитательных домах / Н.В. Яблоков. СПб. : Гос. тип., 1901. 71 с.

References

1. Ilyukhina V.A. Printsipy' semeynogo prava Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Armeniya (sravnitelno-pravovoy analiz) [Principles of Family Law of the Russian Federation and the Republic of Armenia (a Comparative Law Analysis)] / V.A. Ilyukhina, A.A. Demichev // Semeynoe i zhilishchnoe pravo — Family and Housing Law. 2016. № 4. S. 7–11.
2. Oshinin M. O prizrenii podkinut'ykh detey [On Taking Care of Dumped Children] / M. Oshinin. Yaroslavl : Tipografiya Gubernskoy Zemnoy Uprav'y — Yaroslavl : printing office of the Governorate Land Authority, 1912. 282 s.
3. Semeynoe pravo : uchebnik [Family Law : textbook] / pod red. A.A. Demicheva. Moskva : FORUM ; INFRA-M — edited by A.A. Demichev. Moscow : FORUM ; INFRA-M, 2010. 272 s.
4. Fabrichnaya T.B. Spornyye pravovyye voprosy' tayny' usynovleniya v sovetskom semeynom zakonodatelstve 60–80-kh godov XX veka [Disputable Legal Issues of Adoption Secrecy in Soviet Family Laws of the 1960s to the 1980s] / T.B. Fabrichnaya // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2016. № 3. S. 33–39.
5. Fabrichnaya T.B. Evolyutsiya instituta usynovleniya v rossiyskom prave XVIII–XX vv.: istoriko-pravovoe issledovanie : dis. ... kand. jurid. nauk [Evolution of the Adoption Institution in Russian Law of the XVIII to the XX Century: Historical and Legal Research : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / T.B. Fabrichnaya. Vladimir — Vladimir, 2010. 199 s.
6. Fabrichnaya T.B. Evolyutsiya instituta usynovleniya v rossiyskom prave XVIII–XX vv.: istoriko-pravovoe issledovanie : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Evolution of the Adoption Institution in Russian Law of the XVIII to the XX Century: Historical and Legal Research : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / T.B. Fabrichnaya. Vladimir — Vladimir, 2010. 22 s.
7. Shakhova E.S. Stanovlenie i razvitie seti detskikh uchrezhdeniy v Kurskoy gubernii v 20-e gody' XX veka kak odno iz sredstv borby' s detskoj besprizornostyu [The Establishment and Development of a Network of Child Institutions in the Kursk Governorate in the 1920s as One of the Means of Combating Child Homelessness] / E.S. Shakhova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2016. № 3. S. 24–26.
8. Yablokov N.V. Prizrenie detey v vospitatelny'kh domakh [Child Care in Foster Homes] / N.V. Yablokov. Sankt-Peterburg : Gos. tip. — Saint Petersburg : State Printing Office, 1901. 71 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-11-20-25

Новый взгляд на массовые репрессии 1937 г. в исправительно-трудовых лагерях

Кузьмин Станислав Иванович,
главный научный сотрудник
ФКУ «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России»,
доктор юридических наук, профессор
fkuniifsin@gmail.com

В статье на примере Ухто-Печорского ИТЛ рассмотрен механизм реализации высшей меры наказания по отношению к различным категориям осужденных в 1937–1938 годах. На основании исследования установлено, что на первом этапе в лагерях были ликвидированы главным образом уголовно-бандитствующие элементы, а на втором — уничтожены активные участники 12 политических партий, выступавших против советской власти.

Ключевые слова: репрессии, 1937 год, осужденный, лагеря, изоляция, оперативный приказ.

A Fresh Approach to Mass Repressions of 1937 in Correctional Labor Camps

Kuzmin Stanislav I.
Chief Research Scientist of the Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Doctor of Law
Professor

In an article on the example of the Ukhto-Pechora ITL, the mechanism for the implementation of capital punishment in relation to various categories of convicts in 1937–1938 was examined. Based on the research it was established that at the first stage the criminal-bandit elements were liquidated in the camps, and on the second stage active participants of 12 political parties opposed to the Soviet power were killed.

Keywords: repression, 1937, convict, camp, isolation, operational order.

1937 год вошел в историю нашей страны как год массовых репрессий против различных слоев граждан. Не обошли они и места лишения свободы¹. Но если все подлежащие репрессии по оперативному приказу НКВД СССР от 30 июля 1937 г. кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы делились на две категории: подлежащие расстрелу и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, то отбывавшие уголовные наказания в исправительно-трудовых лагерях (далее — ИТЛ) подлежали репрессии только по первой категории — расстрелу. В соответствии с разрядкой уничтожению в системе лагерей подлежали 10 000 человек². Меры репрессии по от-

ношению к лицам, содержащимся в местах лишения свободы, применялись на основании приказа НКВД СССР, механизм реализации которого можно проследить на примере Ухто-Печорского ИТЛ.

17 августа 1937 г. по третьему отделу Ухто-Печорского ИТЛ был издан приказ, в котором говорилось, что в целях быстрейшего выполнения задания, в соответствии с приказанием от 8 августа 1937 г., нижеперечисленным оперативным работникам (7 человек) заняться исключительно составлением справок в соответствии с вышеуказанным приказом. Работу другую выполнять только совершенно необходимую и с его (начальника) ведома³.

Начальник III отдела лагеря Черноиванов 30 августа отправил в Воркуту своему подчиненному Сеплярскому радиogramму

¹ Козинцев А.Я. Лагерная юстиция в СССР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 4. С. 41–46.

² История сталинского ГУЛАГа. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 271.

³ Архив МВД Республики Коми. Ф. 6. Оп. 8. Д. 16. Л. 15.

следующего содержания: «По известным Вам спецделам необходимо Вам в месячный срок закончить дела на 450 обвиняемых. В первую очередь расследуйте дела на обвиняемых: организаторов голодовок, отказчиков от работы, занимавшихся контрреволюционной агитацией, разлагавших лагерников и беглецов. Для выполнения этого задания в срок предлагаю мобилизовать весь оперсостав третьей части. Руководство ведением следствия возлагаю лично на Вас. Учтите, ежедекадно мы сведения обязаны посылать в ГУЛАГ»⁴.

На следующий день им был издан приказ по III отделу следующего содержания: «В целях быстрой разгрузки в кратчайший срок (в течение месяца) всех имеющихся в производстве следственных дел, в первую очередь по отношению тех обвиняемых, которые ведут активную антисоветскую подрывную и прочую деятельность в лагере, в том числе побег, использовать как следственные, так и другие материалы. 14 человек оперуполномоченных мобилизовать до окончания этой работы. По 100 дел на каждого, Добрынину — 50. Предупредить всех оперативных работников, что качество следственной работы должно быть проведено исключительно хорошо. За плохое качество будут применяться строгие административные взыскания. Срок сдачи рапортов 4, 9, 14, 19, 24, 29 сентября 1937 г.»⁵.

5 сентября 1937 г. Черноиванов направил в Воркуту Сеплярскому радиogramму, содержащую список заключенных, подлежащих немедленной концентрации в одном месте⁶. Два дня спустя Черноиванов потребовал от Сеплярского немедленно сообщить по радиации, сколько дел подготовлено на тройку: «Учтите, что сроки идут. Дела у Вас двигаются плохо. Мобилизуйте безотказно весь аппарат. Ничего от Вас в Москву сообщить»⁷.

В адрес Черноиванова 12 сентября 1937 г. поступила радиogramма из Усы. В ней сообщалось: «Закончено полностью 50 дел, все по ст. 58-10. Взято в производство 136 дел одиночек, 6 групповых дел и на 39 человек подготавливаются 10 дел по лагер-

ному бандитизму. Приказ наркома Ежова нами получен 8 августа. Первое время встречались большие трудности, материалы старые, свидетелей тяжело найти. Сейчас дела пошли лучше. В Москву сообщите, что Воркута отстает, работа окончательно развалена. Начинаем все снова. За такую работу Усков привлекается к уголовной ответственности»⁸.

Для изоляции основной массы заключенных, дела на которых направлены на рассмотрение тройки УНКВД Архангельской области, по третьему отделу Ухто-Печорского ИТЛ был издан приказ «Об осуществлении усиленного режима по содержанию особо опасного контингента из заключенных на командировке Новая Ухтарка». Параграф второй обязывал начальника военизированной охраны Ухто-Печорского ИТЛ Медведева обеспечить необходимое количество стрелков исключительно из вольнонаемного состава, передав их в распоряжение начальника командировки Лихолетова. С целью обеспечения порядка, ввиду отдаленности командировки от населенных пунктов, отсутствия должной связи (кроме пешей и конной), начальнику ВОХР товарищу Медведеву выдать ручной пулемет системы Дегтярева с необходимым количеством дисков и боевых патронов⁹.

К приказу прилагалась Инструкция по содержанию особо опасного контингента из заключенных Ухпечлага НКВД на командировке «Новая Ухтарка». Поскольку общей инструкции по режиму содержания заключенных в ИТЛ не было, то данная инструкция представляла собой локальный нормативно-правовой акт, действие которого ограничивалось временем проведения специальной операции в конкретном лагере. Ее содержание представляет несомненный интерес, а поэтому приведем ее основные положения.

«1. Обыск заключенных, направляемых на командировку «Новая Ухтарка» производится на лагпункте Тобысь и по прибытии на командировку, составляя на отобранные вещи акты в 2-х экземплярах, на которых должны быть подписи подвергнутых обыску и обыскиваемых.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 21–22.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 9.

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 35.

2. Водворение заключенных на командировку производится только по моему предписанию (помощника начальника управления, начальника III отдела ст. лейтенанта госбезопасности т. Черноиванова или его заместителя).

3. Содержание заключенных должно быть: а) без вывода на работу; б) без свиданий; в) без переписки.

4. Предоставлять прогулку во дворе командировки без вывода за зону в течение 20 минут. Прогулку покамерно не более 25 человек.

5. Пища заключенным, содержащимся в камерах, доставляется поваром и раздается дежурным стрелком ВОХР в присутствии дежурного по командировке через окошко в дверях.

6. Отправление естественных надобностей — исключительно в уборной командировки, дополнительные выводы в уборную, расположенную во дворе, запретить.

7. Мытье в бане не более 10 человек.

8. Оказание медицинской помощи путем предварительной записи дежурным на основании заявления больного. Вооруженный стрелок принимает из камеры заключенного, отводит на медпункт и обратно. Время вывода фиксировать.

9. При наличии волнений заключенных (возмущение, бунт) или выступлений начальник командировки действует на основании Устава караульной службы и немедленно через связного докладывает.

10. В случае пожара начальник командировки принимает меры по оцеплению территории и выводу осужденных из помещений.

11. Допускаются начальник лагеря, помощник начальника III отдела, начальник ВОХР. Допуск посторонних на территорию или внутрь категорически воспрещается, кроме лиц, имеющих разрешение начальника III отдела.

12. С наступлением темноты и в ночное время вне зоны выставлять дозор.

13. Вход внутрь камер во время содержания там заключенных представителями наряда категорически запрещен.

Инструкцию прочитал. Поставленные задачи усвоил.

Начальник командировки, командир 3-его дивизиона Лихолетов»¹⁰.

¹⁰ Там же. Л. 43–45.

29 октября 1937 г. в адрес руководства лагеря (Дементьеву, Мороз, Черноиванову) поступила служебная записка от первого заместителя Народного комиссара внутренних дел СССР М.П. Фриновского, в которой он сообщал, что «по приказу Нарком утвердил дополнительно 600 человек. Операцию необходимо закончить к 1 декабря»¹¹.

В середине октября 1937 г. заместитель начальника отдела охраны ГУЛАГа НКВД капитан госбезопасности III отдела лагеря Григорович обязал выполнить следующие указания:

1. Поднять все агентурные и следственные материалы в первую очередь на осужденных по ст. 58 УК и продолжающих свою контрреволюционную деятельность или совершающих иные преступления в лагере, а также систематически нарушающих режим, бежавших, пытавшихся бежать, участвовавших в организации побегов, организаторов голодовок, систематически отказывающихся от работы.

2. Пересмотреть все материалы на лиц, неоднократно судившихся в лагере и нарушающих лагерный режим, а также на весь бандитствующий элемент и на рецидивистов, неоднократно подвергавшихся в лагере административному наказанию (штрафной изолятор, подконвойная командировка).

Срок исполнения 45 суток до 20 октября 1937 г.¹².

По мере подготовки следственные материалы направлялись на рассмотрение тройки УНКВД Архангельской области. Например, на 4 ноября 1937 г. в этот адрес было отправлено 290 следственных дел на 565 обвиняемых по следующим статьям УК РСФСР: п. 10, 11 ст. 58 (антисоветская агитация) — 77 человек; п. 7 ст. 58 (противодействие нормальной деятельности) — 8 человек; п. 3 ст. 59 (участие в беспорядках) — 117 человек; ст. 136 (убийство) — 11 человек; ст. 142 (умышленное телесное повреждение) — 19 человек; ст. 165 (грабеж) — 8 человек; ст. 167 (разбой) — 2 человека; ст. 169 (мошенничество) — 23 человека; ст. 154 (понуждение женщин к сожительству) — 5 человек; ст. 162 (кража) — 41 человек; ст. 82 (побеги) — 242 че-

¹¹ Там же. Л. 65.

¹² Там же. Д. 18. Л. 62–63.

ловека; ст. 72 (подделка документов) — 1 человек; ст. 73 (сопротивление власти) — 6 человек; ст. 74 (хулиганство) — 3 человека; ст. 79 (умышленное уничтожение государственного имущества) — 1 человек; ст. 109 (злоупотребление властью) — 3 человека; ст. 110 (превышение властных полномочий) — 5 человек; ст. 111 (бездействие) — 1 человек; по Закону от 7 августа 1932 г. (хищение) — 13 человек¹³.

Первый приказ по лагерю о решении тройки УНКВД Архангельской области был издан 15 декабря 1937 г. в отношении 22 заключенных. В преамбуле приказа отмечалось, что «враги народа троцкистско-зиновьевцы, рыковско-бухаринские наймиты германско-японской фашистско-шпионский бандитской агентуры, отбывающие срок наказания во вверенном мне лагере, за последнее время проявили свою гнусную контрреволюционную вредительскую деятельность. Они терроризировали население лагеря, подрывали дисциплину и внутренний распорядок лагеря. Пытались на отдельных участках работы дезорганизовать производство, систематически отказывались от работы, занимались контрреволюционным саботажем. Организовывали побег из лагеря и грабили вольнонаемное население. Сознательно уничтожали колхозное социалистическое имущество. Приговорены к высшей мере социальной защиты — расстрелу. Приговор приведен в исполнение. Предупреждаю. Приказ объявить всем заключенным. Начальник Ухто-Печорского ИТЛ НКВД СССР Я. Мороз»¹⁴.

В соответствии со следующим приказом 12 человек были подвергнуты высшей мере наказания за бандитизм на железнодорожном транспорте, выразившийся в ограблении поездов и расхищении грузов¹⁵.

Всего в Ухто-Печорском ИТЛ в 1937–1938 гг. по приказу НКВД СССР за лагерный бандитизм, грабежи, избиения, издевательства над заключенными, побег, подстрекательство и пособничество к побегам, хищение грузов на железнодорожном транспорте и антисоветскую агитацию было репрессировано с применением высшей меры наказания — расстрела 2901

человек¹⁶. При этом не обошлось без нарушения законности. В материалах дела имеются допросы сотрудников о фактах расстрела граждан под другой фамилией в отношении шести человек¹⁷.

Аналогично решались вопросы укрепления правопорядка и в других лагерях. Приведем характерный пример. Заключенный С.В. Барышев, осужденный по ст. 170 УК УССР на 10 лет, вторично осужденный в лагере по ст. 116 ч. 1 УК РСФСР на срок два года, В.С. Миронов, осужденный как СВЭ (социально-вредный элемент) на три года, еще 5 осужденных как СВЭ, а всего в группе состояло 17 человек, отбывая меру наказания в 8-м отделении Бамлага, являлись злостными отказчиками от работы. На этой почве они объединились в группу под руководством Берникова и Смирнова, занимались ограблением и избиением заключенных, вели паразитический образ жизни, заставляли слабосильных заключенных заниматься кражами и краденое им отдавать. В феврале 1938 г. группой были ограблены и избиты заключенные Емельянов, Гринван, Кузнецов и др., которые, боясь избиения, никому о грабежах не заявляли. В конце февраля на колонне (структурное подразделение в лагерях железнодорожного строительства, приравненное к лагерному пункту) производилась выдача денежного премиального вознаграждения работающей части заключенных. Заключенные Берников и Смирнов расставили членов своей группы по баракам и при входе заключенных, получивших денежное вознаграждение, производили обыск и полученные деньги отбирали. Лиц, пытавшихся оказать сопротивление или спрятать куда-нибудь деньги, подвергали жестоким избиениям. В этом же месяце неоднократно избивали и обливали супом заключенного Недоливко за то, что последний пытался сообщить о бандитских действиях группы стрелкам охраны. В середине февраля 1938 г. в колонну прибыл этап из Харькова, который разместили в барак, разделенном стеной от помещения, занятого бандитской группой. В ту же ночь стенка группой была разобрана и у вновь прибывших был произведен поголовный обыск, все имеющиеся ценные вещи были отобраны.

¹³ Там же. Л. 18.

¹⁴ Там же. Л. 17.

¹⁵ Там же. Л. 18.

¹⁶ Там же. Д. 26. Л. 7.

¹⁷ Там же. Д. 30. Л. 81.

При раздаче пищи группа лучшее забирала себе, а оставшуюся жидкость выдавали работающей части заключенных. На попытку заключенного Новожилова возразить заключенные Шуганов и Худяков избili его до потери сознания. Кроме того, группы в разное время были ограблены и избиты заключенные Шлыков, Морозов, Науров и ряд других. По постановлению тройки УНКВД по Дальневосточному краю от 26 марта 1937 г. все 17 членов бандитствующей группировки были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны в 3 часа 1 июля 1938 г.¹⁸

В системе ИТЛ особое место занимали Ухто-Ижемский, Воркуто-Печорский и Северо-Железнодорожный ИТЛ, где были сконцентрированы осужденные за контрреволюционные преступления. Об этом свидетельствует донесение помощника начальника 2-го отделения III отдела ГУЛАГа Кашкетина заместителю начальника III отдела ГУЛАГа Симховичу о количестве заключенных, подлежащих репрессированию в этих лагерях от 23 августа 1938 г. Таких в списках числилось по Воркуто-Печорскому лагерю — 1223, по Ухто-Ижемскому — 587, Северо-Железнодорожному — 121 человек. Из этого числа 1112 являлись троцкистами, бухаринцами, каменевцами и зиновьевцами, а остальные — шпионами, террористами и участниками других антисоветских политических партий.

В списки подлежащих репрессии, как сообщал в своем донесении Кашкетин, не попали заключенные лагерных подразделений Воркуто-Печорского лагеря, где нет работников III отдела (Кочмес — 450–500 троцкистов, Адзъва — до 600 троцкистов, Сынъя-Нырт — до 800 троцкистов и шпионов и т.д.). Он предлагал во все эти лагерные подразделения командировать квалифицированных работников, для того чтобы восполнить этот пробел¹⁹. В этом донесении он высказывал мнение о целесообразности начать операцию с Ухто-Ижемского и Северо-Железнодорожного лагерей, арестовав 708 заключенных. Параллельно с этим мероприятием он предлагал дать телеграфное приказание в Воркуто-Печорский лагерь этапировать 1223 заключенных в Чибью, куда этап при-

будет не раньше чем через 1–1,5 месяца. К этому времени, считал он, опергруппа закончит следствие по делам арестованных из Ухто-Ижемского и Северо-Железнодорожного лагерей.

Для выполнения поставленной задачи Кашкетин считал, что необходимо:

1. Окончательно решить вопрос и том, будет ли ограничена операция каким либо лимитом или самой опергруппе будет предоставлено право арестов этих категорий заключенных, в зависимости от оперативной целесообразности, вне всяких лимитов.

2. Указать порядок осуждения всех намеченных к репрессированию, а именно где, когда и кто будет их судить. Наиболее целесообразно — создать в Коми АССР, в г. Сыктывкаре, тройку, на которой рассматривать дела.

3. Выделить квалифицированную группу следователей, не менее 35 человек, для ведения следствия.

4. Выделить из Москвы представителя прокуратуры с тем, чтобы местная лагерная прокуратура не имела отношения к ходу следствия.

5. На время операции передать опергруппе легкий самолет, совершенно необходимый в условиях Чибью — Воркуты.

6. Выделить специальный шифр для сообщения с Москвой, ибо существующие местные радиокоды не обеспечивают конспирации и не рассчитаны на шифровку собственно чекистских оперативных донесений.

На основании донесения Кашкетина был подготовлен проект приказа НКВД СССР о репрессировании участников «фашистско-шпионских террористических организаций» в этих лагерях. Им предусматривалось репрессировать с 1 сентября 1938 г. по 1 марта 1939 г. следующие категории заключенных, скрывших на следствии свою антисоветскую деятельность и связи, не прекративших в лагере антисоветской работы, — фашисты, шпионы, террористы и диверсанты: троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, рыковцы, каменевцы, эсеры, националисты (украинские и восточные), дашнаки, грузинские меньшевики, мусаватисты, сионисты, меньшевики²⁰.

¹⁸ Архив УВД Амурской области. Ф. 24. Д. 51537.

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2274. Л. 38–40.

²⁰ Юдин Е.Г. Некоторые вопросы истории развития оперативно-розыскной деятельности и

Подготовленная операция должна была решить две важнейшие задачи:

1. Получить у арестованных все известные им данные об оставшихся сообщниках, организациях, резидентурах, все связи, адреса, явки, места хранения нелегальной техники, литературы, оружия, нелегальные переправы, зарубежные связи и зарубежные адреса.

2. Физически уничтожить активных фашистов, террористов и шпионов, троцкистов, бухаренцев, зиновьевцев и участников других антисоветских организаций, не выдавших на следствии своей фашистско-шпионской деятельности и своих сообщников и связей, не прекративших в лагерях антисоветской работы²¹.

В исправительно-трудовых лагерях репрессии проводились в два этапа. На первом этапе, с августа 1937 г. по август 1938 г., к ответственности привлекались за контрреволюционную деятельность, систематическое нарушение режима бежавшие из лагеря или пытавшиеся бежать, участвовавшие в организации побегов, организаторы голодовок, систематически отказывавшиеся от работы, неоднократно подвергавшиеся в лагере административным взысканиям (водворение в штрафной изолятор, направление в подконвойную командировку), за ограбление вольнонаемного населе-

ния, за сознательное уничтожение колхозного имущества, за лагерный бандитизм, грабежи, избиение и издевательство над заключенными, за ограбление поездов и расхищение грузов и др.

Архивные документы свидетельствуют о том, что расстрелы носили групповой и массовый характер. Так, например, в адрес начальника лагерного пункта Новая Ухтарка Лихолетова поступило указание следующего содержания: «предлагаю сегодня, 25 апреля 1938 г., провести в исполнение приговоры тройки НКВД по Архангельской области» (заседания от 5, 8, 29 октября и 26 декабря 1937 г.; от 2, 4, 5, 9, 11, 13, 29 января, 15 февраля и 15 марта 1938 г. (протоколы № 17, 19, 30, 44, 49, 51, 54, 56, 58, 62, 68, 69, 75)²².

На втором этапе, в период с сентября 1938 г. по март 1939 г., репрессиям подлежали представители оппозиционных политических партий, а также ранее осужденные за террор и шпионаж, не прекратившие своей антисоветской деятельности в местах лишения свободы.

Всего на основании приказа Н.И. Ежова в Ухто-Печорском ИТЛ было расстреляно 2 001 человек, а по всем лагерям НКВД СССР — 30 187 человек. В гулаговской статистике эти люди прошли по графе «прочая убыль»²³.

ее правовой основы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 5. С. 20–24.

²¹ История сталинского ГУЛАГа. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 301–302, 659.

²² Архив МВД Республики Коми. Ф 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 7.

²³ Кузьмин С.И. ГУЛАГ без ретуши. М.: Концептуал, 2018. С. 86.

Литература

1. Козинцев А.Я. Лагерная юстиция в СССР / А.Я. Козинцев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 4. С. 41–46.
2. Кузьмин С.И. ГУЛАГ без ретуши / С.И. Кузьмин. М.: Концептуал, 2018. 224 с.
3. Юдин Е.Г. Некоторые вопросы истории развития оперативно-розыскной деятельности и ее правовой основы / Е.Г. Юдин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 5. С. 20–24.

References

1. Kodintsev A.Ya. Lagernaya yustitsiya v SSSR [Camp Justice in the USSR] / A.Ya. Kodintsev // Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie — Penal System: Law, Economics, Management. 2008. № 4. S. 41–46.
2. Kuzmin S.I. GULAG bez retushi [The Gulag in its True Colours] / S.I. Kuzmin. Moskva : Kontseptual — Moscow : Conceptual, 2018. 224 s.
3. Yudin E.G. Nekotory'e voprosy' istorii razvitiya operativno-rozysknoy deyatelnosti i ee pravovoy osnovy' [Some Issues of the History of the Development of Operational Search Activities and Their Legal Bases] / E.G. Yudin // Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie — Penal System: Law, Economics, Management. 2006. № 5. S. 20–24.

Герменевтическая диалектика в гуманитарном познании

*Жовтун Дмитрий Тимофеевич,
профессор Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ),
доктор философских наук
dtzhovt@yandex.ru*

В статье рассматриваются новые методологические аспекты диалектики, проявляющиеся в сочетании ее принципов с принципами герменевтики в гуманитарном познании.

Ключевые слова: диалектика, противоречие, герменевтика, система, свобода, коммуникация.

Hermeneutic Dialectics in Human Cognition

*Zhovtun Dmitry T.
Professor of the Law Institute of the Russian University of Transport (RUT),
Doctor of Philosophy*

The article deals with new methodological aspects of dialectics appear in the integration of its principles with the principles of hermeneutics within the humanitarian cognition.

Keywords: dialectics, contradiction, hermeneutics, system, freedom, communication.

Диалектика — это удивительное явление человеческого духа. Как древнейшая философская традиция, она своими корнями уходит глубоко в «археологические пласты» истории человеческого познания. Первые ростки-идеи диалектики, в последующем историко-философском процессе получившие статус принципов — всеобщей связи, развития, противоречия (как ядра диалектики), появляются вместе с возникновением философии как формы мировоззрения: в древнекитайской философии идея гармонии в поднебесной и в небесах, взаимодействия противоположных начал «Инь» и «Ян», порождающих и определяющих все сущее; в древнегреческой философии, еще до того, как было сформулировано само понятие диалектики, в ее наивно-стихийной форме мы можем заметить идеи Гераклита о бытии как вечном становлении, побуждаемом борьбой противоположностей.

В процессе дальнейшего развития философии погруженные в ее процесс мыслители, несмотря на противостояние другой древнейшей мыслительной традиции — метафизики, испытывали истинное наслаждение исторической рефлексией духа, который играючи порождал плюрализм философских учений, посвященные

в философию, как бы купались в этой «реке Гераклита», переживали радость становления, «метафизическое веселье бытия» (Ж. Делез), выраженное в формирующихся категориях диалектики, в их взаимопереходах и переливах.

Если философия, по определению Гегеля, есть пробудившийся к самоотчету дух, то диалектика, с этой точки зрения, является способом самодвижения духа, способом его самоотчета. Диалектика, на наш взгляд, созвучна свободе. Это свободное мышление, но именно мышление в высоком смысле этого понятия, а не «пустое рассуждательство» (Гегель), мышление, само себя осознающее, само себя регулирующее и контролирующее, как рефлексивное движение сознания человека. Поэтому самой высокой оценкой тому или иному автору должна быть такая оценка: он мыслит свободно!

Но здесь вполне возможно следующее возражение: а как же быть с теорией диалектики, ведь существуют определенные правила, принципы, законы диалектики, наконец, система категорий, категориально-понятийный аппарат, к чему-то обязывающий, дисциплинирующий мысль. Все правильно — именно с этого мы в свое время начинали изучать диалектику и других

так же учили. Без определенного структурирования и систематизации знаний образование невозможно. Но, как мудро заметил немецкий философ Ф. Шлегель, для духа одинаково смертельно — иметь систему и не иметь. Очевидно, он должен соединить и то и другое.

По нашему глубокому убеждению, как только диалектика приобретает систему, она изменяет сама себе, — с возникновением системы где-либо и в чем-либо возникают проблемы со свободой. Система наносит ущерб свободе. Система и свобода — несовместимы.

С этой точки зрения диалектика как устремленность к свободе есть мышление, осознающее свою недостаточность, неполноту (ни одна теория, каким бы богатым понятийным аппаратом она ни располагала, не в состоянии охватить все многообразие действительности, всю глубину ее связей и отношений). И в этом самоосознании, саморефлексивности — сила и методологическая мощь диалектики.

Диалектика нас всегда интересовала как метод. Но, на наш взгляд, она больше и шире, чем метод. Это особое мировосприятие, миропонимание, мы бы сказали, образ жизни. Если Гадамер сравнивал герменевтику с образом жизни, то диалектика есть душа герменевтики. Процесс понимания, как содержательное ядро герменевтики, пронизан, пропитан диалектическими интенциями, направляющими мысль на постижение сложнейших взаимосвязей, наполняющих человеческое бытие. Применение же метода к постижению этих связей всегда огрубляет, омертвляет, а следовательно, и искажает их. Более того, увлеченность рациональным методом, что очень часто случается в науке, порождает так называемый «наивный методологизм», означающий ситуацию, когда метод принимается за действительность и исследователь похож на человека, потерявшего часы и ищущего их не там, где потерял, а под фонарем, потому что в этом месте виднее.

Метод — это всегда система, определенная регламентация и неизбежные ограничения. Диалектика, как свободное движение мысли, не может примириться со своими собственными границами и поэтому постоянно их нарушает, она есть постоянная устремленность к прорыву за свои

собственные границы. Более того, ее лучшие достижения как метода есть результат такого нарушения. Педантичное, строгое следование заранее расписанному методу никогда не приведет к открытию. Метод как система работает только на воспроизведение уже существующих или ранее существовавших материальных и духовных форм.

В виде системы метод может только подтверждать и иллюстрировать истинность того или иного положения, но открывать новые истины он уже не сможет. Следовательно, если позаботиться о свободе, то истина позаботится сама о себе. Свобода — это сущностная черта диалектики.

Сознание и мышление, как известно, понятия не тождественные. Если сознание есть отражение объективной реальности, то мышление лишь провоцируется бытием, инспирируется им. Мышление — это обузданный поток сознания, движение сознания в определенных рациональных логических нормах, понятиях, категориях и т.п. И в этой оформленности и системности кроется как сила, так и слабость рационального, логического мышления. Рассматривая эти сокровеннейшие нюансы работы человеческого духа по поиску и определению истин, нельзя пройти мимо оригинальных замечаний Ф. Ницше, его любопытных аналогий между истиной и женщиной. Ницше иронизирует по поводу мнения, что истина — дама строгая. Примером такого заблуждения он считал Спинозу, называя его больным отшельником, заковавшим в броню математических, геометрических формул свою любовь к мудрости, для того чтобы заранее поколебать мужество нападающих, которые осмелились бы бросить взгляд на эту непобедимую деву. Сам же Ницше считал, что, напротив, истина довольно ветренная и капризная и иногда раскрывается из-за сущего пустяка. Но философы со своей чопорностью и благонравием старых моралистов и проповедников, такие как Спиноза и Кант, с их ужасающей серьезностью всегда плохо понимали женщин. Таково же их отношение и к истине, их назойливые поиски, попытки завоевать которую, овладеть ею с помощью громоздких и строгих философских систем, методологий совершенно бесперспективны, по мнению Ницше.

Надо признать, что в этой грустной шутке есть доля правды. Она подсказывает, что всякая система в мышлении увлекает, ведет мысль по заранее определенным путям. Поэтому в диалектике, представленной в виде системы, проявляется такая характеристика как обольщающее, уводящее мышление, ее формы обольстительны для попавшего на ее потайные тропы субъекта. Обольщенного мыслителя диалектика «ведет», и он, как влюбленный и покоренный ею, следует за ней в поисках истины — этой синей птицы познающего разума (здесь так и хочется сказать: «следует, потеряв рассудок» (хотя с рассудком у диалектики особые счеты, они предьявлены Гегелем).

Когда диалектика демонстрирует свои прелестные места, их многозначность, загадочность, игриво приоткрывая, как бы обнажая свои интимнейшие связи (особенно категориальные пары противоположностей), то субъект готов следовать за ней «на край света», теряя рассудок, чтобы в один прекрасный момент получить отрезвляющий удар — истины нет, все относительно, истина — это исторический путь, частичку которого диалектически мыслящий субъект прошел (и от такого удара не каждый может поправиться, многие превращаются в ярких противников диалектики как способа мышления).

Одной из самых загадочных и влекущих областей диалектики, приводящей в трепет и духовное волнение и напряжение мыслящего субъекта, является противоречие, по истине выступающее нервным центром, ядром диалектики. Противоречие в процессе осмысления того или иного предмета — это всегда проблема, пункт высшего напряжения духа, точка роста знания. И следует согласиться с Гегелем, считавшим, что наличие противоречия есть критерий истины, а его отсутствие — критерий заблуждения.

Диалектическое мышление — это искусство соединять противоположности, способность мысли заставлять «светиться» каждое понятие через противоречие» (Гегель). Многообразие свойств, признаков мыслимого предмета, поднятые на вершину противоречия, становятся подвижными, приобретают негативность, которая является внутренней пульсацией самодвижения предмета. Острота нашего ума зависит от способности сознания связывать, мыс-

лить противоположности в их единстве. Как поразительно точно сформулировал эту мысль Мартин Хайдеггер: всякое «анти-» застревает в сущности того, что оно отрицает.

Диалектическое мышление — это интендированное сознание, целенаправленное, устремленное, поисковое. Мысль, направляемая принципами диалектики, и прежде всего принципом противоречия, — это не налагание понятий на предмет, не луч прожектора, высвечивающего, выделяющего объект из окружающего мира. Скорее, это луч лазера, пронизывающий предмет, проникающий во внутренние связи и отношения его структурных элементов в их взаимодействии и процессе изменения, что фиксируется в конкретном содержании этого предмета, выраженном в категориально-понятийном динамизме. Другими словами, диалектическая интенция представляет собой не скольжение сознания по поверхности объекта, а внедрение, погружение в объект. Объект в этом случае не омывается мыслью как остров водами океана, а мысль проникает в объект, начиная свою работу по выявлению происходящих внутри процессов.

Но объект оказывает сопротивление интенции познающего сознания. Эта проблема была отмечена и легла в основу целого учения о «вещи в себе» И. Канта. Кант указал на пропасть между объектом для нас и объектом в себе, недоступным и непроницаемым в его сущность. Ж.-П. Сартр поддержал Канта, изящно сформулировав эту проблему в суждении: мир непроницаемый, отталкивает от себя рациональное мышление, как раскаленное железо отталкивает от себя капли воды.

Таким образом, в моем понимании, диалектика — это свободно полагающий свои формы духовный опыт, презревший всякие границы, главным принципом которого является возбуждающее мысль и удерживающее ее в постоянном напряжении противоречие. Противоречие, как единство противоположностей, есть онтологический принцип всего сущего в бытии и его познании. Свобода и напряжение духа, порожденные принципом противоречия, родят диалектику с творчеством.

Диалектика относится прежде всего к сфере субъективности, это способ экс-

пликации, извлечения смысла из пучины бытия, которое, по выражению Хайдеггера, нуждается в человеке, непосредственно участвующем в конституировании бытия. Поэтому диалектика есть самоистолкование бытия, что ее прочно связывает с герменевтикой.

Дело в том, что в процессе познания мы имеем дело не с вещами как таковыми, а со смыслами, извлекаемыми из этих вещей. Сами же вещи бесконечны в их познаваемости. И Кант был прав, говоря о непознаваемости «вещей в себе», если целью познания является некие завершенные, исчерпывающие истины, истина — это процесс. К тому же познание осуществляется не неким абстрактным всеобщим субъектом, а многими субъектами, находящимися в многообразных и сложных социальных отношениях.

Разумная коммуникация между познающими субъектами предполагает некий базис несомненности, фундирующий понимание и взаимопонимание коммуницирующих субъектов. Благодаря этому базису только и возможна «презумпция услышанности» в полифонии голосов, точек зрения, позиций находящихся в поисках смыслов субъектов; для общезначимости смыслов, открываемых в вещах, необходимо как минимум наличие общего, всеми принимаемого языка, т.е. нахождение субъектов в едином категориально-понятийном пространстве, в рамках одной лингвистической парадигмы, обеспечивающей их герменевтическую идентификацию.

В известном смысле все так и есть: мы действительно пользуемся одним и тем же языком (например, русским) как нейтральным орудием, позволяющим передать самые различные содержания. Однако при ближайшем рассмотрении реальной речевой практики все оказывается значительно сложнее. Наряду с более или менее твердым предметным значением, которым слово обладает, оно, во-первых, пропитано множеством текучих, изменчивых идеологических смыслов, приобретенных им в контексте своих употреблений, во-вторых, следует учесть и интенциональность понятий и высказываний, т.е. зависимость истинностного значения (денотата) высказываний не только от истинностного значения составляющих их более простых

высказываний, но и от психологических прагматических и модальных оттенков смысла этих высказываний.

Речь человека, особенно в повседневной жизни, всегда связана с его интересами; обыденную речь вообще трудно понять, если подходить к ней как к логическим высказываниям, имеющим субъектно-предикативную структуру. Логика абстрагируется от той ситуации, в которой протекает речь, а между тем сами по себе слова, без учета намерений говорящего, часто не в состоянии передать содержание речи, поскольку интересы говорящего являются конститутивными для отношений, в которых нечто воспринимается и исследуется. Для герменевтической диалектики произнесенное слово имеет неоспоримое преимущество перед словом написанным, поскольку последнее оторвано от конкретной речевой ситуации, в которой слова нечто значат. И как тут не вспомнить известный тютчевский афоризм: «Мысль изреченная есть ложь».

Наличие таких разнообразных смыслов обуславливает расслоение единого языка на множество так называемых «социолектов» (термин М.М. Бахтина). Известный французский постструктуралист Ролан Барт феномен социолекта обозначил термином «тип письма», означающим способ знакового закрепления социокультурных представлений; «письмо» — это опредмечивающаяся в языке идеологическая сетка, в которую попадает живая мысль. Эта сетка, как паутина, помещается между индивидом и действительностью, понуждая его думать в определенных категориях, видеть и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых, это своеобразная лингвистическая парадигма, задающая всю систему ценностно-смыслового отношения к действительности.

Слова, понятия, категории обладают отчуждающей властью, в них скрывается общественный механизм, институт, обладающий такой же принудительной силой, как и любое другое общественное установление. В каждом акте понятийного осмысления действительности уже содержится момент нивелировки и подчинения многообразия и различия, уникальности явлений и их связей путем подведения их, субсума-

ции в некое единство. Каждая категория — это род власти над единичным. Основным инструментом, с помощью которого человечество рационализирует мир, овладевает им, является абстракция. Все, к чему человек притрагивается этим своим инструментом, утрачивает свою неповторимость и уникальность, теряет свое качественное своеобразие.

На рациональном мышлении лежит проклятие, подобно тому, которое было у мифологического царя Мидаса: как только он прикасался к чему-либо, этот предмет превращался в металл — золото. В соответствии с этим мифом, царь Мидас, будучи пораженным этим проклятием, однажды в порыве отцовской любви и нежности погладил свою дочь по головке, и в одно мгновение девочка превратилась в золотую статую.

Никакое выражение непосредственности посредством рациональных понятий невозможно потому, что по самой своей природе язык понятий играет опосредующую роль. Логические рациональные формы вообще не способны «выразить» что-либо, они способны только называть, именовать. Специфика языково-понятийной номинации состоит в том, что любой индивидуальный предмет (вещь, мысль, эмоция) подводится под общие категории, а последние вообще не умеют улавливать индивидуально неповторимое. В какой-то мере Ролан Барт прав, считавший, что в языке, в его структуре «заложено фатальное отношение отчуждения. Говорить или тем более рассуждать — вовсе не значит вступать в коммуникативный акт (как нередко приходится слышать); это значит подчинять себе слушающего; весь сплошь язык есть общеобязательная форма принуждения»¹.

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1994. С. 549.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт : пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Прогресс : Универс, 1994. 615 с.

References

1. Barthes R. Izbranny'e raboty: Semiotika: Poetika [Selected Works: Semiotics: Poetics] / R. Barthes : per. s fr. ; sost., obsch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. Moskva : Progress : Univers — translated from French ; compiled, general editorship and foreword by G.K. Kosikov. Moscow : Progress : Universe, 1994. 615 s.

Диалектическая логика гегелевского и марксистского типа все, что не подчиняется, не охватывается, сопротивляется логическим формам мышления, считает иррациональным, а герменевтическая диалектика берет на себя задачу реабилитировать слои опыта, изгнанные из рефлексии, и тем самым входит в новую философскую парадигму, стремящуюся снять антитезу классического рационализма между субъектом и объектом и вернуться к полнокровному бытию и живой целостной субъективности.

Начало новой философской парадигмы было положено Дильтеем, он развел объяснение и понимание, что означало кардинальное переосмысление природы философского знания, восстановление его целостности и жизненности, реабилитацию традиционно игнорируемых слоев опыта. Под рубрикой «мнения» (у Платона) или «идолов» (у Бэкона), «бессознательного» (у Гартмана, Шопенгауэра, Ницше, Фрейда) эти слои безжалостно удалялись. И такая хирургия дорого обошлась не только философии, оказавшейся в очищенном, стерильном пространстве логических обобщений, но и практическому природопользованию, руководствующемуся «инструментальным разумом», приведшим человечество к весьма плачевным результатам.

Герменевтическая диалектика способна внимать переживаниям, страданиям и скорби единичного, конкретного человека, его боли и стенаниям благодаря тому, что она включает в свою структуру основные экзистенциалы, восполняющие истощенному философскому опыту жизненные силы. Как бы ни назывались эти силы — мнение, идолы, интуиция, бессознательное, философия должна припасть к их живительному источнику, и в этом ей поможет герменевтическая диалектика.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-11-31-38

Историко-правовой анализ особенностей обращений граждан в органы конституционного контроля Российской Федерации и Республики Армения

*Тхабисимова Людмила Аслановна,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института
Пятигорского государственного университета,
доктор юридических наук
thabisimovala@mail.ru*

*Рябова Татьяна Владимировна,
аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института
Пятигорского государственного университета
taiv805@rambler.ru*

В статье исследуются требования, предъявляемые к обращениям граждан в Конституционный Суд Российской Федерации и Конституционный Суд Республики Армения. На основе анализа российского законодательства и законодательства Республики Армения, а также судебной практики с момента образования в этих государствах конституционных судов и до настоящего времени исследуются условия допустимости обращений граждан в органы конституционного контроля. Отмечается, что данные условия имеют много общего в обоих органах, различаются лишь некоторые регламентирующие их формулировки. На основе проведенного исследования формулируются соображения о том, что в процессе совершенствования критериев допустимости жалобы поднимается планка правового развития и совершенствования всей судебной деятельности.

Ключевые слова: Конституция, конституционный контроль, закон, обращения граждан, условия допустимости, право на судебную защиту, конституционная жалоба, конституционные права и свободы, Конституционный Суд Российской Федерации, Конституционный Суд Республики Армения.

A Historical and Legal Analysis of Peculiarities of Addresses of Citizens to Constitutional Control Authorities of the Russian Federation and the Republic of Armenia

*Tkhabisimova Lyudmila A.
Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Institute of the Pyatigorsk State University
Doctor of Law*

*Ryabova Tatyana V.
Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Institute of the Pyatigorsk State University*

The article examines the requirements for appeals of citizens to the Constitutional Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Republic of Armenia. Based on the analysis of Russian legislation and the legislation of the Republic of Armenia, as well as judicial practice, since the formation of constitutional courts in these states, conditions for the admissibility of citizens' appeals to bodies of constitutional control have been investigated up to the present. It is noted that these conditions have much in common in both bodies, only some of the wording regulating them differ. On the basis of the study, considerations are made that in the process of improving the criteria for the admissibility of a complaint, the bar of legal development and improvement of all judicial activity is raised.

Keywords: Constitution, constitutional control, law, citizens petitions, conditions of admissibility, the right to judicial protection, constitutional appeal, constitutional rights and freedoms, the Constitutional Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Republic of Armenia.

Рассуждать на тему особенностей обращений граждан в органы конституционного контроля путем подачи жалобы на нарушение их конституционных прав и свобод невозможно без уяснения такого понятия, как конституционный контроль, и осознания природы конституционной жалобы. Исторически конституционный контроль как самостоятельное направление государственной деятельности начинался с проверки законов, принимаемых парламентом. Его организация, формы, методы в каждой стране имеют свои индивидуальные особенности, которые изменяются и совершенствуются в исторические периоды развития государственности различных народов.

Зачаточные, если можно так выразиться, формы конституционного контроля как особого вида правоохранительной деятельности государства, заключающейся в проверке соответствия законов и иных нормативных актов конституции данной страны, обнаруживаются уже в ряде государств эпохи Средневековья. К примеру, в Великобритании в XVII в. он проявляется в возможности Тайного совета признавать законы законодательных собраний американских колоний недействительными, если они противоречили общему праву или законам английского парламента. Позднее в США в 1803 г. Верховный суд наделил себя полномочиями судебного контроля за соответствием законов Конституции при разбирательстве теперь уже знаменитого дела «Мэрбери против Мэдисона», сформулировав принцип, положенный в основу доктрины и практики конституционного контроля, в соответствии с которым «любой закон, противоречащий конституции, ничтожен», и установив, что закон конгресса, противоречащий федеральной Конституции, может быть признан судом неконституционным.

Конституционный контроль продолжал активно развиваться, учитывая требования исторического развития общества и государства. Идея судебного конституционного контроля далее продолжает свое развитие на европейском континенте в виде создания специализированных конституционных судов с исключительными полномочиями по проверке конституционности законодательных актов. Механизмы кон-

ституционного контроля были закреплены в законодательстве большинства восточно-европейских стран и многих стран постсоветского пространства.

Следует отметить, что практика конституционного контроля в бывших социалистических странах, несомненно, отличалась от западных соседей. И это не удивительно, так как господствовавшая в социалистических странах государственно-правовая доктрина не признавала идею правового государства, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В социалистической теории государства и права подчеркивались единство и неделимость государственной власти, полновластие представительных органов, осуществляющих функции законодательства, исполнения законов и контроля за их исполнением. О приоритете прав и свобод человека вообще не упоминалось, напротив, права граждан ограничивались и ущемлялись. Конституционно-правовое закрепление приоритета прав человека и реформа государственно-правовых механизмов по их обеспечению и защите в том числе органами конституционной юстиции возникли в постсоциалистических государствах после слома тоталитарной системы.

В результате сложного и меняющегося правового регулирования общественных отношений возникает необходимость постоянного контроля за соблюдением конституции и основных конституционных прав и свобод, ею закрепленных. Защита конституционного порядка во многом начинает осуществляться через индивидуализацию форм конституционного контроля путем наделения граждан правом подачи индивидуальной конституционной жалобы. В ее основу была положена мысль о том, чтобы подвергать контролю все ведомственные акты, даже приговоры судебной власти, проверяя, не нарушают ли они прав, основанных на принципах конституции. Так, в 50-е гг. XX в. немецкий профессор Теодор Маунц определил основное предназначение конституционной жалобы.

На наш взгляд, появление института конституционной жалобы является отражением цивилизованного развития граждан и общества в целом, осознания новых конституционных ценностей, таких как «достоинство личности», «жизнь челове-

ка», «права и свободы граждан». Возможность граждан уяснять подлинный смысл и предназначение своих прав и свобод, уметь надлежащим образом реализовывать их, в том числе защищать посредством конституционного правосудия, говорит о появлении в обществе конституционной культуры как ценностной системы убеждений и представлений о должном и благом. Учреждение института конституционной жалобы в России и в Республике Армении увеличило и расширило средства защиты прав и свобод граждан, усовершенствовало понимание содержания конституционных норм правоприменительными органами.

Рассмотрение особенностей обращений граждан путем подачи такого рода жалобы в органы конституционного контроля России и Республики Армении в историческом и правовом контекстах позволяет осознать необходимость постоянного усовершенствования данного института защиты прав граждан. Отметим, что органами судебного конституционного контроля в России и Республике Армении (далее — РА) являются Конституционный Суд РФ и Конституционный Суд РА.

В Российской Федерации упоминание о возможности обращений граждан в орган конституционного контроля путем подачи индивидуальной конституционной жалобы появилось в 1991 г. Незадолго до этого в ходе демократизации общественной жизни во второй половине 80-х гг. прошлого века появилась идея формирования в Российской Федерации специализированного органа, ответственного за соблюдение основного закона страны. В результате был создан Комитет конституционного надзора СССР (ККН СССР). В качестве одной из его целей упоминается охрана конституционных прав и свобод личности. Однако право граждан на обращение с жалобой в ККН СССР предусмотрено не было. В декабре 1991 г. Комитет конституционного надзора СССР по собственной инициативе прекратил свою деятельность в связи с распадом СССР. 15 декабря 1990 г. в Конституции РСФСР впервые появилось упоминание о Конституционном суде. Законом РСФСР от 12 июля 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» и было впервые предусмотрено право граждан на обращение с индивидуальной жалобой, причем такое право предоставлялось как гражданам

РСФСР и СССР, так и иностранцам, лицам без гражданства и юридическим лицам. Однако гражданин имел право обратиться в Конституционный суд с жалобой только на неконституционность правоприменительной практики, имеющей характер обыкновения. Недостаток такого рода жалобы состоял в том, что Конституционный суд, признавая неконституционность правоприменительной практики, не лишал примененную в конкретном деле норму закона юридической силы, закон мог быть отменен только законодателем. С принятием 12 декабря 1993 г. Конституции России и 21 июля 1994 г. Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» были установлены новые правовые основы деятельности Конституционного Суда РФ, а также право граждан на обращение с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод уже теперь законом, примененным в конкретном деле.

В Республике Армении упоминание о Конституционном суде появляется в Конституции Республики Армения, принятой референдумом РА 5 июля 1995 г. В 1996 году Конституционный Суд Республики Армения был окончательно сформирован, однако право на обращение с жалобой в орган конституционного контроля граждане получили лишь в 2006 г.

И в России, и в Республике Армении конституционная жалоба имеет форму субсидиарного правового вспомогательного средства, которым можно пользоваться только в случае, если нет иного средства правовой защиты.

Принцип субсидиарности представляет собой принцип многоуровневых систем принятия решений, предназначенный для сохранения самостоятельности на нижних уровнях системы принятия решений. По мнению судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева, «важной составляющей принципа субсидиарности является требование об исчерпании возможностей по защите прав человека одними судами (судами общей юрисдикции, арбитражными судами) до того, как дело будет рассмотрено Конституционным Судом РФ»¹. Сле-

¹ Гаджиев Г.А. Закон о «Конституционном Суде Российской Федерации»: новеллы конститу-

дует отметить, что технически указанный принцип связан, так или иначе, с условиями допустимости жалоб к рассмотрению в органах конституционного контроля в России и РА.

Данный принцип закреплен и в правовых позициях Конституционного Суда РФ, из которых следует, что конституционное судопроизводство не может быть использовано как средство судебной защиты, заменяющее судопроизводство в судах общей юрисдикции (Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2013 г. № 27-О), и Федеральным конституционным законом № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», в соответствии с которым жалоба допустима, если рассмотрение дела завершено в суде (ст. 97)².

Законом Республики Армения «О Конституционном Суде»³ предусмотрена возможность обращения граждан в орган конституционного контроля только тогда, когда они исчерпали все средства судебной защиты (ч. 1 ст. 69).

На современном этапе развития общества и государства в Российской Федерации обращение граждан в органы конституционного контроля путем подачи индивидуальной или коллективной жалобы предусмотрено Конституцией РФ (ч. 4 ст. 125) и Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ст. 96). Граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным в конкретном деле, а также объединения граждан вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод.

В Республике Армения право граждан на обращение в Конституционный суд регламентировано так же, как и в России, Кон-

ституцией страны и Законом Республики Армения от 1 июня 2006 г. «О Конституционном Суде», однако с некоторым отличием, о котором будет упомянуто ниже. Статьей 25 указанного закона РА и п. 8 ст. 169 Конституции РА (с учетом изменений в Конституции РА, внесенных референдумом 6 декабря 2015 г.) предусмотрено, что в Конституционный Суд Республики Армения может обратиться каждое лицо в связи с конкретным делом, при наличии окончательного судебного акта, когда исчерпаны все меры судебной защиты и оспаривается конституционность примененного этим актом в отношении него положения нормативного правового акта, что привело к нарушению его основных прав и свобод, закрепленных в гл. 2 Конституции РА, с учетом толкования, данного соответствующему положению в правоприменительной практике. Ранее, до внесения соответствующих конституционных изменений, судебные акты обычных судов не являлись объектом судебного конституционного контроля в связи с обращениями граждан с жалобой в Конституционный Суд Республики Армения. На основании этой новеллы Конституционный Суд РА теперь наделен полномочием оценивать конституционность не только нормы правового акта, но и конституционность ее толкования при применении судами общей юрисдикции. Думается, наличие данного полномочия позволяет гарантировать непосредственное действие основных прав и свобод.

На наш взгляд, конституционные изменения Республики Армения 2015 г., наделяющие Конституционный Суд РА полномочием оценивать конституционность правоприменительной практики, расширяют рамки конституционной жалобы и гарантируют надлежащую защиту конституционных прав граждан. Ведь в большинстве случаев нарушение прав граждан имеет место тогда, когда та или иная норма закона применяется правоприменительными органами. Нередко норма закона соответствует Конституции страны, а в процессе применения толкуется неверно.

Полномочия Конституционного Суда РФ оценивать конституционность правоприменительной практики, предусмотренные ч. 2 ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде

ционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 20.

² Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

³ Закон Республики Армения от 1 июня 2006 г. «О Конституционном Суде» // Официальный сайт Конституционного Суда РА. URL: <http://conpcourt.am>

Российской Федерации», содержатся и в его правовых позициях, которые состоят в том, что конституционно-правовое истолкование правовых норм, данное Конституционным Судом Российской Федерации, является общеобязательным, в том числе для судов. Правоприменительные решения, основанные на акте, который хотя и не признан в результате разрешения дела в конституционном судопроизводстве не соответствующим Конституции Российской Федерации, но которому в ходе применения по конкретному делу суд придал истолкование, расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации, подлежат пересмотру в порядке, установленном законом (Определение от 9 июля 2004 г. № 242-О). Данная правовая позиция означает, что Конституционный Суд РФ вправе как лишить норму закона юридической силы, так и признать неконституционность правоприменительной практики. В этой связи необходимо отметить, что новеллой российского Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ», внесенной Федеральным конституционным законом № 11-ФКЗ 28 декабря 2016 г., касающейся итоговых постановлений органа конституционного контроля, является то, что в случае признания нормативного акта либо отдельных его положений соответствующими Конституции Российской Федерации в данном Конституционном Судом Российской Федерации истолковании при их применении исключается любое иное истолкование нормативного акта, нежели в данном Конституционном Судом Российской Федерации истолковании (ч. 6 ст. 87). Таким образом, можно отметить, что толкованиям Конституционного Суда РФ придается сила закона.

Отличие состоит в том, что в рамках совершенствования института конституционной жалобы Конституционный Суд Республики Армения более не ограничен только проверкой конституционности закона, а вправе проверять конституционность любого нормативного акта, которым нарушены основные права и свободы человека. В Российской Федерации проверке органом конституционного контроля подлежит только закон. Тем не менее на практике

формальное понимание закона было расширено и дополнено самим Конституционным Судом РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. по делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 г. об объявлении амнистии в связи с жалобами ряда граждан). В рамках данного дела конституционному контролю подверглось постановление Государственной Думы РФ, которое не являлось актом, принимаемым в форме закона.

В этой связи примечательна мысль академика Т.Я. Хабриевой о том, что «конституционная норма нередко воспринимается только в том случае, если она “оживлена” законом, а в идеале — ведомственной инструкцией, ведь чем более низкий по юридической силе акт касается конституционных положений, тем больше у него шансов быть реализованным»⁴. А так как зачастую только в процессе реализации того или иного нормативного акта выявляется его несоответствие основному закону, может, стоит подумать о законодательном закреплении возможности органа конституционного контроля проверять конституционность любого нормативного акта, которым нарушены основные права и свободы человека в России?

Наряду с гражданами России правом на обращение с жалобой в Конституционный Суд РФ обладают также иностранные граждане и лица без гражданства. Указанные категории граждан в основном оспаривают нормы миграционного законодательства и законодательства о гражданстве.

В Республике Армения подобная конструкция закреплена Законом Республики Армения от 16 января 2007 г. № ЗР-47 «Об иностранных лицах», согласно которому иностранные лица имеют в Республике Армения права, свободы и обязанности наравне с гражданами Республики Армения, если иное не предусмотрено Конституцией Республики Армения, законами и международными договорами Республики Армения (ст. 5).

Рассмотрение дел по обращениям граждан по-прежнему остается приоритетным

⁴ Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире : монография. М. : Наука РАН, 2016. С. 203.

направлением деятельности Конституционного Суда РФ и Конституционного Суда РА. В этой связи особенно актуальным является исключение недостаточно взвешенных обращений в органы конституционного контроля, во избежание риска чрезмерной загруженности судов. Поэтому для данного вида обращений необходимо четкое определение условий его допустимости.

Условия допустимости обращений граждан в России установлены Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которым жалоба допустима, если: закон затрагивает конституционные права и свободы граждан; закон применен в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде (то есть вступление решения (приговора) суда в законную силу, при этом не имеет значения, рассмотрено ли оно всеми инстанциями). Аналогичные критерии допустимости применяются и в Республике Армения. Индивидуальное обращение может быть представлено лицом, которое являлось участником судопроизводства в судах общей юрисдикции и в отношении которого окончательным судебным актом было применено положение какого-либо закона, которое исчерпало все средства судебной защиты и которое находит, что положение закона, примененного по данному делу, противоречит Конституции (ч. 1 ст. 69 Закона Республики Армения «О Конституционном Суде»). При этом жалоба в Российской Федерации должна быть подана в срок не позднее одного года после рассмотрения дела в суде. В Республике Армения этот срок гораздо меньше, он составляет шесть месяцев с момента исчерпания возможности оспаривания примененного в отношении гражданина судебного акта (ст. 69 Закона РА «О Конституционном Суде»).

Необходимым условием допустимости является и то, что оспариваемая норма должна именно нарушать права гражданина, а не просто затрагивать. Если не имеется оснований полагать, что оспариваемый закон нарушает конституционные права и свободы заявителя в его конкретном деле, а просто затрагивает их каким-либо образом, то жалоба не может быть принята к рассмотрению Конституционным Судом РФ.

Данная правовая позиция выражена в определении Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 1839-О⁵.

Также недопустимой является жалоба, в которой заявитель понимает и трактует закон произвольно, не в соответствии с юридическим содержанием, смыслом применяемой нормы (Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017 г. № 1562-О).

Вышеуказанные доводы, правовые позиции и соображения позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на разницу в определенном промежутке времени наделяния граждан правом подачи жалобы, в Российской Федерации право на обращение граждан в орган конституционного контроля с жалобой на нарушение их конституционных прав и свобод возникло относительно давно, с 1991 г., а в Республике Армения граждане имеют право на обращение в Конституционный суд с 2006 г. Порядок осуществления конституционного контроля по данной категории дел в обоих органах практически идентичен, находится в постоянной динамике и способствует укреплению принципа верховенства права, о чем свидетельствуют конституционные изменения в Республике Армения 2015 г. и изменения, внесенные в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» в 2016 г. Правовые позиции органов конституционного контроля обоих государств относительно условий допустимости обращений граждан коррелируют с правовыми нормами, регулируемыми данными условиями. Соблюдение критериев допустимости жалобы оценивается непосредственно Конституционным Судом РФ и Конституционным Судом РА, которые должны выявить, имеются основания для отказа в принятии жалобы к рассмотрению или нет. Конституционный Суд РФ не вправе отказать в принятии жалобы по основаниям ее неразумности или бес-

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 1839-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гниденко Вячеслава Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 43 и статьей 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» // СПС «КонсультантПлюс: Версия Проф».

перспективности. Схожая правовая позиция закреплена и в Республике Армения. Решение Конституционного Суда Республики Армения об отказе в рассмотрении индивидуального обращения должно быть мотивировано.

Как показывает практика, определение требования допустимости к поступающим обращениям граждан играет очень важную роль, и не только с точки зрения соблюдения сроков рассмотрения жалоб, хотя сроки рассмотрения дел в судебном процессе очень важны, но и с точки зрения надлежащей защиты прав граждан, обеспечения их реализации и доступа к правосудию. Постоянно совершенствуя критерии допустимости жалобы, Конституционный Суд РФ и Конституционный Суд РА поднимают планку правового развития и совершенствования всей судебной деятельности. Главным при оценке соблюдения условий допустимости жалобы является то, чтобы условия допустимости не стали препятствием к доступности граждан к конституционному правосудию.

Несмотря на то что конституционное правосудие, включая институт конституционной жалобы, на современном этапе уже достаточно обогащено правовым опытом предыдущих поколений и достигло определенной полноты своего развития,

необходимо его дальнейшее совершенствование, поскольку общество и государство находятся в постоянной динамике своего развития и поиске новых, более совершенных путей реализации «плодов» конституционных ценностей. Органы конституционного контроля должны учитывать эту динамику, дух времени, тенденции социальных потребностей населения, так как в случае их игнорирования процент доверия к конституционной юстиции и праву в целом резко упадет, а это грозит разрушением и так несовершенного уровня конституционной культуры. Обращаясь с жалобой в органы конституционного контроля, граждане рассчитывают на надлежащее решение вопросов, поставленных в жалобе, восстановление нарушенных прав и пресечение действия нормативного акта в случае его противоречия конституции. Рассматривая обращения граждан и излагая свои правовые позиции по тому или иному вопросу, органы конституционного контроля устанавливают действительный смысл положения нормативного правового акта и определяют его конституционные составляющие. Правовые позиции конституционных судов задают вектор правового понимания той или иной нормы права обществом и государству в лице его органов, которые это право применяют.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России : учебный курс : учебное пособие : в 2 т. / С.А. Авакьян. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014.
2. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс : учебное пособие для вузов / Н.В. Витрук. М. : Закон и право, ЮНИТИ, 1998. 383 с.
3. Гаджиев Г.А. Закон о «Конституционном Суде Российской Федерации»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 17–26.
4. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен : монография / В.Д. Зорькин. М. : Норма, 2013. 495 с.
5. Ливеровский А.А. Право Конституции / А.А. Ливеровский // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности : материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву (г. Санкт-Петербург, 20–22 мая 2016 г.) : сб. научных статей / под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет» ; СПбГУ, 2017.
6. Петросян А. Судебная активность Конституционного Суда Республики Армения в контексте конституционных реформ / А. Петросян // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2016. № 4 (74). С. 36–44.
7. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире : монография / Т.Я. Хабриева. М. : Наука РАН, 2016. 318 с.
8. Хрестоматия по конституционному праву : учебное пособие : в 3-х т. Т. 3: Конституционное регулирование территориальной организации власти. Конституционно-правовое регулирование способов и порядка формирования государственных органов. Конституционные основы системы и статуса государственных органов / Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. СПб. : Алеф-Пресс, 2014. 981 с.

References

1. Avakyan S.A. Konstitutsionnoe pravo Rossii : uchebny'y kurs : uchebnoe posobie : v 2 t. [Russian Constitutional Law : educational course : textbook : in 2 vol.] / S.A. Avakyan. 5-e izd., pererab. i dop. Moskva : Norma : INFRA-M — 5th edition, revised and enlarged. Moscow : Norm : INFRA-M, 2014.
2. Vitruk N.V. Konstitutsionnoe pravosudie. Sudebnoe konstitutsionnoe pravo i protsess : uchebnoe posobie dlya vuzov [Constitutional Justice. Judicial Constitutional Law and Procedure : textbook for higher educational institutions] / N.V. Vitruk. Moskva : Zakon i pravo, YUNITI — Moscow : Act and Law, UNITI, 1998. 383 s.
3. Gadzhiev G.A. Zakon o Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii: novelty' konstitutsionnogo sudoproizvodstva 2010 g. [The Law On the Constitutional Court of the Russian Federation: Novelty of Constitutional Proceedings of 2010] / G.A. Gadzhiev // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2011. № 10. S. 17–26.
4. Zorkin V.D. Pravo v usloviyakh globalny'kh peremen : monografiya [Law in Conditions of Global Changes : monograph] / V.D. Zorkin. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2013. 495 s.
5. Liverovsky A.A. Pravo Konstitutsii [Constitutional Law] / A.A. Liverovsky // Metodologiya sovremennogo konstitutsionalizma: konstitutsionalizatsiya pozitivnogo prava; konstitutsionnaya aksiologiya proporsionalnosti : materialy XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po konstitutsionnomu pravu (g. Sankt-Peterburg, 20–22 maya 2016 g.): sb. nauchny'kh statey / pod obsch. red. A.A. Liverovskogo, V.P. Salnikova. Sankt-Peterburg : Fond Universitet ; SPGU — Methodology of Modern Constitutionalism: Constitutionalization of Positive Law; Constitutional Axiology of Proportionality : files of the XIV International Scientific and Practical Conference on Constitutional Law (Saint Petersburg, May 20 to 22, 2016) : collection of scientific articles / under the general editorship of A.A. Liverovsky, V.P. Salnikov. Saint Petersburg : University Foundation ; SPbSU, 2017.
6. Petrosyan A. Sudebnaya aktivnost Konstitutsionnogo Suda Respubliki Armeniya v kontekste konstitutsionny'kh reform [Judicial Activities of the Constitutional Court of the Republic of Armenia in View of Constitutional Reforms] / A. Petrosyan // Konstitutsionnoe pravosudie. Vestnik Konferentsii organov konstitutsionnogo kontrolya stran molodoy demokratii — Constitutional Justice. Bulletin of the Conference of Constitutional Control Authorities of Young Democracy Countries. 2016. № 4 (74). S. 36–44.
7. Khabrieva T.Ya. Konstitutsionnaya reforma v sovremennom mire : monografiya [A Constitutional Reform in the Modern World : monograph] / T.Ya. Khabrieva. Moskva : Nauka RAN — Moscow : Science RAS, 2016. 318 s.
8. Khrestomatiya po konstitutsionnomu pravu : uchebnoe posobie : v 3-kh t. T. 3 : Konstitutsionnoe regulirovanie territorialnoy organizatsii vlasti. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie sposobov i poryadka formirovaniya gosudarstvenny'kh organov. Konstitutsionny'e osnovy' sistemy' i statusa gosudarstvenny'kh organov [An Anthology of Constitutional Law : textbook : in 3 vol. Vol. 3 : The Constitutional Regulation of the Territorial Arrangement of Government. The Constitutional Law Regulation of the Means of and the Procedure for the Establishment of Government Authorities. Constitutional Bases of the System and Status of Government Authorities] / N.A. Bogdanova, D.G. Shustrov. Sankt-Peterburg : Alef-Press — Saint Petersburg : Alef-Press, 2014. 981 s.

Уважаемые авторы!

Еще раз хочется обратить ваше внимание на этические нормы публикационного процесса, с которыми можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» — www.lawinfo.ru

Объединенная редакция «Издательская группа "Юрист"» защищает репутацию авторов и внимательно относится ко всем случаям обнаружения плагиата в статьях.

В журнале «История государства и права» за 2017 год, № 15 (с. 59–63), была опубликована статья Андрея Владимировича Кученева «Историография развития сущности и содержания правосознания в отечественной науке», при написании которой автором было проведено не самостоятельное исследование. Материал был заимствован из текста диссертации (с. 19–29) Ольги Владимировны Пересадиной «Теоретико-правовой анализ профессионального правосознания: на примере правосознания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». Диссертация размещена на сайте www.usla.ru/ch.php?mid=708&cid=18&obid=4419&dissert_id=367 Диссертационного совета Д 212.282.01 на базе Уральского государственного юридического университета (дата размещения : 15.02.2017, дата защиты : 26.05.2017).

Согласно этическим нормам Объединенной редакции данная статья будет ретрагирована.

Редакция журнала «История государства и права» сожалеет о выявленном факте неправомерного цитирования в статье А.В. Кученева и призывает всех авторов внимательно относиться к оформлению цитат и заимствований коллег ученых.

С уважением,
Объединенная редакция ИГ «Юрист»

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-11-39-44

Юридическая наука России XIX в. как предпосылка становления науковедения

*Желдыбина Татьяна Анатольевна,
доцент кафедры истории государства и права
Саратовской государственной юридической академии
кандидат юридических наук, доцент
tatyana130802@yandex.ru*

В статье дается анализ юридической науки России XIX в. как условия для появления науковедения. Показано, как исследования и сложившаяся система взглядов правоведов способствовали формированию в дальнейшем предмета науковедения. Особое внимание уделено истории правовой науки как составной части наукоучения. Автор доказывает, что развитие российской дореволюционной юридической науки создало объективные предпосылки для построения теории науковедения.

Ключевые слова: юридическая наука, науковедение, наукоучение, научное знание, правовая мысль.

The Russian Legal Science of the XIX Century as a Prerequisite for Origination of the Science Study

*Zheldybina Tatyana A.
Associate Professor of the Department of History of State and Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Saratov State Law Academy
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

In the article the analysis of legal science of Russia XIX is given century as terms for appearance of research-on-research. It is shown, as researches and folded system of looks of legists assisted forming in future part of the article of research-on-research. The special attention is spared to history of legal science as component part of science education. An author proves that development of russian pre-revolution legal science created objective pre-conditions for the construction of theory of research-on-research.

Keywords: legal science, science studies, science education, scientific knowledge, legal idea.

Объективное понимание любого явления невозможно без уяснения предпосылок его формирования.

В последние годы заметно усилился интерес к исследованию тех или иных аспектов становления юридической науки¹. Од-

нако вопрос о юридической науке как факторе появления в дальнейшем науковедения недостаточно разработан и представляет определенный интерес для исследования. Анализ исторических основ и этапов развития правовой науки не может происходить в отрыве от вопросов эволюции научного знания в целом.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном рассмотрении поступательного развития дореволюционной юридической науки России как одного из факторов,

¹ См.: Чельшева О.В. История становления предмета и природы криминалистики как правовой науки // История государства и права. 2004. № 1; Ящук Т.В. Основные этапы развития российского юридического образования // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 3; Лобанов К.Н., Васильченко В.П., Максимов И.С. История науки: юридический аспект: учебное пособие. Белгород: Изд-во Белгородского юридического института МВД РФ, 2011; Кожевина М.А. История отечественной юридической науки и современное науковедение // Научный вестник Омской академии МВД

России. 2014. № 1; Дмитриева Г.К. История науки международного частного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 2; Закирова С.Г. Проблемы и перспективы становления юридической компаративистики как самостоятельной науки // Юрист-Правоведь. 2015. № 4; и др.

повлиявших на возникновение науковедения.

Российская юридическая наука начинает точку отсчета еще с конца XVIII — начала XIX в., когда происходит распространение университетского образования. Усилилось влияние прогрессивных тенденций из Западной Европы: стали проникать идеи передовых школ и направлений, активизировалась работа по исследованию источников права и их сравнительному анализу.

Более конструктивно стал обсуждаться вопрос об отмене крепостного права, появляются философско-правовые теории, способствовавшие формированию будущих идеалов российской государственной и общественной жизни. Освободительное движение против крепостничества и самодержавия по мере своего роста все сильнее воздействовало на духовную жизнь страны. Передовые ученые-теоретики и практики искали новые формы политического и правового развития. В это время порочность изживших себя социально-экономических порядков все яснее осознавалась передовыми представителями русского общества.

В 20–30-х годах XIX в. молодая российская юридическая наука переживала ответственный этап своего развития. Следует сказать, что характерной чертой русского права вплоть до конца XIX в. был его неформальный, казуистический характер. Отсутствие общих начал делало невозможным поступательное развитие правовой науки.

Нехватка юридических кадров и необходимость подготовки квалифицированных юристов объяснялась важностью работ по систематизации законодательства, проводимой Вторым отделением Собственной Е.И.В. канцелярии, потребностью в кодификации. Возникает необходимость обобщения, систематизации и комментирования законодательства.

Открывшиеся российские университеты играли значительную роль в развитии научных исследований. Появилось 6 учебных округов: Виленский, Дерптский, Московский, Казанский, Петербургский, Харьковский. Во главе каждого округа должен был стоять университет, управлявшийся ученым советом. Принятие университетских уставов 1804, 1835, 1863, 1884 гг. стало важной вехой в эволюционном развитии юридической науки.

Как замечал основатель науковедения английский ученый Дж. Бернал, «не столько наука преобразовывала университеты, сколько университеты преобразовывали науку»².

В стенах известнейших высших учебных заведений — Московского, Санкт-Петербургского, Казанского, Киевского, Харьковского, Дерптского, Виленского и других императорских университетов сложились и получили мировое признание многие научные школы, сформировались направления исследований.

По замечанию известного юриста и общественного деятеля М.Я. Капустина, на протяжении XIX века значительная роль принадлежала влиянию сменявшихся учений, науки права, которая давала то или другое направление законодательству³.

Учеными-юристами, работавшими в XIX в. на юридических факультетах университетов, излагались взгляды на право, политику, государство, законодательство, разрабатывались и обсуждались проблемы правопонимания, соединялись теоретико-юридические и исторические подходы к изучению российского и зарубежного опытов.

«Университет, — писал П. Казанский, — должен дать учащемуся все, что можно знать и что можно уметь в области права: отечественное право, сравнительно с правом других народов, историю права, философию права, политику права, практику права...», «центр юридического образования в России может составлять... только отечественное право, изучаемое сравнительно с иностранным... оно должно быть изучено не только сравнительно-догматически, но и исторически, и философски, и политически»⁴.

Прежде всего влияние на подготовку студентов-юристов оказывали естественно-

² Бернал Дж. Наука в истории общества / пер. с англ. А.М. Вязьминой, Н.М. Макаровой, Е.Г. Панфилова; общ. ред. Б.М. Кедрова, И.В. Кузнецова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 308.

³ Подробнее об этом см.: Капустин М. Очерк истории права в Западной Европе: История права и общества. Отд. 2: История права у новых народов. М.: В Университетской типографии (Катков и К^о), 1866. С. 214.

⁴ См.: Казанский П. К вопросу о постановке преподавания на юридических факультетах. Одесса: «Экономическая» тип., 1901. С. 10.

правовые идеи, получившие распространение в конце XVII — начале XVIII в. и пришедшие из Западной Европы благодаря исследованиям Г. Гроция, С. Пуфендорфа, Х. Томазия.

Кроме того, воздействие на российскую юриспруденцию оказали немецкая историческая школа и научные изыскания таких ее представителей, как Г. Пухта, Ф.К. Савиньи, Г. Гуго. Также на развитие юридической науки в России оказали влияние и взгляды других немецких ученых — Р. Иеринга, К. Миттермайера, Й. Колера, А. Фейербаха и др.

Известный российский правовед и практический деятель К. Дыновский справедливо замечал: «Русское правоведение создано университетской наукой под влиянием германской юриспруденции, которая продолжает воспитывать русскую юридическую мысль, составляя ее школу и ее идеал»⁵.

XIX век в целом отмечен общностью курса развития российского и западноевропейского законодательства.

Издание Свода законов Российской империи, проведенная кодификация местного права, научное творчество целой плеяды известных ученых — специалистов в области общей теории и философии права, специально-юридических дисциплин (сочинения, журнальные и газетные статьи, полемические выступления, научные дискуссии и диспуты) заложили основы для развития юридической науки.

Несмотря на господство самодержавия, произошло возрастание значимости науки в условиях необходимости подготовки кадров для государственных и правоохранительных структур, усилился интерес к классификации наук. Такая тенденция четко стала проявляться в связи с реформами, проводимыми Александром II в 60–70-е годы XIX в.

До середины XIX века научное изучение законодательства и законотворческой практики сводилось к попыткам упорядочения собранного законодательного материала. Несмотря на то что траектория исследований российских ученых-юристов во многом задавалась идеологическими установками абсолютизма, правительственным

контролем и цензурой, возникала необходимость в образованных и подготовленных к законотворчеству специалистах, просветительских преобразованиях.

Вся сложность и противоречивость факторов, оказывающих влияние на развитие юридической сферы деятельности Российского государства, сказывалась и на развитии правоведения в России. С одной стороны, оно испытывало идеологическое, охранительное давление государства, с другой — государством стимулировалось развитие юридической науки, вызванное преимущественно практическими целями⁶.

Отметим, что юридическая наука на протяжении XIX в. эволюционировала и достигла высокого уровня развития в стремлении осмыслить правовые явления, прежде всего в историко-сравнительном плане, выявляя закономерности и тенденции развития правовых явлений, подготовив основу, на которой позднее сформировалось науковедение.

Большую роль в этом отношении сыграли работы А.А. Благовещенского, П.Г. Виноградова, Н.П. Загоскина, М.Н. Капустина, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, А.М. Осипова, А.Н. Стоянова, С.В. Пахмана, Ф.В. Тарановского, Г.Ф. Шершеневича и других ученых.

Роль истории права в юридических исследованиях была значимой, ее направления развивались вместе с философской и сравнительной постановкой изучаемых вопросов. История права изучалась, с одной стороны, во взаимосвязи со смежными науками, с другой — во взаимообусловленности с социально-экономическими и социально-политическими условиями, характерными для отдельных периодов XIX в.

Наука систематизирует мысли людей, приводит их в порядок, освобождает от противоречий, из обрывков знаний, из клочков шьет целое покрывало научных теорий и систем⁷.

⁵ Дыновский К. Задачи цивилистического образования и значение его для гражданского правосудия. Одесса : «Славян.» тип. Н. Хрисогелос, 1896. С. 5.

⁶ См.: Кодан С.В. Юридическая политика Российского государства. 1800–1850-е гг. : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 423.

⁷ См.: Бухарин Н. Теория исторического материализма : Популярный учебник марксистской социологии. 2-е изд. С приложением статьи «К постановке проблем теории исторического материализма». М. ; Петроград : Государственное изд-во, 1925. С. 208.

В рассматриваемый период складывались определенные области научных исследований, рос профессионализм их организации и планирования, ставились новые научные задачи на ниве правопознания.

В итоге сформировались те предпосылки, которые имели важное значение для появления науковедения. Юридическая наука была тесно взаимосвязана с другими областями научных знаний — философией, экономикой, политикой, этнографией, социологией, психологией.

О философских основаниях юридической науки стоит сказать отдельно. Философия стала основой для построения науковедения, в особенности ее разделы — логика и гносеология (изучение законов мышления и методов научного познания).

Философия положила начало науке, а впоследствии, когда наука отделилась от философии, ею руководили те же философские принципы⁸.

Базовой основой для дальнейших юридических исследований оставалась философия права, по замечанию П.Е. Михайлова представляющую собой «мост, перекинутый от философии к правоведению»⁹.

Философия права выполняла мировоззренческую, аксиологическую функции, соединяя их с функцией методологического характера. Ее цель — построить некое метафизическое учение о праве, оценивающее его с точки зрения должного и сущего в праве. Философия права рассуждала не о том, что есть в области права, а о том, что должно быть. Она основывалась на предположении, что выяснение вечных оснований права может быть дано не эмпирическим знанием, а только знанием сверхчувственным, полу-

чаемым познающим умом непосредственно, помимо чувственного опыта.

На протяжении XIX в. поднимались вопросы истории науки, философии науки, научного прогнозирования и организации научного труда. Сформировалась определенная модель развития науки. Юридическая научная среда оказала немаловажное влияние на науковедение, на формирование истории науки как части науковедения, на формирование проблемного поля последнего.

Н.Я. Куприц замечал, что история правовой науки связана в значительной мере с относительной самостоятельностью науки в ее развитии¹⁰.

Самостоятельность науки связана с ее предметом и объектом. Исследования правоведов в рассматриваемый период выходили за узкоспециальные рамки, формировались отраслевые юридические науки. Все отчетливее прослеживалась тенденция к сближению отдельных отраслей юриспруденции.

Термин «науковедение» был введен в научный оборот в начале XX в., в 20–30-е годы, для характеристики отрасли исследования научного знания и стал актуален в связи с научно-технической революцией, проблемой организации и управления научными исследованиями, вопросами повышения их эффективности. Был накоплен материал о содержательных и методологических проблемах науки, способах, формах ее функционирования.

Особую ценность для науковедения представляли дореволюционные историко-научные исследования и полученные в результате разработки. Науковедение, как единая, комплексная, целостная, взаимосвязанная система знаний, могла оформиться только в определенных условиях, с необходимыми для этого предпосылками, одной из которых являлась юридическая наука XIX в.

⁸ См.: Андреевский И.С. Генезис науки: ее принципы и методы. Ч. I. М.: Тип. Высоч. утв. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1890. С. 198.

⁹ См.: Михайлов П.Е. Библиография // Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. Вып. I // Право. 1911. № 5. С. 301.

¹⁰ См.: Куприц Н.Я. Развитие советской государственно-правовой мысли в период перехода от капитализма к социализму: Опыт исследования истории науки советского государственного права: автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 1.

Литература

1. Андреевский И.С. Генезис науки: ее принципы и методы. Ч. I / И.С. Андреевский. М.: Тип. Высоч. утв. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1890. 207 с.
2. Бернал Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал; пер. с англ. А.М. Вязьминой, Н.М. Макаровой, Е.Г. Панфилова; под общ. ред. Б.М. Кедрова, И.В. Кузнецова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 736 с.
3. Бухарин Н. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии / Н. Бухарин. 2-е изд. С приложением статьи «К постановке проблем теории исторического материализма». М.; Петроград: Государственное изд-во, 1925. 390 с.

4. Дмитриева Г.К. История науки международного частного права / Г.К. Дмитриева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 2. С. 11–41.
5. Дыновский К. Задачи цивилистического образования и значение его для гражданского правосудия / К. Дыновский. Одесса : «Славян.» тип. Н. Хрисогелос, 1896. 64 с.
6. Закирова С.Г. Проблемы и перспективы становления юридической компаративистики как самостоятельной науки / С.Г. Закирова // Юрист-Правовец. 2015. № 4. С. 12–16.
7. Казанский П. К вопросу о постановке преподавания на юридических факультетах / П. Казанский. Одесса : «Экономическая» тип., 1901. 80 с.
8. Капустин М. Очерк истории права в Западной Европе: История права и общества. Отд. 2: История права у новых народов / М. Капустин. М. : В Университетской типографии (Катков и К^o), 1866. 222 с.
9. Кодан С.В. Юридическая политика Российского государства. 1800–1850-е гг. : дис. ... д-ра юрид. наук / С.В. Кодан. Екатеринбург, 2004. 475 с.
10. Кожевина М.А. История отечественной юридической науки и современное науковедение / М.А. Кожевина // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1. С. 49–53.
11. Куприц Н.Я. Развитие советской государственно-правовой мысли в период перехода от капитализма к социализму: Опыт исследования истории науки советского государственного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н.Я. Куприц. М., 1970. 28 с.
12. Лобанов К.Н. История науки: юридический аспект : учебное пособие / К.Н. Лобанов, В.П. Васильченко, И.С. Максимов. Белгород : Изд-во Белгородского юридического института МВД РФ, 2011. 162 с.
13. Михайлов П.Е. Библиография / П.Е. Михайлов // Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. Вып. I // Право. 1911. № 5. С. 301–305.
14. Чельшьева О.В. История становления предмета и природы криминалистики как правовой науки / О.В. Чельшьева // История государства и права. 2004. № 1. С. 28–31.
15. Ящук Т.В. Основные этапы развития российского юридического образования / Т.В. Ящук // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 3. С. 34–37.

References

1. Andreevsky I.S. Genезis nauki: ee printsipy i metody. Ch. I [The Origin of Science: Its Principles and Methods. Part I] / I.S. Andreevsky. Moskva : Tip. Vy'soch. utv. t-va I.N. Kushnerev i K^o — Moscow : printing office of the imperially established I.N. Kushnerev and Co partnership, 1890. 207 s.
2. Bernal J. Nauka v istorii obschestva [Science in History] / J. Bernal ; per. s angl. A.M. Vyazminoy, N.M. Makarovoy, E.G. Panfilova ; pod obsch. red. B.M. Kedrova, I.V. Kuznetsova. Moskva : Izd-vo inostrannoy literatury' — translated from English by A.M. Vyazmina, N.M. Makarova, E.G. Panfilov ; under the general editorship of B.M. Kedrov, I.V. Kuznetsov. Moscow : Publishing House of Foreign Literature, 1956. 736 s.
3. Bukharin N. Teoriya istoricheskogo materializma : Populyarny'ye uchebnyye marksistskoy sotsiologii [A Theory of Historical Essentialism : Popular Textbook of Marxist Sociology] / N. Bukharin. 2-e izd. S prilozheniem stati K postanovke problem teorii istoricheskogo materializma. Moskva ; Petrograd : Gosudarstvennoe izd-vo — 2nd edition. Accompanied by an article On Setting of Problems of the Historical Essentialism Theory. Moscow ; Petrograd : State Publishing House, 1925. 390 s.
4. Dmitrieva G.K. Istoriya nauki mezhdunarodnogo chastnogo prava [The History of the Private International Law Science] / G.K. Dmitrieva // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) — Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2015. № 2. S. 11–41.
5. Dynovsky K. Zadachi tsivilisticheskogo obrazovaniya i znachenie ego dlya grazhdanskogo pravosudiya [Civil Education Tasks and Meaning for Civil Justice] / K. Dynovsky. Odessa : Slavyan. tip. N. Khrisogelos — Odessa : N. Khrisogelos' Slavic printing office, 1896. 64 s.
6. Zakirova S.G. Problemy' i perspektivy' stanovleniya yuridicheskoy komparativistiki kak samostoyatel'noy nauki [Issues and Prospects of the Establishment of Legal Comparative Linguistics as Independent Science] / S.G. Zakirova // Yurist-Pravoved — Lawyer-Legal Expert. 2015. № 4. S. 12–16.
7. Kazansky P. K voprosu o postanovke prepodavaniya na yuridicheskikh fakultetakh [On the Arrangement of Teaching at Law Faculties] / P. Kazansky. Odessa : Ekonomicheskaya tip. — Odessa : Economy printing office, 1901. 80 s.
8. Kapustin M. Oчерk istorii prava v Zapadnoy Evrope: Istoriya prava i obschestva. Otd. 2 : Istoriya prava u novy'kh narodov [A Sketch of the History of Law in Western Europe: The History of Law and the Society. Part 2 : The History of Law of New Peoples] / M. Kapustin. Moskva : V Universitetskoй tipografii (Katkov i K^o) — Moscow : University printing office (Katkov and Co), 1866. 222 s.
9. Kodan S.V. Yuridicheskaya politika Rossiyskogo gosudarstva. 1800–1850-e gg. : dis. ... d-ра юрид. наук [The Legal Policy of the Russian State. The 1800s to the 1850s : thesis of ... Doctor of Law] / S.V. Kodan. Ekaterinburg — Ekaterinburg, 2004. 475 s.
10. Kozhevina M.A. Istoriya otechestvennoy yuridicheskoy nauki i sovremennoe naukovедение [The History of the National Legal Science and Modern Science Studies] / M.A. Kozhevina // Nauchny'ye vestnik

- Omskoy akademii MVD Rossii — Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2014. № 1. S. 49–53.
11. Kuprits N.Ya. Razvitie sovetskoy gosudarstvenno-pravovoy my'sli v period perekhoda ot kapitalizma k sotsializmu: Opyt issledovaniya istorii nauki sovetskogo gosudarstvennogo prava : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [The Development of the Soviet State Law Thought in the Period of Transition from Capitalism to Socialism: Experience of Research of the History of the Soviet State Law Science : author's abstract of thesis of ... Doctor of Law] / N.Ya. Kuprits. Moskva — Moscow, 1970. 28 s.
 12. Lobanov K.N. Istoriya nauki: yuridicheskiy aspekt : uchebnoe posobie [The History of Science: a Legal Aspect : textbook] / K.N. Lobanov, V.P. Vasilchenko, I.S. Maksimov. Belgorod : Izd-vo Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD RF — Belgorod : publishing house of the Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 2011. 162 s.
 13. Mikhaylov P.E. Bibliografiya [Bibliography] / P.E. Mikhaylov // Shershenevich G.F. Obschaya teoriya prava. Moskva, 1910. Vy'p. I // Pravo — G.F. Shershenevich. The General Theory of Law. Moscow, 1910. Issue I // Law. 1911. № 5. S. 301–305.
 14. Chelysheva O.V. Istoriya stanovleniya predmeta i prirody' kriminalistiki kak pravovoy nauki [The History of the Establishment of the Subject and Nature of Criminalistics as Legal Science] / O.V. Chelysheva // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2004. № 1. S. 28–31.
 15. Yaschuk T.V. Osnovny'e etapy' razvitiya rossiyskogo yuridicheskogo obrazovaniya [The Main Stages of the Development of Russian Legal Education] / T.V. Yaschuk // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie — Government and Local Self-Government. 2010. № 3. S. 34–37.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-11-44-50

Уголовная политика — все еще загадочная очевидность: от работы Карла Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» к современности

*Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда РФ (в отставке),
доктор юридических наук, профессор
nikita_kolokolov@mail.ru*

В текущем, 2018, году мы отметили 200-летие со дня рождения Карла Маркса — без преувеличений «архитектора» СССР, государства, родом из которого вышло поколение современных российских правоведов. В своей статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» (1842) 24-летний вождь мирового пролетариата назвал формулирование уголовного закона «великим лицедейством». Автор статьи задается вопросом: изменилась ли уголовная политика за истекшие два века?

Ключевые слова: уголовная политика, уголовный закон, наказание, цели наказания.

The Criminal Policy: a Mysterious Obviousness so far: from the Karl Marx's Publication Debates on the Law on Thefts of Wood to the Modern Times

*Kolokolov Nikita A.
Judge (Emeritus) of the Supreme Court of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

This year, in 2018, we have celebrated the 200th anniversary of Karl Marx, who was literally the architect of the USSR, the country having given birth to a generation of modern Russian law scientists. The 24-year old leader of the world proletariat called establishment of criminal law great hypocrisy in his article Debates on the Law on Thefts of Wood (1842). The author of the article poses a question: has the criminal policy changed in the past two centuries?

Keywords: criminal policy, criminal law, punishment, purpose of punishment.

Россия: четверть века без пророка

Многие сожалеют по поводу отсутствия у современного российского общества (1991–2018) ясной и четкой стратегии его развития. Об отсутствии «привычной», предопределенной откуда-то сверху, со стороны единой политики говорят практически на каждой научной конференции. «Сожалеют» доктора наук, которым что-то не ясно в нашем беспокойном мире, они истосковались по могучим пророкам уровня К. Маркса, В.И. Ленина и И.В. Сталина.

«Маркс раскрыл истории законы, пролетариат поставил у руля», мерещилось ему «видение коммуны»¹. В.И. Ленин, «взвесив мир в течение ночи»², оседлал учение кабинетного оракула из патриархального протестантского Трира об азах классовой борьбы и роли «повивальной бабки» (насилия) в истории, творчески используя изобретение Маркса — диктатуру пролетариата, материализовал «призрак коммунизма» в национальное видение коммуны.

Учение классика победило в стране — по Марксу «оплоте мировой реакции», которая мешалась под ногами «прогрессивного человечества». Последователи Маркса, опираясь на легитимированное Лениным насилие, 70 лет целенаправленно «резали молниями Ильичевых книжек»³ всех несогласных, успешно «ликвидировали все враждебные классы».

Среди последователей К. Маркса самую заметную роль сыграл хваткий администратор — мудрый товарищ Сталин, который заложил реальную территориально-экономическую базу «социалистического сотрудничества». Это ему поляки, украинцы и белорусы обязаны своей нынешней реальной государственностью, территориальной целостностью и национальным однообразием.

Элементы сталинского наследия в основе административно-территориального деления страны, даже отправная точка в построении судебной системы России, в основе которой управляемость единицы населения, с которой в состоянии был справиться райком партии. Далее производные: райисполком, райотдел милиции, райпрокурор, райнарсуд (точнее, райнарсуда, ибо 90% судов бы-

ли односоставными). Ну, а выше, как говорил И.В. Сталин, правили «генералы партии», первые секретари обкомов. Теперь их называют губернаторами.

«Заповеди Сталина» до сих пор осязаемая основа нашего идеологического и физического благополучия, ибо практически все мы (в первую очередь жители России) — государственники родом из СССР, общества, в котором великий вождь и учитель приучил народ: ждать манны небесной в виде искусственного отсутствия безработицы, «бесплатного» образования и здравоохранения, «бесплатных» квартир и многого из того, что сейчас называют Welfare State (социальное государство, ч. 1 ст. 7 Конституции РФ).

«По данным Библиотеки конгресса США, о Марксе написано больше, чем о любом другом историческом деятеле»⁴. В этом нет ничего удивительного, ибо его труды читали не только лидеры рабочего движения, но и ведущие идеологи капитализма. Не случайно сразу после Манифеста коммунистической партии (1948) там же, в Германии уже в 1850 г. в работе Лоренца фон Штейна (1815–1890) появилось понятие Sozialstaat (социальное государство), основа будущей публичной политики гениального администратора О. Бисмарка в 1871–1883 гг. (прусский социализм).

Коммуны по К. Марксу, В.И. Ленину не получилось, ибо «пророки» из достижений человечества выбросили такие движущие силы общества, как частная собственность, эксплуатация человека человеком, предложив взамен лишь утопию — коммунизм. В.И. Ленин испытал шок, когда вдруг осознал, что без капиталиста фабрики и заводы не только утратили свою эффективность, но и зачастую просто перестали работать⁵.

Имеется еще одно важное обстоятельство, о котором К. Маркс даже не догадывался: мир изменился технологически. Если ранее обществом двигало тотальное учение (субъективное): религия, ее советский вариант — марксизм-ленинизм, то в условиях

⁴ Эрлихман В. Призрак коммунизма // Историк. 2018. № 5. С. 11.

⁵ Эффект утраты капиталиста хорошо известен и в наши дни. Например, стараниями служб по борьбе с преступностью в сфере экономики капиталист «за решеткой», предприятие закрылось, рабочие на улице. Результат — обострение головной боли для администрации, что делать с новыми безработными.

¹ Маяковский В.В. Владимир Ильич Ленин. М., 1924.

² Там же.

³ Там же.

глобализации генератор эволюции — алгоритм развития техники (объективное).

Например, частные электронные деньги (биткоин), стоимость которых основана лишь на вере в них пользователей Интернета, успешно конкурируют с деньгами (по Марксу — товаром), эмиссия которых рутинно все еще осуществляется государством (группами государств — евро), стоимость которых тоже весьма условна.

«Великое лицедейство»⁶

Если у общества нет ясности по общим вопросам, то почему таковая у него вдруг должна появиться по вопросам частным, например, таким, как уголовная политика? И по Ч. Дарвину, и по К. Марксу: любая политика предопределена матушкой-природой. От человека в политике зависит немного, если, действительно, что-то принципиальное вообще зависит. Политику воспринимают еще и как искусство государственного управления. Люди в данном случае себе очень сильно льстят. Конечно, от определенных личностей, их «команд» (таких как РСДРП(б), ВКП(б), КПСС), элит в целом, представляемых ими классов порой зависит многое, по крайней мере людям в это очень хочется верить.

Что же об уголовной политике писал пророк, чей 200-летний юбилей со дня рождения мы недавно отметили? К. Маркс обладал бойким пером публициста. В выражениях он не стеснялся (в те годы, несмотря на цензуру, вещи было принято называть своими именами). Предваряя анализ алгоритма работы ландтага по поводу принятия закона о краже леса (вопрос уголовной политики), Маркс квалифицировал работу законодателя не иначе как «великое лицедейство». Автор без всякого стеснения указывает, что региональный орган законодательной власти сначала «впал в смуту в вопросе о свободе печати» (автор не догадывался о смуте по этому вопросу в России XXI века), а затем в «несвободу, в которую он впал в вопросе о смуте» (о несвободе современного российского парламента умолчим). Данные характеристики позволяют современному читателю задать вопросы: законотворцы в наши дни в своем ли уме, каков уровень их квалификации?

⁶ В кавычках слова К. Маркса в работе «Дебаты по поводу закона о краже леса» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : пер. на русск. яз. Т. 1. 2-е изд. М., 1952).

Ниже К. Маркс предлагает «читателям несколько жанровых картинок, в которых многообразно отразится дух и, мы сказали бы даже, подлинная природа ландтага» — то есть работа законодателя. Ключевое слово в последнем предложении — «природа», точнее природа законотворчества вообще. Опираясь на зарисовки классика, проследим: изменилась ли эта природа спустя два века.

Маркс критикует законопроект, даже не имея на руках его текста. Для того чтобы «разгромить» законодателя, ему достаточно лишь некоторых опорных сигналов, о чем он честно сообщает в начале статьи. («Наш материал ограничивается несколькими, только частично намеченными ландтагом и его комиссией, дополнениями к законам, фигурирующим лишь в виде номеров параграфов. Самые дебаты ландтага изложены так убого, так бессвязно и апокрифически, что изложение походит на мистификацию».)

Итак, «ландтаг выступает наряду с государственным законодателем — в качестве дополнительного законодателя». Карл Маркс предлагает «проследить на конкретном примере его (по В.М. Баранову) норморайтерские способности».

«Кража леса» или «нарушение лесных правил»?

Приступая к дебатам, депутат от городов выступил против распространения категории «кража» на простое «нарушение лесных правил». Ясное дело, легко быть демократом, если борьба с «черными лесорубами» как тема для вас не актуальна. «Депутат от дворянства» (потенциальный представитель владельцев леса), тоже, судя по всему, демократ, ему вторит: «Хищение леса не считается кражей, так как оно случается так часто». Действительно: так на каждого покинувшего лес с вязанкой хвороста придется вешать ярлык — «вор»!

«Другой депутат от дворянства» находит, что «избегать слова “кража” еще рискованней, ибо те, кому станет известна дискуссия по поводу этого слова, легко могут подумать, будто и ландтаг не считает хищение леса кражей», в то время как чужое брат нехорошо, даже если это вязанка хвороста.

По мнению Карла Маркса, ландтаг должен решить, считает ли он нарушение лесных правил кражей. Но если бы ландтаг не объявил нарушение лесных правил кражей, то люди могли бы подумать, что он действи-

тельно не считает подобное нарушение кражей». Предполагаемый вывод, который делают законодатели: «Лучше всего не затрагивать этот щекотливый, спорный вопрос (о краже)», ибо «речь идет об эвфемизме, а эвфемизмов следует избегать».

«Лесовладелец затыкает рот законодателю, так как и стены имеют уши». Этот депутат идет еще дальше. Он квалифицирует анализ выражения «кража» как «неподобающее для пленарного заседания занятие редакционными поправками». Результат: вотировано название закона, «превращающее гражданина в вора», что «объявляется простой редакционной небрежностью», теперь все «само собой понятно, даже хищение валежника или собирание хвороста подводится под понятие кражи и наказывается так же, как порубка леса».

Анализируя вышеприведенные рассуждения, Карл Маркс пишет, что при таких обстоятельствах «наказание за содеянное может дойти до продолжительного тюремного заключения, что толкнет на путь преступления таких людей, которые вообще еще не отклонились от честного пути. Это произойдет от того, что в тюрьме они окажутся вместе с профессиональными ворами; поэтому собирание (хищение) сухого валежника должно наказываться только в обычном полицейском порядке».

«Другой депутат от городов» глубоко-мысленно замечает: люди «делают насечки на молодых деревьях ("черные лесорубы". — *Н. Колоколов*), а потом, когда они от этого портятся, их рассматривают как валежник». На что классик со свойственным ему размахом вопрошает: «Побеждают деревянные идолы, а приносятся в жертву люди!»

Иронизируя по поводу квалификации отдельных депутатов, Карл Маркс отмечает: «Собирание валежника и самая сложная по своим формам кража леса! В обоих случаях — один общий признак: присвоение чужого леса. Значит, и то и другое — кража. К этому сводится дальновидная логика наших законодателей».

В подтверждение своих слов Карл Маркс цитирует имеющее большую юридическую силу карательное уголовное уложение, которое относит к краже леса только хищение срубленных деревьев и самовольную порубку леса. Там говорится: «Если же кто-нибудь днем собирает ягоды для еды и, унося их, причиняет этим небольшой убыток, то

он, в зависимости от своего положения и от обстоятельств дела, должен наказываться в гражданском» (следовательно, не в уголовном) «порядке».

«Порубщик леса самовольно выносит приговор над собственностью. Собиратель же валежника лишь приводит в исполнение приговор, вытекающий из самой природы собственности, ибо собственник леса владеет ведь только самим деревом, а дерево уже не владеет упавшими с него ветвями».

Следовательно, собирание валежника и кража леса — это существенно различные вещи. Различны объекты, не менее различны и действия, направленные на эти объекты, следовательно различны должны быть и намерения, ибо какое же объективное мерило можем мы приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы?

Современный читатель видит, как в рамках региональной власти (не рейхстаг, а всего лишь ландтаг) законодатели беспомощно селятся отделить преступное от непроступного, «блудят в трех соснах» в попытках отделить сухостой от живых деревьев, барахтаются в юридической терминологии. Прошло два века, что изменилось?

«Несуны»

Наш анализ начнем с суждения: не может быть преступлением массовое поведение — в наши дни это азбука современной криминологии, ибо число правонарушителей легко превысит количество сотрудников правоохраны. Не случайно в конце «советского периода» рабочих, выносящих по частям телевизор «Рубин» или даже автомобиль «Жигули», публицисты стыдливо именовали не «ворами» (термин «мелкое хищение» из советского, а равно постсоветского правового лексикона никогда не изымался), а всего лишь ласково — «несунами».

«Эта проблема столь органично вилась в психику советского человека, что осуждать "несунов" в нормальном разговоре (не для отчета и не для публики) считается неприличным. Любая попытка усилить реакцию общественности на такого рода правонарушения и придать ей хотя бы несколько негативную окраску вызывала воспоминания о сталинских репрессиях»⁷.

⁷ Назарова Л.Л., Романовская В.Б. Причина административных правонарушений: применительно к проблеме мелких хищений //

Как видим, проблема «соотношения правонарушения, его тяжести и распространенности», выявленная Марксом в одной из своих ранних работ, актуальна и в наши дни. Скажем больше, классику даже и в кошмарном сне не могло привидеться, что его прямой, официальный последователь И.В. Сталин будет инициатором серии нормативно-правовых актов, согласно которым за мелкую кражу можно будет даже казнить несовершеннолетних.

Речь идет о постановлениях ЦИК и СНК Союза ССР 1935 г.: от 7 апреля «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних», которым вводилась уголовная ответственность для детей с 12 лет, и от 7 августа «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (известен как указ «7–8», «закон о трех колосках»), кумулятивный эффект которых — детей можно расстреливать даже за мелкое хищение. Например, 9 декабря 1937 г. был расстрелян Миша Шамолин, укравший несколько буханок хлеба. После изучения практики применения данных актов Генеральный прокурор РФ А.Я. Вышинский доложил И.В. Сталину: «Проверили 115 тыс. уголовных дел, в 91 тыс. случаев применение норм уголовного права было расценено как вредительское, от наказания освобождено 37425 человек, находившихся в заключении».

Ну а были ли парламентские дебаты по данному поводу, которые критики вроде К. Маркса могли бы назвать «великим лицедейством»? Да, нет, все дебаты свелись с визированию циркуляров членами Политбюро ЦК ВКП(б). Что касается результатов расследования, проведенного А.Я. Вышинским, то И.В. Сталин ограничился резолюцией: «За! (не публиковать)».

Цель наказания: «туман» или конкретика

Об этом писали современники Маркса в XIX в.⁸ «Тюремный вопрос — один из самых глужих в настоящее время»⁹. Наказание —

Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Право». 2000. № 1. С. 152–161.

⁸ Aschrott, P.S. Straffensystemen und Gefengniswesen in England. Berlin u. Leipzig, 1888.

⁹ Слизберг Г. Тюрма в Англии // Юридический вестник. 1888. Январь. С. 104.

зло, страдание, которое государство причиняет преступнику. Цель — абсолютная идея возмездия (Кант), отрицание отрицания преступления (Гегель), восстановление гармонии (Герbart), охрана правопорядка государством. Итак, цели современникам Маркса были ясны. Как их достичь? Вот в чем вопрос! В XIX веке считалось, что цели могут быть достигнуты путем устрашения, исправления, а равно с помощью простого физического изъятия преступника из общества (навсегда — смертная казнь, на время — лишение свободы). Уже тогда смертная казнь расценивалась как эксцесс явно негуманный, за идеал принималось лишение свободы. Мыслители озаботились проблемой, как совместить грубую физическую силу (насилуственное помещение в тюрьму) с перспективами перевоспитания и исправления заключенного.

С советских времен мы преступника все «исправляем да перевоспитываем», при этом безоговорочно уверены в том, что уголовный закон позволяет суду назначить наказание предельно конкретно и точно, с тем чтобы преступник исправился и перевоспитался. Базируясь на данных искусственных, выведенных исключительно на кончике пера тезисах, теории защиты не одну сотню диссертаций.

Между прочим, например, Г. Фристер «Уголовное право Германии. Общая часть» честно признается, что цели наказания до конца ему неясны, уголовное наказание может быть лишь приблизительным, в силу данного обстоятельства оно нуждается в коррекции. Аналогичные мысли мы обнаружим у его земляков — Г.И. Шнайдера и Г. Верле, американцев, писавших о криминологии под редакцией Д.Ф. Шели. И это действительно так, об этом вам поведаст любой судья, которому приходилось назначать уголовное наказание, а тем более судьи, которые, сидя в «высоких кабинетах», видят не то что противоречия, а несуразности в применении уголовного закона, когда люди пытаются «замотивировать» законность, обоснованность и справедливость ими не понятого и от них не зависящего.

В рамках международной научно-практической межведомственной конференции «Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики» (Самара, Самарский юридический институт ФСИН, 16–17 июня 2016 г.)

директор Национальной административной пенитенциарной школы Франции Софии Блез, отвечая на вопросы российских коллег о целях содержания осужденных в местах лишения свободы, честно призналась: перед сотрудниками пенитенциарной системы ее страны вопрос исправления и перевоспитания преступников не стоит. Свою задачу сотрудники этой системы видят только в обеспечении физического содержания заключенных.

«Пилите, Шура, пилите»¹⁰

Развитие «коммунистических» идей противостояния преступности уперлось в честный концепт позднего академика В.Н. Кудрявцева: «Многие полезные и, вероятно, эффективные меры борьбы с преступностью, предлагаемые правоохранительными органами или общественностью, не могут быть приняты и реализованы, ибо есть более важные национальные интересы»¹¹.

17 февраля 2016 г. Папа Римский, выступая в Мексике, констатировал: «Мы потеряли несколько десятилетий в надежде, что удастся спрятаться за тюремными стенами». Как видим, современное общество о нравственности наказания «уже не бредит», оно — «страус, прячущий голову в песок».

Что же по поводу регламента мелкой кражи в современной России? Законодатель 15 лет непрерывно меняет формулировки ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Мелкое хищение» и ст. 158 Уголовного кодекса РФ «Кража». Не исключено, Маркс назвал бы эту мышину возню лицедейством.

Основные научно-практические выводы

1. Карл Маркс, безусловно, пророк для угнетенных (даже несмотря на то, что его учение не оказалось всемогущим), так как он вер-

но предсказал для нас главное: классовый антагонизм в обществе ведет к революции, результаты Октябрьской революции всем хорошо известны. Карл Маркс, пророк для угнетателей, своевременно смог отреагировать на нее учреждением института правового, социального государства.

2. Анализируемая ранняя работа Карла Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» — прекрасный повод в очередной раз задуматься об уголовной политике в целом, ее истоках, а равно преступлении, наказании, видах и размерах последнего в частности. Насколько прав ректор Санкт-Петербургского государственного университета (специалист в области уголовного права) профессор Н.М. Кропачев в своем суждении о том, что в России «отсутствует концепция уголовно-правовой политики»¹², судить читателю. По мнению автора этих строк, проблема отделения преступного от непреступного, обозначенная Карлом Марксом, нас переживет.

3. Формируемый пророками алгоритм составления «дорожных карт» на перспективу безнадежно отстает от алгоритма информационной революции, заданной объективной реальностью. Современное глобальное общество в массе своей смогло себя накормить, победило страшные когда-то болезни, вот уже как полвека успешно трансформирует войны «горячие» в сражения «холодные». Коммунизм, по Марксу, как агрессивное массовое движение («Мы вас закопаем» — Н.С. Хрущев) сначала разделился на части (советский и китайский), после чего мирно вошел в систему мировой экономики.

4. Грамматика правопорядка¹³ такова — право, совокупность слов, имеющих власть (Диего Валадес); общество все еще не определилось, против кого ее употребить: собравших валежник или продавших государству в убыток лес на корню китайцам, — особенно валить этот лес никто из россиян не собирается.

¹⁰ Поклонникам писателей И. Ильфа и Е. Петрова по книге «12 стульев» знакомо высказывание Паниковского, который, осознав всю безнадежность дела (зря Балаганов гири пилит), боится тому в этом признаться и, желая отсрочить момент неминуемой расправы, закликает: «Пилите, Шура, пилите». В уголовном процессе это выглядит так: жертвы — пишите заявления, преступников найдем; оперативники — найдем, если сможем.

¹¹ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 50.

¹² Кропачев Н.М. Интервью номера. Юридическое образование в России сегодня нельзя назвать универсальным, однотипным и единым // Закон. 2014. № 1. С. 10.

¹³ О явлении см.: Веденеев Ю.А. Грамматика правопорядка / науч. ред. В.В. Лазарев. М., 2018. 232 с.

Литература

1. Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность / Н.А. Колоколов. М. : Юрлитинформ, 2014. 208 с.
2. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. М. : Юрист, 2003. 352 с.
3. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса / К. Маркс // Маркс К. Сочинения : в 39 т. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 1. 2-е изд. М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 119–160.
4. Слизберг Г. Тюрьма в Англии / Г. Слизберг // Юридический вестник. 1888. Январь. С. 104.
5. Aschrott, P.S. Straffensystemen und Gefängniswesen in England / P.S. Aschrott. Berlin u. Leipzig, 1888. 336 p.

References

1. Kolokolov N.A. Ugolovnaya politika: zagadochnaya ochevidnost [Criminal Policy: Mysterious Obviousness] / N.A. Kolokolov. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Jurlitinform, 2014. 208 s.
2. Kudryavtsev V.N. Strategii borby s prestupnostyu [A Crime Combating Strategy] / V.N. Kudryavtsev. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2003. 352 s.
3. Marx K. Debaty' po povodu zakona o krazhe lesa [Debates on the Law on Thefts of Wood] / K. Marx // Marx K. Sochineniya : v 39 t. T. 1 / K. Marx, F. Engels. T. 1. 2-e izd. Moskva : Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury' — Writings : in 39 vol. Vol. 1 / K. Marx, F. Engels. Vol. 1. 2nd edition. Moscow : State Publishing House of Political Literature, 1955. S. 119–160.
4. Sliozberg G. Tyurma v Anglii [An English Prison] / G. Sliozberg // Yuridicheskiy vestnik. 1888. Yanvar — Legal Bulletin. 1888. January. S. 104.
5. Aschrott, P.S. Sistema shtrafov i tyurmy' v Anglii [The Penalty System and Prisons in England] / P.S. Aschrott. Berlin i Leipzsig — Berlin and Leipzig, 1888. 336 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-11-50-55

Подготовка и издание систематических собраний законодательства в советский период*

*Яшук Татьяна Федоровна,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
доктор юридических наук, доцент
yashukotsu@mail.ru*

Выделяются причины и содержание систематизации законодательства в советский период. Составление и издание систематических собраний законодательства являются особой разновидностью общей (генеральной) систематизации законодательства. Такая работа велась на уровне СССР и РСФСР. На союзном уровне основную работу проводили специально создаваемые комиссии, на уровне РСФСР — народный комиссариат юстиции. Описаны все подготовленные в советский период систематические собрания законодательств. Они составлялись по предметному принципу. Использовалась инкорпорация законодательства. Исключались официально отмененные законы. Содержательная переработка текстов не проводилась. В отдельных случаях текст закона давался в редакции с учетом последующих изменений, поправок и дополнений. Применялась перекрестная система ссылок на акты союзного и республиканского уровней. Систематические собрания носили неофициальный характер. После их составления планировалось перейти к подготовке сводов законов.

Ключевые слова: история права, советское право, систематизация законодательства, история систематизации законодательства, систематические собрания законодательства.

Preparation and Publication of Systematic Reviews of Laws in the Soviet Period

*Yaschuk Tatyana F.
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Dostoevsky Omsk State University
Doctor of Law
Associate Professor*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00467.

The causes and content of the systematization of legislation in the Soviet period are outlined. The compilation and publication of systematic collections of legislation are a special type of general systematization of legislation. Such work was undertaken at the level of the USSR and the RSFSR. At the federal level, the main work was done by specially created commissions, at the level of the RSFSR — the People's Commissariat of Justice. All the systematic collections of legislation prepared in the Soviet period are described. They were drafted on subject basis. The incorporation of legislation was used. Formally repealed laws were excluded. Substantive revision of the texts was not carried out. In some cases, the text of the law was given in the drafting, taking into account subsequent changes, amendments and additions. A cross-referenced system of acts of federal and republican levels was applied. Systematic collections were informal. After their drafting, it was planned to proceed to the preparation of codes of laws.

Keywords: history of law, Soviet law, systematization of legislation, the history of systematization of legislation, systematic collections of legislation.

Упорядочение законодательства, осуществляемое в различных формах, занимает важное место в деятельности любого государства. В советский период по ряду обстоятельств, связанных как с общей логикой развития законодательства, так и с трансформацией политического режима, такая работа приобрела постоянный характер. Изучению причин систематизации советского законодательства, методологии, организации, содержанию и итогам проведенной работы посвящен ряд публикаций¹, однако в настоящее время эта тема не является предметом самостоятельного исследования, а затрагивается в контексте рассмотрения других вопросов².

Несмотря на то что вопрос об упорядочении законодательства оставался на законотворческой повестке на протяжении всего советского периода, следует выделить два пика активности: 1920-е годы, хронологически совпадающие с осуществлением нэпа, и период, начало которому положила либерализация политического режима в конце 1950-х годов и который фактически продолжался до распада СССР.

Необходимо подчеркнуть содержательное сходство обоих периодов, которое

подтверждается проведением полномасштабной кодификации (созданием республиканских кодексов и основ союзного законодательства) и общей систематизации (подготовкой хронологических собраний законодательства, систематических собраний и сводов законов). Совпадали и виды упорядочения законодательства, в которых сочетались разные приемы учета, консолидации, инкорпорации, кодификации.

В данной статье рассматриваются организационные решения, подготовка и издание систематических собраний законодательства. Автор разделяет научную позицию, относящую их к особой форме (разновидности) общей (всеобщей, генеральной) систематизации законодательства³. С учетом федеративной формы Советского государства такая работа велась на союзном и республиканском уровнях.

На союзном уровне функции по систематизации и объединению законодательных актов и постановлений ЦИК, СНК и СТО первоначально были возложены на Комиссию законодательных предположений при СНК СССР (КЗП), а после ее упразднения в 1926 г. — на Постоянную комиссию по систематизации и кодификации законодательства СССР при Управлении делами СНК и СТО (ПКСК). Руководствуясь, как указывает А.В. Мицкевич, «предметным критерием расположения материала, содержанием законодательства, а также закрепленной в Конституции компетенцией СССР»⁴, было подготовлено и издано в 1926–1927 гг. Систематическое собрание действующих законов СССР. Собрание вышло в пяти книгах, имеющих следующие названия: «Политиче-

¹ Антонова Л.И. Революционная кодификация законодательства РСФСР (1920–1930-е гг.) // Управленческое консультирование. 2008. № 4. С. 137–155; Мицкевич А.В. Из истории предметной систематизации законодательства СССР // Известия вузов. Серия «Правоведение». 1967. № 5. С. 132–139; Свод законов советского государства (теоретические проблемы) / отв. ред. И.С. Самощенко. М., 1981.

² Максимова О.Д. Законотворчество в СССР в 1922–1936 годах. М., 2014; Муромцев Г.И. Нужен ли России Свод законов? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 1. С. 3–23; Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб., 2003.

³ Юртаева Е.А. Системность и систематизация в законотворчестве: теория и опыт // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 12.

⁴ Мицкевич А.В. Из истории предметной систематизации законодательства СССР. С. 136.

ский строй», «Хозяйственный строй», «Финансово-бюджетный строй», «Культурное строительство», «Судебный строй».

Составители доказывали исключительную и двоякую ценность проделанной работы, поскольку теперь можно было легко найти необходимый акт, и создавался «фундамент, на котором относительно легко возвести стройное здание советского законодательства»⁵. С позиций современных исследователей, «Систематическое собрание» хотя и давало представление о состоянии законодательства, но не внесло существенного вклада в дело его действительного упорядочения. «Ни форма, ни тем более содержание изложения действующих нормативных правил не подвергались изменению или улучшению»⁶.

Практически одновременно с организацией систематизации на союзном уровне аналогичная работа развернулась в РСФСР. Методическим исполнительным центром выступил НКЮ РСФСР. Обработке подвергались акты, изданные за 10 лет советской власти и опубликованные в Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). Полные комплекты СУ РСФСР были недоступны не только для широкой аудитории, но и для пользователей, занимающих руководящие должности в советских учреждениях, связанных с правоприменительной деятельностью.

По подсчетам известного юриста 1920-х годов В.Н. Дурденевского, предстояло проанализировать 8090 актов-статей, содержащихся в первом отделе СУ РСФСР⁷. Многие из них уже устарели, противоречили друг другу, накопили редакционные поправки.

Издание готовилось в двух томах. Первый том включал следующие разделы: 1. Постановления Всероссийских съездов Советов. 2. Государственное устройство. Государственное управление. Военные дела. 3. Социально-культурное строительство: народное просвещение, народное здравоохранение, социальное обеспечение. 4. Труд. Социаль-

ное страхование. Профессиональные союзы. 5. Административно-территориальное деление. Переименование населенных пунктов⁸.

Второй том: 1. Землепользование и землеустройство. Сельское хозяйство. Водное хозяйство. Охота. Ветеринария. 2. Хозяйственное строительство: гражданское право, исключительные права, кредит и банки, промышленность, торговля, кооперация. 3. Транспорт и связь. 4. Финансы, государственный бюджет, финансовый контроль и ревизия, государственные налоги, неналоговые доходы, местный бюджет. 5. Коммунальное и жилищное законодательство. 6. Уголовное законодательство. Исправительно-трудовое законодательство. 7. Судопроизводство и судопроизводство⁹.

С целью повышения практической значимости издания в нем увязывались тождественные или сходные по предмету правового регулирования республиканские и союзные акты. В таких случаях давалась ссылка на закон СССР, а именно указывались его название, наименование органа, утвердившего данный акт, дата издания и место опубликования. Кроме того, применялась система взаимосвязанных ссылок между отдельными российскими законами, что можно признать удачным и уместным приемом юридической техники.

Систематическое собрание законов РСФСР было опубликовано в 1929 г. юридическим издательством НКЮ РСФСР и включало акты, действующие на 1-е января 1928 г.

По объему, как и задумывалось, оно существенно уступало исходному нормативному материалу. Советский юрист А.С. Киселев, выступая с докладом в Институте советского права 15 марта 1929 г., указал, что «Собрание» содержит 2077 актов¹⁰, что составило около четверти опубликованных ранее в СУ РСФСР.

При подготовке «Собрания» применялись различные формы систематизации законодательства: учет (отбирались, т.е. учитывались только формально не отмененные акты); консолидация (объединение в одном «Собрании» действующих законов) и инкорпорация, что требует отдельного пояснения.

⁵ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5-446. Оп. 45. Д. 16. Л. 285. 285 об. (Письмо Председателя КПЗ В.П. Антонова-Саратовского Председателю СНК А.И. Рыкову от 11 июля 1926 г.).

⁶ Систематизация законодательства в Российской Федерации. С. 313–314.

⁷ Дурденевский В. Систематическое собрание законов РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 33. С. 777.

⁸ Систематическое собрание Законов РСФСР, действующих на 1-е января 1928 г. Т. 1. М., 1929.

⁹ Там же.

¹⁰ АРАН (Архив Российской академии наук). Ф. 360. Оп. 4. Д. 93. Л. 1.

К своим большим достижениям составители отнесли то, что им удалось провести инкорпорацию обширного законодательного материала. В качестве примера они назвали вошедший в «Собрание» текст Положения о местных финансах 1926 г.¹¹, в который поместили последующие изменения. Применительно к данному акту проделать такую работу было относительно просто. Во-первых, после утверждения положения Всероссийский центральный исполнительный комитет и Совнарком РСФСР 6 июня 1927 г. приняли два важных постановления: «Об утверждении перечня узаконений РСФСР, утративших силу с введением в действие Положения о местных финансах РСФСР от 19 ноября 1926 г.» и «Об изменении узаконений РСФСР в связи с введением в действие Положения о местных финансах РСФСР от 19 ноября 1926 г.», то есть в «Систематическое собрание» уже не имело смысла включать акты, попавшие в перечень в качестве отмененных. Во-вторых, несмотря на значительную динамику законодательства о местных финансах, при изменении норм старались соблюдать правила юридической техники, принципы и логику правотворчества; точно указывалось, какая статья, часть или пункт отменялись, дополнялись или редактировались. В-третьих, в 1920-е годы акты финансового содержания изначально готовились отраслевым наркоматом, в котором трудилось немало опытных специалистов дореволюционной школы, обладавших профессиональными знаниями и хорошим образованием.

Когда закон не подвергался формальным изменениям или частичной отмене, то он включался в «Собрание» полностью, даже если текст и содержал в себе явные несогласованности с последующим законодательством. Сами составители оценивали этот факт как большой минус. Его можно было бы устранить путем снабжения издания соответствующими редакционными примечаниями, но это, во-первых, привело бы к необоснованному увеличению объема, а во-вторых, могло рассматриваться как неофициальный комментарий¹².

¹¹ Систематическое собрание Законов РСФСР, действующих на 1-е января 1928 г. Т. 1. М., 1929. С. XIII.

¹² Там же.

Выпуск «Систематического собрания» был положительно воспринят юридической общественностью, хотя звучали и объективные оценки, не столько критического, сколько аналитического и пояснительного содержания. Так, А.С. Киселев отметил, что помимо актов, вошедших в «Собрание», по состоянию на 1 января 1929 г. применялось около 1000 общесоюзных законов, а также множество циркуляров наркоматов¹³. Таким образом, массив актуальных законодательных норм далеко не исчерпывался содержанием «Систематического собрания». А.Н. Иодковский, принимавший непосредственное участие в составлении «Собрания», отметил, что 495 актов касались административно-территориального деления и их можно было не включать¹⁴.

Союзное и республиканское систематические собрания являлись неофициальными изданиями. В отличие от подготовленного в конце 1920-х годов свода законов СССР, вопрос о придании им юридической силы ни изначально, ни впоследствии не ставился. Они готовились и рассматривались как необходимое условие, предпосылка и база для перехода на следующий уровень общей систематизации — создание сводов законов. По ряду причин (политического и иного характера) в конце 1920-х годов такая работа была прекращена.

Однако сама концепция двухэтапной систематизации: отбор и распределение по предметному принципу действующих законов, а затем их существенная переработка — оставалась востребованной до конца советского периода. На этих основаниях построена схема Систематического собрания законодательства СССР, подготовка которого началась в конце 1950-х годов. Работа была возложена на Юридическую комиссию при Совете Министров СССР. В связи с реорганизацией союзных и республиканских органов и передачей ряда полномочий союзным республикам комиссия начала работать 1 августа 1956 г.¹⁵ Первоначально основной задачей комиссии значилась законотворче-

¹³ АРАН (Архив Российской академии наук). Ф. 360. Оп. 4. Д. 93. Л. 1.

¹⁴ Иодковский А.Н. История советской кодификации // Вопросы кодификации : сб. научных статей / отв. ред. : А.Н. Иодковский, В.М. Чхивадзе. М., 1957. С. 36.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-9514. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

ская деятельность, и только в плане работы комиссии на 1958 г. появился п. 7 следующего содержания: «Приступить к составлению Систематического собрания действующих законов, указов президиума Верховного Совета СССР, постановлений и распоряжений Правительства СССР»¹⁶.

Полномочия Юридической комиссии по систематизации законодательства были закреплены в отдельном положении, устанавливавшем ее статус и компетенцию. Положение, утвержденное Советом Министров СССР 13 июня 1958 г., можно рассматривать как документ, который зафиксировал официальную позицию, и соответственно советскую правовую доктрину в части понимания объема и содержания работ по упорядочению законодательства, соотношения отдельных видов такой деятельности (например, кодификации и систематизации), связи систематизации с законотворчеством.

Методическая модель отбора материала и схема будущего «Собрания», как отмечалось позднее, демонстрируют очевидные заимствования практических наработок, используемых при составлении собраний конца 1920-х годов, хотя, безусловно, учитывались изменившиеся экономические, социально-политические условия, новые научные позиции¹⁷. Собрание делилось на 32 раздела, каждый из которых отражал отрасль права (например, раздел IV «Гражданское законодательство») или комплексную отрасль законодательства (например, раздел XII «Законодательство о сельском хозяйстве»). Собрание поддерживалось в действующем состоянии путем периодического издания дополнений. Первое дополнение отражало изменения в законодательстве по состоянию на 1 января 1978 г., второе — по состоянию на 1 января 1981 г.

На таких же предметных основаниях строилось Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР, издан-

ное в 1977–1982 гг. Как и союзное собрание, оно включало 32 раздела, хотя количество томов было существенно меньше (19 против 50). К «Собранию» прилагался отдельный, 20-й том справочного содержания¹⁸. В него вошли хронологический перечень актов, помещенных в «Собрание» и алфавитно-предметный указатель. Планировалось регулярное дополнение «Собрания» новыми актами. Действительно, в 1982 г. вышло дополнение первое (т. 21, 22, 23), которое отражало изменение законодательства по состоянию на 1 января 1981 г.

Систематические собрания советского периода (два общесоюзных и два российских) отразили советскую юридическую доктрину о целях систематизации законодательства, ее содержании, этапах, последовательности выполнения отдельных работ. Исходной методологической посылкой служила позиция, что упорядочения и группировки нормативного материала должны вестись «по предметному, а не хронологическому или какому-либо еще принципу»¹⁹. Современная теория права предлагает более широкое толкование, допуская употребление термина «систематическое собрание законодательства» к сборникам, которые методически спланированы, а законодательный материал может быть систематизирован по разным основаниям: по времени издания, опубликования, предметам регулирования и др.²⁰

Выбор в пользу предметной систематизации вполне объясним, поскольку подготовка и издание данных собраний рассматривались как первый важный этап для перехода к созданию сводов законов, в рамках которых могла быть достигнута общая кодификация советского законодательства.

¹⁸ Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР. Т. 20: Справочный (ч. 2). М., 1982.

¹⁹ Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. М., 1969. С. 11.

²⁰ Систематизация законодательства в Российской Федерации. С. 312.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-9514. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

¹⁷ Систематизация законодательства в Российской Федерации. С. 317.

Литература

1. Антонова Л.И. Революционная кодификация законодательства РСФСР (1920–1930-е гг.) / Л.И. Антонова // Управленческое консультирование. 2008. № 4. С. 137–155.
2. Дурденевский В. Систематическое собрание законов РСФСР / В. Дурденевский // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 33.
3. Иодковский А.Н. История советской кодификации / А.Н. Иодковский // Вопросы кодификации : сборник научных статей / отв. ред. : А.Н. Иодковский, В.М. Чхивадзе. М. : Госюриздат, 1957. С. 28–52.

4. Максимова О.Д. Законотворчество в СССР в 1922–1936 годах / О.Д. Максимова. М. : Зерцало-М, 2014. 399 с.
5. Мицкевич А.В. Из истории предметной систематизации законодательства СССР / А.В. Мицкевич // Известия вузов. Серия «Правоведение». 1967. № 5. С. 132–139.
6. Муромцев Г.И. Нужен ли России Свод законов? / Г.И. Муромцев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 1. С. 3–23.
7. Свод законов советского государства (теоретические проблемы) / отв. ред. И.С. Самощенко. М. : Юридическая литература, 1981. 255 с.
8. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 382 с.

References

1. Antonova L.I. Revolyutsionnaya kodifikatsiya zakonodatelstva RSFSR (1920–1930-e gg.) [The Revolutionary Codification of Laws of the RSFSR (the 1920s to the 1930s)] / L.I. Antonova // Upravlencheskoe konsultirovanie — Management Consulting. 2008. № 4. S. 137–155.
2. Durdenevsky V. Sistematischeskoe sobranie zakonov RSFSR [A Systematic Collection of Laws of the RSFSR] / V. Durdenevsky // Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii — Soviet Justice Weekly. 1929. № 33.
3. Iodkovsky A.N. Istoriya sovetskoy kodifikatsii [The History of the Soviet Codification] / A.N. Iodkovsky // Voprosy kodifikatsii : sbornik nauchny'kh statey / отв. ред. : A.N. Iodkovsky, V.M. Chkhivadze. Moskva : Gosyurizdat — Issues of Codification : collection of research articles / publishing editors : A.N. Iodkovsky, V.M. Chkhivadze. Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1957. S. 28–52.
4. Maksimova O.D. Zakonotvorchestvo v SSSR v 1922–1936 godakh [Law Making in the USSR from 1922 to 1936] / O.D. Maksimova. Moskva : Zertsalo-M — Moscow : Mirror-M, 2014. 399 s.
5. Mitskevich A.V. Iz istorii predmetnoy sistematisatsii zakonodatelstva SSSR [From the History of Systematization of Laws of the USSR by Subjects] / A.V. Mitskevich // Izvestiya vuzov. Seriya Pravovedenie — News of Higher Educational Institutions. The Legal Studies Series. 1967. № 5. S. 132–139.
6. Muromtsev G.I. Nuzhen li Rossii Svod zakonov? [Does Russia Need a Code of Laws?] / G.I. Muromtsev // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki — Law. Journal of the Higher School of Economics. 2011. № 1. S. 3–23.
7. Svod zakonov sovetskogo gosudarstva (teoreticheskie problemy) [The Code of Laws of the Soviet State (Theoretical Issues)] / отв. ред. I.S. Samoschenko. Moskva : Yuridicheskaya literatura — publishing editor I.S. Samoschenko. Moscow : Legal Literature, 1981. 255 s.
8. Sistematisatsiya zakonodatelstva v Rossiyskoy Federatsii [Systematization of Laws in the Russian Federation] / pod red. A.S. Pigolkina. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — edited by A.S. Pigolkin. Saint Petersburg : Legal Center Press, 2003. 382 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-11-55-60

Первый советский учебник по государственному праву 1938 г. под редакцией А.Я. Вышинского

*Иванов Иван Васильевич,
доцент Высшей школы бизнеса, менеджмента и права
Российского государственного университета туризма и сервиса,
кандидат юридических наук
sarmat212@yandex.ru*

Статья посвящается 80-й годовщине издания первого учебника по советскому государственному праву 1938 года под редакцией А.Я. Вышинского и его значению для развития науки государственного права. В статье делается вывод о высокой теоретической значимости данного учебника, отличающей его от аналогичного учебного материала, позволяющей относить его к научному труду. Автором отмечается использование в учебнике большого количества зарубежной научной литературы, оригинальное изложение основных вопросов государства и права, что связывается с личностью редактора

данного учебника — А.Я. Вышинского. Автор приходит к выводу, что учебник государственного права 1938 года возможно отнести к памятнику юридической литературы.

Ключевые слова: советское государственное право, учебник.

The First Soviet Textbook on the State Law of 1938 Edited by A.Ya. Vyshinsky

Ivanov Ivan V.

Associate Professor of the Higher School of Business, Management and Law
of the Russian State University of Tourism and Service
Candidate of Legal Sciences

The article is dedicated to the 80th edition of the first textbook on soviet state law of 1938, edited by A.Ya. Vyshinsky and its significance for the development of science of state law. A conclusion is made about the high theoretical importance of this textbook, which distinguishes it from similar educational material, which makes it possible to refer it to scientific work. The author notes the use in the textbook of more foreign scientific literature, an original presentation of the main issues of state and law, which is associated with the personality of the editor of this textbook — A.Ya. Vyshinsky. The author comes to the conclusion that the textbook of the state law of 1938 may be attributed to the monument of legal literature.

Keywords: soviet state law, textbook.

80 лет назад был издан первый советский учебник по советскому государственному праву под редакцией Андрея Януаровича Вышинского — видного советского государственного деятеля и ученого¹.

Предыстория издания учебника связана с критикой взглядов Е.Б. Пашуканиса и П.И. Стучки на природу советского права как явления сугубо товарно-производственных отношений и необходимостью, по мнению А.Я. Вышинского, на этом фоне развития «подлинного» советского социалистического права, социалистической законности, восполнения пробелов в научном исследовании правовых принципов советского права. В этой связи на Первом всесоюзном совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. А.Я. Вышинским был зачитан доклад «Основные задачи советского социалистического права», в котором отмечалось: «Перед советским социалистическим государственным правом стоит ряд важных вопросов. Я их просто перечислю: во-первых, определение предмета, содержания и объема советского социалистического государственного права. Эта задача отчасти решена в том отношении, что Институт права Академии наук подготовил к печати и в ближайшие несколько дней, после окончательной считки, сверки и согласования отдельных глав, сдается в издательство “Курс

советского социалистического государственного права”»².

Необходимо отметить, что наука советского государственного права в 1920–1930-е гг. переживала глубочайший кризис, выраженный не только в отсутствии монографической литературы по целому комплексу вопросов государственного устройства, правового статуса личности, органов государственной власти и органов управления, но и элементарно в отсутствии учебной литературы. Оценка организации государственной власти и государственного права в целом в данный период сводилась к выступлениям представителей руководства партии и правительства³. При этом в 1936 г. была принята Конституция Союза ССР, коренным образом изменившая: порядок формирования и функционирования высшего органа государственного права (образование Верховного Совета СССР и упразднение ЦИК СССР); содержание правового статуса граждан (расширены политические права, на примере избирательного права и т.д.).

Учебник советского государственного права 1938 г. представляет собой фундаментальный научный труд, состоящий из

¹ Советское государственное право / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1938. 652 с.

² Основные задачи науки советского социалистического права: сб. статей А.Я. Вышинского «Вопросы теории государства и права». М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1949. С. 88.

³ См., например: Сталин И.В. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. М.: ОГИЗ, 1936. 130 с.

10 глав и освещающий все разделы государственного права: 1. Введение (соотношение марксистско-ленинской и буржуазной теории государства и права). 2. Основные этапы развития советской Конституции. 3. Общественное устройство СССР. 4. Государственное устройство СССР. 5. Высшие органы государственной власти СССР, союзных и автономных республик. 6. Органы государственного управления СССР, союзных и автономных республик. 7. Местные органы государственной власти. 8. Суд и прокуратура. 9. Основные права и обязанности граждан СССР. 10. Избирательная система СССР.

Учебник отличается глубоким и всесторонним исследованием буржуазного государственного права. Освещение основных вопросов государственного устройства сопровождалось отсылкой к работам известных зарубежных классиков конституционализма: Ж. Бартелеми, В. Вильсон, Г. Еллинек, Л. Дюги, М. Ориу, А. Эсмен и др. Многие работы зарубежных авторов были представлены впервые и в последующем более не встречаются в юридической литературе советского и постсоветского времени⁴. Также в учебнике рассмотрены взгляды видных дореволюционных государствоведов: В.В. Ивановского, Н.М. Коркунова, Б.Н. Чичерина и т.д. Допустимо заключить, что аналогичного по использованию числа зарубежной монографической литературы учебника по государственному (конституционному) праву в СССР и современной России не издавалось.

Целью авторского коллектива учебника по советскому государственному праву 1938 года было не только рассмотрение основного материала по советскому строительству, но и раскрытие его, в сравнении с зарубежным государственным правом, правом дореволюционной России. В этом видится задача не только по повышению общей юридической культуры студентов, их обучению курсу действующего законодательства, но и получению ими

⁴ Например: Fourier. Theorie de l'unité universelle. Paris, 1841, 180 p.; Anrath, K. Die richtige Gestaltung des Strafverfahrens entwickelt aus dem Wesen des menschendenkens. Berlin, 1934; Damm, G. Bemerkungen zur Reform des Strafverfahrens. Zeitschrift für gesammte Strafrechtswissenschaft. Berlin, 1935.

Статьи авторов из трехтомного комментария к Веймарской конституции 1919 г.

знаний по общей теории конституционализма — фундамента в области организации государственной власти. Подобный подход к освещению материала в учебнике по государственному праву 1938 г. свидетельствует не столько о редакторстве А.Я. Вышинского, сколько главным образом его авторстве. Еще в 1936 г. А.Я. Вышинский отмечал, что для того, чтобы свое право усвоить, переработать в своем сознании, нужно прежде всего усвоить чужое право, право, которое создавалось в течение веков эксплуататорскими классами. Без овладения этим наследством мы не сможем перестроить своей культуры⁵. К тому же самостоятельная работа с зарубежными источниками была крайне рискованным делом для советских ученых того периода. К примеру, в 1948 г. И.Д. Левин был обвинен в космополитизме ввиду излишнего использования зарубежной монографической литературы и отстранен от заведования кафедрой государственного права в МГУ.

Безусловно, учебник советского государственного права 1938 г. отражал классовый подход и рассматривал все вопросы с точки зрения марксистско-ленинской теории государства и права. Фактически каждая третья страница учебника отсылает к работам К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина. Авторы учебника во многом развивали и толковали взгляды классиков марксизма-ленинизма либо собственные тезисы подкрепляли положениями работ Ленина — Сталина. Видится, что во многом авторам было облегчено написание учебника, с идеологической точки зрения, изданием в том же 1938 г. Краткого курса истории ВКП(б)⁶ и наличием многократно переизданного конспекта лекций И.В. Сталина «Вопросы ленинизма»⁷.

Важной функцией учебника советского государственного права 1938 г. стало заложение основ преемственности в напи-

⁵ Вышинский А.Я. Совещание в Прокуратуре Союза ССР с районными следователями // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 83.

⁶ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) : краткий курс / под ред. ЦК ВКП(б). М. : Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 352 с.

⁷ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1938. 616 с.

сании учебной литературы по советскому государственному праву. Все последующие учебники по государственному праву содержали в целом схожие главы и разделы⁸. Значимость учебника советского государственного права 1938 г. определяется «узакониванием» научных исследований по советскому государственному праву в тот период и возможностью продвижения знаний в области государственного строительства в будущем.

Учебник советского государственного права 1938 г. не утратил своей актуальности по многим научно-практическим вопросам. Сохраняется актуальность учебника в раскрытии фундаментальных проблем функционирования парламентской демократии. Авторами учебника отмечалось, что во Франции в списках членов советов и правлений акционерных компаний имеется 200 имен членов французского сената или палаты депутатов. 255 членов английского парламента занимают директорские посты, по крайней мере в 713 компаниях с общим акционерным капиталом в 1,9 млрд фунтов стерлингов⁹. Современные исследователи российского конституционализма отмечают, что в Государственную Думу седьмого созыва попали 3 миллиардера и 230 миллионов, что ставит под сомнение их стремление представлять и защищать интересы простого народа¹⁰. В этой связи в наши дни в целом обоснованно и справедливо утверждение В.И. Ленина, что «биржа и банкиры тем больше подчиняют себе буржуазные парламенты, чем сильнее развита демократия»¹¹.

Учебник заложил важное понимание предмета науки советского государственного права, который определяется не только

юридической формой, но и материальным субстратом государственных отношений, не только юридической природой государства, но и его социально-экономической природой¹². Подобный подход к научным исследованиям в области отраслей права и конституционного права России, в частности, актуален и в настоящее время.

Весьма высокая оценка и значимость учебника по советскому государственному праву 1938 года была отмечена профессором С.А. Авакьяном, который пишет: «Характерно, что наука государственного права... развивалась очень слабо, в 30–40-е гг. издавалось удивительно мало не только монографических исследований, но и статей по вопросам государственного права. Своеобразным «манифестом эпохи» становится учебник советского государственного права под редакцией А.Я. Вышинского»¹³. Полагаем, что во многом высокий уровень изложения теоретического и практического материала в учебнике советского государственного права 1938 г. был определен энциклопедической образованностью А.Я. Вышинского, владением им несколькими иностранными языками, отличным знанием конституционного права иностранных государств и дореволюционного русского государственного права. Аналогичного мнения придерживается и профессор В.А. Томсинов об А.Я. Вышинском в качестве автора учебника по уголовному процессу 1934 г.: «Автором такого курса мог быть лишь человек незаурядных знаний и способностей — не только эрудированный ученый-правовед, знаток российского дореволюционного и послереволюционного законодательства, досконально изучивший труды отечественных правоведов и обладающий обширными историко-правовыми знаниями, но и юрист, способный разобраться в самых сложных юридических проблемах»¹⁴.

⁸ Советское государственное право: учебник / А.А. Аскеров, Н.Д. Дурманов, М.П. Карева, В.Ф. Коток [и др.]. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 496 с.; Советское государственное право: учебник / Д.С. Карев, Б.П. Кравцов, Н.Я. Куприц, Н.А. Пономарев [и др.]. М.: Госюриздат, 1950. 421 с.

⁹ Советское государственное право / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. С. 331.

¹⁰ Ерыгина В.И. Народное представительство как юридическая фикция в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 25.

¹¹ Ленин В.И. Собрание сочинений. Т. 37. 5-е изд. М.: ОГИЗ, 1969. С. 255.

¹² Советское государственное право / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. С. 88.

¹³ Авакьян С.А. Конституционное право России. 3-е изд. М.: Юрист, 2010. С. 126.

¹⁴ Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статья первая. С. 46. URL: http://tomsinov.com/russia_contemp/tomsinov_v.a-andrej_januarevich_vyshinskij.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

Учебник по советскому государственному праву привлек к себе внимание иностранных государств и был опубликован в 1941 г. в Финляндии, в 1948 г. в США¹⁵.

В заключение можно отметить, что изучение и прочтение учебника советского государственного права 1938 г. имеет не только образовательное значение в области истории отечественного государства и права. Данный учебник весьма познавателен для изучения общей теории конституционного права, истории не только отечественного государства и права, но и зарубежного права. Высокий уровень изложения теоретического и практического материала, использование огромного количества зарубежной юридической литературы, оригинальность авторского подхода

к рассмотрению фундаментальных проблем государственного строительства позволяют отнести учебник советского государственного права 1938 г. к памятнику российского государственного права.

Также справедливым будет утверждение, что учебник по советскому государственному праву не стал «рядовой» учебной литературой благодаря вкладу в его создание А.Я. Вышинского. Стоит согласиться с профессором В.А. Томсиновым, что даже в своей государственной деятельности А.Я. Вышинский часто мыслил как преподаватель и руководитель учебного заведения. Пребывая во главе Прокуратуры СССР, он стремился заставить своих подчиненных постоянно что-то изучать и читать книги не только по своей специальности, но и по другим наукам, прежде всего по истории, к которой он имел какое-то необъяснимое душевное влечение¹⁶.

¹⁵ Noukogude riigioigus / Oldtoimetaja A.J. Vosinski. Tartu : RK Teaduslik kirjandus, 1941; The Law of the Soviet state / Andrei Y. Vyshinsky, gen. ed.; transl. from the Russ. by Hugh W. Babb; introd. by John N. Hazard. New York : Macmillan, 1948.

¹⁶ Томсинов В.А. Указ. соч. С. 55.

Литература

1. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права / А.Я. Вышинский // Вопросы теории государства и права / А.Я. Вышинский. 2-е изд. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1949. 424 с.
2. Вышинский А.Я. Сопровождение в Прокуратуре Союза ССР с районными следователями / А.Я. Вышинский // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 75–88.
3. Ерыгина В.И. Народное представительство как юридическая фикция в конституционном праве / В.И. Ерыгина // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 24–27.
4. Конституционное право России : учебный курс : в 2-х т. Т. 1 / С.А. Авакьян. 3-е изд. М. : Юристъ, 2010. 864 с.
5. Ленин В.И. Собрание сочинений : в 55 т. Т. 37 : Июль 1918 — март 1919 / В.И. Ленин. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1969. 742 с.
6. Советское государственное право / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. 652 с.
7. Советское государственное право : учебник / А.А. Аскеров [и др.]. М. : Юридическое изд-во МЮ СССР, 1948. 496 с.
8. Советское государственное право : учебник / Д.С. Карев [и др.]. М. : Госюриздат, 1950. 421 с.
9. Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), государственный деятель и правовед. Статьи 1–3 / В.А. Томсинов // Законодательство. 2017. № 8. С. 87–94.
10. Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), государственный деятель и правовед. Статья 4 / В.А. Томсинов // Законодательство. 2017. № 11. С. 85–94.

References

1. Vyshinsky A.Ya. Osnovny'e zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava [The Key Tasks of the Soviet Socialist Law Science] / A.Ya. Vyshinsky // Voprosy' teorii gosudarstva i prava / A.Ya. Vyshinsky. 2-e izd. Moskva : Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury' — Issues of the Theory of State and Law / A.Ya. Vyshinsky. 2nd edition. Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1949. 424 s.
2. Vyshinsky A.Ya. Soveschanie v Prokurator'e Soyuzu SSR s rayonny'mi sledovatelyami [A Meeting with District Investigators in the Prosecutor's Office of the USSR] / A.Ya. Vyshinsky // Sotsialisticheskaya zakonnost — Socialist Legality. 1936. № 7. S. 75–88.
3. Erygina V.I. Narodnoe predstavitelstvo kak yuridicheskaya fiktsiya v konstitutsionnom prave [Popular Representation as a Legal Fiction in Constitutional Law] / V.I. Erygina // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2018. № 1. S. 24–27.

4. Konstitutsionnoe pravo Rossii : uchebny'y kurs : v 2-kh t. T. 1 [Russian Constitutional Law : academic course : in 2 vol. Vol. 1] / S.A. Avakyan. 3-e izd. Moskva : Yurist — 3rd edition. Moscow : Lawyer, 2010. 864 s.
5. Lenin V.I. Sobranie sochineniy : v 55 t. T. 37 : Iyul 1918 — mart 1919 [Collection of Works : in 55 vol. Vol. 37 : July 1918 to March 1919] / V.I. Lenin. 5-e izd. Moskva : Izdatelstvo politicheskoy literatury' — 5th edition. Publishing House of Political Literature, 1969. 742 s.
6. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo [Soviet State Law] / pod obsch. red. A.Ya. Vyshinskogo. Moskva : Yuridicheskoe izdatelstvo NKYu SSSR — under the general editorship of A.Ya. Vyshinsky. Moscow : Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1938. 652 s.
7. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo : uchebnik [Soviet State Law : textbook] / A.A. Askerov [i dr.]. Moskva : Yuridicheskoe izd-vo MYU SSSR — A.A. Askerov [et al.]. Moscow : Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1948. 496 s.
8. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo : uchebnik [Soviet State Law : textbook] / D.S. Karev [i dr.]. Moskva : Gosyurizdat — D.S. Karev [et al.]. Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1950. 421 s.
9. Tomsinov V.A. Andrey Yanuaryevich Vyshinskiy (1883–1954), gosudarstvenny'y deyatel i pravoved. Statyi 1–3 [Andrey Yanuaryevich Vyshinsky (1883 to 1954), a Statesman and Legal Expert. Articles 1 to 3] / V.A. Tomsinov // Zakonodatelstvo — Legislation. 2017. № 8. S. 87–94.
10. Tomsinov V.A. Andrey Yanuaryevich Vyshinskiy (1883–1954), gosudarstvenny'y deyatel i pravoved. Statya 4 [Andrey Yanuaryevich Vyshinsky (1883 to 1954), a Statesman and Legal Expert. Article 4] / V.A. Tomsinov // Zakonodatelstvo — Legislation. 2017. № 11. S. 85–94.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-11-60-65

Юридическое обеспечение экономического суверенитета самодержавной России во второй половине XIX — начале XX в.

*Латыпов Урал Альфретович,
аспирант Международного юридического института
pen.depel@gmail.com*

В статье изложен историко-правовой анализ юридического обеспечения экономического суверенитета царской России второй половины XIX — начала XX века. Исследуется процесс зарождения и становления промышленного права, промышленных правоотношений и законодательной базы в промышленных, добывающей и перерабатывающей сферах. Анализируются концепции русских философских школ о государстве и его суверенитете. Предложено авторское толкование понятия «экономический суверенитет» в экономическом и юридическом контекстах.

Ключевые слова: экономический суверенитет, сущность государственного суверенитета, показатель экономической независимости, юридическая сущность экономического суверенитета, правовые акты, регулирующие разработку недр, промышленное законодательство.

The Legal Support of the Economic Sovereignty of the Autocratic Russia in the Second Half of the XIX to the Early XX Century

*Latypov Ural A.
Postgraduate Student of the International Law Institute*

In the article the historical and legal analysis of legal support of economic sovereignty of Tsarist Russia in the second half of XIX — beginning of XX century. Explores the process of origination and formation of industrial law, industrial law relations and legislative base in the industrial, mining and processing areas. Examines the concept of Russian philosophical schools of the State and its sovereignty. Invited author's interpretation of the concept of economic sovereignty in economic and legal contexts.

Keywords: economic sovereignty, the essence of State sovereignty, indicator of economic independence, the legal essence of economic sovereignty, legal acts regulating the development of mineral resources, industrial legislation.

Развитие государства неразрывно связано с его суверенитетом, который может рассматриваться как особая юридическая форма, складывающаяся из ряда существенных суверенных признаков. Каждая историческая эпоха отличалась взглядами на состав суверенных прав и, соответственно, суверенных признаков; приоритетными в этой части были верховная власть, территория и население. Все остальные признаки считались вторичными. Господствующая государственная власть консолидировала население на конкретной территории, имеющей границы, она распространялась на субъекты права и участников правоотношений.

Юридическое обеспечение экономического суверенитета осуществлялось за счет государственно-правового регулирования промышленности, путем создания императивных норм, которые определили направления ее развития во второй половине XIX — начале XX в. По этому поводу Н.В. Ковалева высказала мнение, что именно в данное время происходило становление законодательной базы в промышленной сфере и зарождение промышленного права, которое началось с ремесла и промысла, явившись своеобразной основой всего правового регулирования промышленных отношений. Тогда появились понятия «завод, фабрика и мануфактура», «кустарная промышленность», «ремесло», «горный промысел» и «горный завод»¹.

Мы разделяем данную точку зрения и считаем, что получению экономической независимости российского государства способствовали документы, регламентирующие развитие отдельных отраслей горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, стимулировавшие разработку и добычу недроресурсов, например: Положение о пошлинах на право торговли и других промыслах 1863 г., Устав о частной золотопромышленности 1870 г., Правила о нефтяных промыслах и акцизе с фотогенного производства 1872 г., Положение о государственном промысловом налоге 1898 г., Устав горный Российской империи 1893 г. и др.

¹ Ковалева Н.В. Правовое регулирование промышленного производства Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2006. С. 16.

Полагаем, что экономический суверенитет является показателем способности государства самостоятельно разрешать ключевые экономические проблемы, осуществлять контроль разработки недроресурсов и тем самым обеспечивать устойчивость государства, проводя независимый курс в данном направлении.

Проблема экономического суверенитета с XVIII в. и до настоящего времени, по мнению Т.М. Матаева, является латентной разделительной чертой в политико-правовых парадигмах полемизирующих школ экономистов². В этой связи автор разработал понятие и критерии экономического суверенитета, к которым отнес: а) национальные отношения собственности; б) самостоятельное распоряжение национальными ресурсами; в) самостоятельное принятие управленческих решений в экономике; г) самостоятельное проведение национальной экономической политики; д) самостоятельное осуществление регулирования рынков.

Исследователь включил в понятие экономического суверенитета государства категорию «национальные отношения собственности». Он полагал, что на их основе государственные органы власти и управления самостоятельно распоряжаются национальными ресурсами, принимают управленческие решения в экономике, проводят национальную экономическую политику, осуществляют регулирование рынков в интересах народа. По нашему мнению, данная новация не корректна, так как в отечественной юридической науке понятие «национальная собственность» отсутствует. В научном обороте встречается категория «собственность в национальной экономике», наполненная экономическим и юридическим содержанием.

В этой связи предлагаем свое толкование понятия «экономический суверенитет» в экономическом и юридическом контекстах. В качестве базовой основы экономического суверенитета выделим собственность, характеризующую возможность государства. Во второй половине XIX в. собственность в России существовала в двух формах: как государственная

² Матаев Т.М. Государство как носитель экономического суверенитета // Вопросы экономики и права. 2013. № 6. С. 19–20.

и частная. При этом государство сохраняло жесткий контроль над крупными частными собственниками³. После Октябрьской революции в соответствии с Конституцией СССР 1936 г. была узаконена социалистическая форма собственности, включавшая государственную и колхозно-кооперативную собственность.

Резюмируя сказанное, можно предположить, что экономический суверенитет государства отражает его возможность и способность независимо от внешних и внутренних условий владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, экономическими ресурсами, производственными и иными объектами, землей, природными ископаемыми, не находящимися в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, а также реализовывать независимую экономическую политику, отражающую его интересы.

Юридическая сущность экономического суверенитета реализуется через законодательство, устанавливающее правила регулирования отношений собственности на внешнем, международном и внутреннем государственном уровнях, на основе которого уполномоченные органы власти самостоятельно разрабатывают экономическую политику.

В царской России второй половины XIX в. экономический суверенитет обеспечивался деятельностью государства, направленной на создание условий независимости возрождающегося капитализма от внешних политических и экономических факторов воздействия. Ключевое значение отводилось политике протекционизма, которую реализовывал министр финансов С.Ю. Витте. По его инициативе были введены таможенные пошлины и поощрительные премии на экспорт продукции, которые способствовали развитию российской добывающей и перерабатывающей промышленности.

Экономическая политика России того периода опиралась на доктрину, в соответствии с которой в 1893 г. были изменены базовые принципы таможенной системы. Это дало основание К.Е. Иванову сделать вывод

³ Бородачев А.С. Институт права собственности в России во второй половине XIX — первой четверти XX вв.: Историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 5.

об отказе России от дальнейшего продвижения политики «тарифной автономии» и необходимости перейти к соглашениям, основанным на конвенционных тарифах.

Для придания оперативности в управлении российской экономикой царская власть в 1893 г. законодательно закрепила право министра финансов самостоятельно принимать решения в отношении государств, препятствующих российскому экспорту, и в качестве ответной меры повышать таможенные пошлины на ввозимые товары и сырье.

Особая роль в обеспечении экономического суверенитета отводилась разработке недр и, в частности, добыче золота, которое выступало в качестве денежного эквивалента в процессе денежной реформы, проведенной царским правительством во второй половине XIX в. В частности, стимулировалось вложение крупных капиталов в золотопромышленность Сибири. С этой целью разрешалось свободное обращение золота. На данном этапе процентная подать была заменена промысловым налогом, а также по указанию царя отменялись таможенные пошлины на ввозимые для золотодобычи из-за границы машины и оборудование.

Вторым шагом, направленным на развитие золотодобывающей отрасли Сибири, стало активное привлечение капитала российских банков. И.Ф. Гиндин в своем труде⁴ проанализировал связи золотопромышленных предприятий с капиталом банковских монополий. На основании этого сделал вывод о том, что сибирская золотопромышленность развивалась в значительной мере благодаря участию русских банков, а не иностранным инвестициям.

Развитие российской золотодобывающей и перерабатывающей промышленности в конце XIX — начале XX в., по мнению А. Шиша, стало возможным благодаря кредитованию золотодобывающих предприятий русскими банками. До введения свободного обращения золота в 1902 г. банки не могли совершать налоговые операции и, следовательно, кредитование золотопромышленности было очень рискованным делом⁵. В денежном

⁴ Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. М., 1948. С. 23.

⁵ Шиша А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск: Сибирское обл. гос. изд-во, 1922. С. 18. URL:

выражении частная золотопромышленность в середине XIX в. превышала все остальные отрасли.

Следующее направление, обеспечивающее развитие экономического суверенитета России, было связано с разработкой угольных месторождений. Угольная индустрия во второй половине XIX в. представляла зародыш промышленно-хозяйственного комплекса, связанного с другими отраслями промышленности, с разработкой руды и марганца и производством чугуна и стали. Часть капитала в угольную добывающую промышленность инвестировали римские, брюссельские и немецкие банки, но большинство денежных средств обеспечивали российские финансовые структуры, такие как «Азово-Донской», «Северный» и «Петербургский международный» банки. Активное участие в процессе финансирования также принимали Государственный и «Земельный» банки.

Еще одна отрасль, развивающая российский экономический суверенитет, начала складываться во второй половине XIX в., и была связана с разработкой нефтяных месторождений. Нефтяное производство основывалось на процессах добычи и переработки нефтепродуктов. По утверждению Чжана Гуансяна⁶, объем нефтедобычи России и США со второй половины XIX до начала XX столетия постоянно увеличивался и составлял примерно 90% от мирового объема нефтедобычи. По факту основными игроками на нефтяном рынке в данный период оставались Соединенные Штаты Америки и Россия.

Российская организация разработки нефтяных месторождений на Апшеронском полуострове вплоть до 70-х гг. XIX в. имела свою специфику, выражавшуюся в откупной системе, которая не стимулировала эффективную работу этой отрасли, так как опиралась на откупщиков, которым раз в четыре года правительство отдавало по одному нефтяному месторождению. Откупщики за определенную плату полученное нефтяное месторождение сдавали в аренду. Арендаторы, получив-

шие нефтеносные участки, выкачивали из них максимальную прибыль, не заботясь о модернизации производства. Система откупов привела отрасль к застою и деградации.

Положение изменилось коренным образом после выхода Правил о нефтяном промысле и акцизе с фотогенового производства и Правил об отдаче в частные руки казенных нефтяных источников Кавказского и Закавказского края, состоящих в откупном содержании, упразднивших в 1872 г. неэффективную систему откупов. Нефтеносные участки казенной земли передавались в частные руки с публичных торгов за единовременную плату⁷. Эти действия стимулировали владельцев нефтедобывающих предприятий и вынудили их инвестировать средства в модернизацию производства.

Исследовавший развитие нефтедобычи А.Б. Фурман констатировал факт развития российской нефтяной промышленности в начале XX в., отметив, что она стала одной из наиболее востребованных отраслей капиталистического производства и стабильным источником дохода царской казны⁸. Основным продуктом нефтяного производства был керосин, который использовался не только в промышленности, но и в бытовом потреблении. Продажа керосина на внутреннем рынке давала государству несколько миллионов рублей ежегодного дохода.

Автор высказал мнение, что главным стимулирующим фактором развития нефтяной отрасли являлась правильно реализованная политика налогообложения, что, по нашему мнению, соответствует действительности. Именно сбалансированная налоговая политика позволила вывести нефтяную отрасль в лидирующие позиции.

Процесс нефтедобычи и переработки был объективно связан с общим развитием экономики государства и сбалансированной экономической стратегией, которая реализовывалась с 1877 г., когда царское правительство активизировало протекционистскую политику и установило выгодные для России тамо-

<http://poisk.ngonb.ru/flip/> (дата обращения: 21.08.2018).

⁶ Гуансян Чжан. Влияние нефтяной промышленности на развитие России во второй половине XIX — начале XX века // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 3. С. 529.

⁷ Царская «приватизация» и свобода геологоразведки. URL: <https://nangs.org/news/authorities/tsarskaya-privatizatsiya-i-svobodageologorazvedki> (дата обращения: 25.08.2018).

⁸ Фурман А.Б. Государственная политика в нефтяной отрасли России (конец XIX — начало XX вв.) Нефтегазовое дело. 2004. URL: http://ogbus.ru/files/ogbus/authors/Furman/Furman_1.pdf (дата обращения: 26.08.2018).

женные пошлины на американскую нефть и керосин и прекратило их поставки из США. Это позволило Российской империи экспортировать нефть за пределы государства уже в 1884 г. В первый год было продано за рубеж около 3949 тыс. пудов нефти⁹.

Большие объемы нефтедобычи и переработки стимулировали скачок во всех областях российской экономики. Несмотря на хорошую перспективу международной торговли сырой нефтью, Николай II в 1896 г. ввел ограничения на ее экспорт, сбалансировав потребности отечественной промышленности и машиностроения. Тем самым император способствовал прогрессу в области химической и нефтеперерабатывающей промышленности.

Позитивный шаг в обеспечении экономического суверенитета был сделан в области добычи железной руды для нужд металлургических отраслей. Основным разработчиком железных руд и шлаков в середине XIX в. оставался Урал, добыча этих ископаемых составляла около половины от общего количества добытой железной руды по всей стране.

Вторым по значению в разработке железной руды оставался юг страны. Его показатели соответствовали отметке примерно в 30%, в то время как Польша производила примерно 10%, Подмосковье находилось на одном уровне — около 9%, в Финляндии добыча руды колебалась в диапазоне 2–3%. Совсем не осуществлялось разработок железной руды в Сибири и северной части империи.

Экономическая политика Николая II стимулировала разработку железных руд и шлаков внутри Российского государства. Она отчасти реализовывалась благодаря таможенному тарифу 1891 г., ограничившему российский экспорт железных руд и шлаков, кроме Царства Польского. Представители указанного региона могли по особому разрешению Министерства финансов вывозить вышеозначенные ресурсы с уплатой пошлины по 1 коп. с пуда.

Несмотря на позитивные сдвиги в области разработки железной руды, в 80-е гг.

⁹ Матвейчук А.А. Некоторые особенности промышленного переворота в нефтяной промышленности России во второй половине XIX в. // Предвестие эры нефти: проблемы истории нефтяной промышленности России и США во второй половине XIX — начале XX вв. / под общ. ред. В.Ю. Алекперова. М., 2003. С. 46–74.

XIX в. около 60% потребляемого в стране металла импортировалось из-за рубежа. Причиной такой ситуации была технологическая отсталость отечественной металлургической промышленности. Однако положение изменилось во второй половине 80-х гг., благодаря чему резко возросло производство российского чугуна.

Существенное влияние на производство металла оказало активное освоение новых экономических зон и строительство чугуноплавильных заводов. По свидетельству Р.С. Тарасова, в 1894 г. их насчитывалось 142, примерно половина работала на Урале. Остальные базировались в непосредственной близости к месторождениям в Подмосковном и Северо-западном краях, в Царстве Польском, Юго-западном и Южном краях. Менее развитым оставался Северный край, где функционировало всего 3 завода с тремя домнами. Сибирь также не привлекала разработчиков железной руды. Небольшое количество заводов работало в Финляндии¹⁰.

Необходимо отметить, что обеспечение экономического суверенитета в российской империи достигалось за счет ее экстенсивного экономического развития. В сравнении с Англией, Германией и США, где активно использовались передовые технологии, российская тяжелая промышленность функционировала благодаря разработке новых месторождений и использованию дешевого рабочего труда. Особенно это отставание от передовых экономических держав видно на примере производства чугуна. В 1885 году из 195 доменных печей в России 88 работали на холодном дутье, используя технологию начала XIX столетия.

Подводя итог, можно констатировать, что государственный экономический суверенитет в обозначенный период обеспечивался деятельностью царской администрации в политическом, юридическом и экономическом направлениях, что позволило за относительно короткий промежуток времени решить задачи развития новых промышленных отраслей и существенно стимулировать уже имевшиеся, начиная от золотодобычи, разработки угля и нефтепереработки и заканчивая производством чугуна и стали.

¹⁰ Тарасов Р.С. Стратегия развития металлургической промышленности России второй половины XIX века // Фундаментальные исследования. 2012. № 11 (ч. 5). С. 1086–1087.

Литература

1. Бородачев А.С. Институт права собственности в России во второй половине XIX — первой четверти XX вв.: Историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Бородачев. М., 2006. 26 с.
2. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России / И.Ф. Гиндин ; под ред. акад. С.Г. Струмилина. М. : Госфиниздат, 1948. 454 с.
3. Гуансян Ч. Влияние нефтяной промышленности на развитие России во второй половине XIX — начале XX века // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 3. С. 527–564.
4. Манелис Б.Л. Проблемы суверенитета : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Б.Л. Манелис. М., 1966. 42 с.
5. Матаев Т.М. Государство как носитель экономического суверенитета / Т.М. Матаев // Вопросы экономики и права. 2013. № 60. С. 19–22.
6. Матвейчук А.А. Некоторые особенности промышленного переворота в нефтяной промышленности России во второй половине XIX в. / А.А. Матвейчук // Предвестие эры нефти: проблемы истории нефтяной промышленности России и США во второй половине XIX — начале XX вв. / под общ. ред. В.Ю. Алекперова. М. : Древлехранилище, 2003. 285 с.
7. Романов Б. Как Россия не села на нефтяную иглу при Николае II / Б. Романов. URL: <http://www.proza.ru/2011/09/19/1334> (дата обращения: 12.03.2017).
8. Тарасов Р.С. Стратегия развития металлургической промышленности России второй половины XIX века / Р.С. Тарасов // Фундаментальные исследования. 2012. № 11-5. С. 1085–1088.
9. Фурман А.Б. Государственная политика в нефтяной отрасли России (конец XIX — начало XX вв.) / А.Б. Фурман // Нефтегазовое дело. 2004. № 1. URL: http://ogbus.ru/files/ogbus/authors/Furman/Furman_1.pdf (дата обращения: 26.04.2017).
10. Шиша А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири / А. Шиша. Новониколаевск : Сибирское областное государственное издательство, 1922. 92 с.

References

1. Borodachev A.S. Institut prava sobstvennosti v Rossii vo vtoroy polovine XIX — pervoy chetverti XX vv.: Istoriko-pravovoe issledovanie : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The Property Right Institution in Russia in the Second Half of the XIX to the First Quarter of the XX Century: Historical and Legal Research : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / A.S. Borodachev. Moskva — Moscow, 2006. 26 s.
2. Gindin I.F. Russkie kommercheskie banki: Iz istorii finansovogo kapitala v Rossii [Russian Commercial Banks: From the History of Financial Capital in Russia] / I.F. Gindin ; pod red. akad. S.G. Strumilina. Moskva : Gosfinizdat — edited by Academician S.G. Strumilin. Moscow : State Publishing House of Financial Literature, 1948. 454 s.
3. Guanxiang H. Vliyanie neftyanoy promy'shennosti na razvitie Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka [The Influence of the Oil Industry on the Development of Russia in the Second Half of the XIX to the Early XX Century] // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2014. T. 15 — Historical and Economic Research. 2014. Vol. 15. № 3. S. 527–564.
4. Manelis B.L. Problemy' suvereniteta : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Issues of Sovereignty : author's abstract of thesis of ... Doctor of Law] / B.L. Manelis. Moskva — Moscow, 1966. 42 s.
5. Mataev T.M. Gosudarstvo kak nositel ekonomicheskogo suvereniteta [The State as the Economic Sovereignty Holder] / T.M. Mataev // Voprosy' ekonomiki i prava — Issues of Economy and Law. 2013. № 60. S. 19–22.
6. Matveychuk A.A. Nekotorye osobennosti promy'shennogo perevorota v neftyanoy promy'shennosti Rossii vo vtoroy polovine XIX v. [Some Peculiarities of the Industrial Revolution in the Russian Oil Industry in the Second Half of the XIX Century] / A.A. Matveychuk // Predvestie ery' nefti: problemy' istorii neftyanoy promy'shennosti Rossii i SSHA vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. / pod obsch. red. V.Yu. Alekperova. Moskva : Drevlekhranilische — Foreshadowing of the Oil Era: Issues of the History of the Oil Industry in Russia and the USA in the Second Half of the XIX to the Early XX Century / under the general editorship of V.Yu. Alekperov. Moscow : Archive of Antiquities, 2003. 285 s.
7. Romanov B. Kak Rossiya ne sela na neftyanuyu iglu pri Nikolae II [How Did Russia not Get Hooked on Oil Under the Reign Nicholas II] / B. Romanov. URL: <http://www.proza.ru/2011/09/19/1334> (data obrascheniya : 12.03.2017 — date of access : March 12, 2017).
8. Tarasov R.S. Strategiya razvitiya metallurgicheskoy promy'shennosti Rossii vtoroy poloviny' XIX veka [The Strategy of the Development of the Metallurgical Industry in Russia in the Second Half of the XIX Century] / R.S. Tarasov // Fundamentalny'e issledovaniya — Fundamental Research. 2012. № 11–5. S. 1085–1088.
9. Furman A.B. Gosudarstvennaya politika v neftyanoy otrasli Rossii (konets XIX — nachalo XX vv.) [The State Policy in the Russian Oil Sector (the Late XIX to the Early XX Century)] / A.B. Furman // Neftgazovoe delo — Oil and Gas Business. 2004. № 1. URL : http://ogbus.ru/files/ogbus/authors/Furman/Furman_1.pdf (data obrascheniya : 26.04.2017 — date of access : April 26, 2017).
10. Shisha A. Rol inostrannogo kapitala v ekonomicheskoy zhizni Sibiri [The Role of Foreign Capital in the Economic Life of Siberia] / A. Shisha. Novonikolaevsk : Sibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatelstvo — Novonikolaevsk : Siberian Regional State Publishing House, 1922. 92 s.

Экспертиза проектов нормативных правовых актов как средство повышения их эффективности

*Арнаутова Александра Александровна,
аспирант кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
alexandraarnaut111@gmail.com*

Сегодня экспертиза является средством, используемым для принятия объективного и научно обоснованного решения. В статье экспертиза рассмотрена в философском и правовом аспектах. Проекты нормативных правовых актов становятся объектами правовой, лингвистической, юридико-технической, общественной, антикоррупционной экспертиз. На основе анализа федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации установлено содержание указанных видов экспертиз проектов нормативных правовых актов. Каждая из проводимых экспертиз способствует совершенствованию положений нормативного правового акта. Ценность экспертизы проектов нормативных правовых актов заключается в предотвращении совершения право-творческих ошибок, возможности прогнозировать последствия принятия нормативного правового акта для различных сфер общественной жизни. На этапе создания нормативных правовых актов именно проведение экспертиз позволяет обеспечить эффективность нормативного правового акта.

Ключевые слова: правотворчество, нормативный правовой акт, экспертиза проектов нормативных правовых актов, механизм правового регулирования, правовое средство, эффективность нормативного правового акта.

An Examination of Bills as a Means of Raising Their Efficiency

*Arnautova Aleksandra A.
Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

Today, expertise is a tool used for making objective and science-based solutions. The article examined expertise in philosophical and legal aspects. Projects of normative legal acts become objects of legal, linguistic, legal-technical, public, anti-corruption expertise. Based on the analysis of federal legislation and the legislation of the constituent entities of the Russian Federation, the content of these types of expert examinations of draft normative legal acts is established. The value of the expertise of draft normative legal acts is to prevent the commission of law-making errors, the ability to predict the consequences of adopting a normative legal act for various spheres of public life. At the stage of creating normative legal acts, it is the expertise that makes it possible to ensure the effectiveness of a normative legal act.

Keywords: lawmaking, normative legal act, expertise of draft normative legal acts, mechanism of legal regulation, legal remedy, effectiveness of normative legal act.

Экспертизы находят применение в различных сферах (судопроизводство, разработка месторождений, управление промышленной безопасностью, трудовая деятельность, выдача патента на изобретение, торговля, архивное дело, правотворчество).

Рассматривая проблему экспертизы в философском аспекте, следует отметить, что ее нельзя отнести ни к формам, ни к методам теоретического или эмпирического уровня научного познания. В гносеологическом смысле она является формой использования научных знаний, получен-

ных с применением теоретических и эмпирических методов и форм познания, для принятия юридически значимых решений. А.В. Горина делает вывод, что экспертиза стала фундаментальным явлением нашего времени¹.

В наиболее общем виде экспертиза — это способ анализа причинно-следственных связей, причем по отношению не только к тому,

¹ Горина А.В. Философско-антропологическая экспертиза как социокультурная технология: дис. ... канд. филос. наук. С. 23.

что уже произошло, но и к тому, что ожидается, что должно или может произойти².

С.Ф. Денисов, описывая подфункции науки как социального института, выделяет экспертную подфункцию, реализующуюся в процессе использования квалификации и опыта ученых-профессионалов в роли экспертов и научных консультантов при подготовке и реализации различных социальных, экономических, культурных, политических проектов и принятии управленческих решений³.

Сегодня экспертиза является средством, используемым для принятия объективного и научно обоснованного решения.

Анализ правил проведения экспертных исследований позволяет сделать вывод о формировании общего подхода к экспертизе. Она характеризуется использованием научных знаний, процедурностью, использованием экспертных выводов при принятии юридически значимых решений.

Что касается механизма правового регулирования, то экспертные исследования проводятся на этапе формирования нормативной основы, реализации субъективных прав и обязанностей, применения мер юридической ответственности.

На этапе формирования нормативной базы главная задача законодателя — принятие качественного нормативного правового акта, способного обеспечить достижение поставленных целей. Только нормативный правовой акт, фактический результат действия которого соответствует целям его принятия, можно считать эффективным⁴. Именно такая позиция, согласно которой эффективность правовых норм представляет собой соотношение между фактическим результатом их действия и теми целями, для достижения ко-

торых эти нормы были приняты, представляется более точной.

Обеспечить эффективность нормативного правового акта позволяет проведение экспертиз его проекта.

Однако на уровне федерального законодательства не нашло закрепления общее понятие экспертизы проектов нормативных правовых актов.

Законодательство субъектов Российской Федерации создает более полную картину проведения экспертных исследований.

Так, согласно ч. 1 ст. 12 Закона г. Москвы от 8 июля 2009 г. № 25 «О правовых актах города Москвы» экспертиза проектов правовых актов представляет собой исследование, проводимое лицами, обладающими специальными познаниями, в целях оценки качества проектов правовых актов и определения возможных последствий их принятия (издания) и реализации. Такое же определение экспертизы проектов правовых актов закреплено в Законе г. Севастополя от 29 сентября 2015 г. № 185-ЗС «О правовых актах города Севастополя».

Интересно определена экспертиза в законе Алтайского края от 9 ноября 2006 г. № 122-ЗС «О правотворческой деятельности»: экспертиза в правотворческой деятельности — правовое и (или) специализированное исследование проектов нормативных правовых актов Алтайского края (нормативных правовых актов Алтайского края), проводимое с целью оценки их качества и выявления возможных последствий их принятия (издания) и действия.

Таким образом, предметом экспертного исследования в процессе правотворчества являются: 1) определение качества проекта нормативного правового акта с целью устранения имеющихся ошибок; 2) прогнозирование последствий принятия нормативного правового акта в представленной редакции с целью выбора оптимального варианта для достижения цели принятия нормативного правового акта.

Экспертиза проектов нормативных правовых актов, как любое средство, применяется для верного достижения конкретного результата, обеспечивает достижение поставленной цели. Оценка понятия правового средства, сформулированного К.В. Шундиковым (юридические (правовые) средства представляют собой взятую в единстве совокупность право-

² Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза. М.: Изд-во «Смысл», 2008. URL: http://velib.com/read_book/ivanchenko_galinavladimirovna-leontev_dmitriij-leontev_dmitriij_alekseevich/kompleksnaja_gumanitarnaja_ehkspertiza/vvedenie_kompleksnaja_gumanitarnaja_ehkspertiza_kak_forma_socialnoj_praktiki/ (дата обращения: 05.08.2018).

³ Денисов С.Ф. История и философия науки: учеб. пособие. Ч. 1: Наука и ее институциональная специфика. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. С. 139.

⁴ Кудрявцев В.П., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М.: Юрид. лит., 1980. С. 22.

вых установлений (инструментов) и форм правореализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей)⁵, позволяет с уверенностью причислить экспертизу проектов нормативных правовых актов к числу таких средств. Придерживаясь классификации правовых средств, разработанной ученым, экспертизу проектов нормативных правовых актов следует отнести к средствам-способам, так как она выражается в определенной форме человеческой деятельности, характеризуется применением специальных методов⁶.

Экспертизы проектов нормативных правовых актов всегда проводятся уполномоченными лицами в установленные сроки. Результаты экспертиз находят отражение в заключениях, а также в тексте самого проекта нормативного правового акта. Например, результаты лингвистической экспертизы обычно не оформляются в виде заключения, а редакционные правки вносятся в текст проекта. При проведении юридико-технической экспертизы используется такой же подход.

Проведение экспертиз проектов нормативных правовых актов существенно повышает их качество, что в свою очередь повышает эффективность.

Проекты нормативных правовых актов становятся объектами правовой, лингвистической, юридико-технической, общественной, антикоррупционной экспертиз, каждая из которых направлена на усовершенствование проекта, выявление различного рода ошибок.

Сущность лингвистической экспертизы закреплена ч. 7 ст. 121 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, устанавливающей, что «лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов»⁷.

Кроме того, в ходе проведения лингвистической экспертизы обеспечивается простота и полнота изложения положений нормативных правовых актов.

В соответствии с ч. 3 ст. 112 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Правовое управление Аппарата Государственной Думы на основании результатов правовой экспертизы законопроекта готовит заключение, в котором должны быть даны ответы на следующие вопросы: соответствует ли законопроект Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, основным отраслевым законодательным актам; не нарушена ли внутренняя логика законопроекта, нет ли противоречий между разделами, главами, статьями, частями и пунктами законопроекта; полностью ли приведен перечень актов федерального законодательства, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием данного законопроекта.

Определения правовой экспертизы, представленные в законодательстве субъектов, отражают сущность правовой экспертизы в соответствии со ст. 112 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации⁸.

Научная литература демонстрирует более емкие определения правовой экспертизы. Р.К. Надеев пишет, что в общем виде

Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=646200&from=212433-0&rnd=208987.9523649683916436&> (дата обращения: 26.07.2018).

⁸ Закон города Севастополя от 29 сентября 2015 г. № 185-ЗС «О правовых актах города Севастополя» (принят Законодательным Собранием г. Севастополя 22 сентября 2015 г.) // Официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя. URL: <http://sevzakon.ru> (по сост. на 29.09.2015); Закон Забайкальского края от 18 сентября 2009 г. № 321-ЗЗК «О нормативных правовых актах Забайкальского края» (принят Законодательным Собранием Забайкальского края 16 декабря 2009 г.) (ред. от 12.10.2016) // Забайкальский рабочий. 2009. № 239–242. URL: consultantplus://offline/ref=FB8E0C4CC90D9FB9FB7CD97A190E896C2E9153B3962D6CB6663876C43377C9FF440177D75350F25408E9A3BADDC29892C18X6pFN (дата обращения: 12.07.2018).

⁵ Шундииков К.В. Цели и средства в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 23.

⁶ См.: Там же. С. 63.

⁷ Постановление ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (ред. от 26.02.2016) «О Регламенте

правовая экспертиза законопроектов представляет собой специальное исследование, проводимое для оценки соответствия законопроекта Конституции, его совместимости с действующим законодательством и международными договорами Российской Федерации и установления качества законопроекта с точки зрения примененных правил юридической техники⁹.

Федеральное законодательство не дает определения юридико-технической экспертизы, не поясняет задачи ее проведения.

В соответствии с законом г. Севастополя от 29 сентября 2015 г. № 185-ЗС «О правовых актах города Севастополя» юридико-техническая экспертиза проектов правовых актов представляет собой исследование, направленное на определение качества проектов правовых актов и их соответствия юридико-техническим требованиям. Фактически проведение юридико-технической экспертизы позволяет верно структурировать нормативный правовой акт, сделать его текст логически целостным, соблюсти требования к форме нормативного правового акта определенного вида.

В ходе антикоррупционной экспертизы выявляются коррупциогенные факторы, положения, способствующие созданию условий для проявления коррупции, являющейся причиной медленного развития государства, подрывающей авторитет государственной власти, приводящей к правовому нигилизму. Наличие коррупциогенных факторов в тексте нормативного правового акта способно превратить его в абсолютно неэффективный.

⁹ Надеев Р.К. Правовая экспертиза законопроектов в Государственной Думе. М. : Издание Государственной Думы, 2002. С. 14.

Проводится также общественная экспертиза, предметом которой является оценка соответствия проектов требованиям законодательства, проверка соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций¹⁰.

Перечень видов экспертиз не является исчерпывающим, законодательство позволяет проводить экспертизы и иных видов. И каждая из проведенных экспертиз будет способствовать совершенствованию положений нормативного правового акта, сделает его более эффективным.

Безусловно, не только качество нормативного правового акта является фактором, влияющим на его эффективность, но и экспертиза проекта нормативного правового акта не единственное средство ее повышения. На эффективность также влияют условия правоприменения.

Ценность экспертизы проектов нормативных правовых актов заключается в предотвращении совершения правотворческих ошибок, возможности прогнозировать последствия принятия нормативного правового акта для различных сфер общественной жизни. На этапе создания нормативных правовых актов именно проведение экспертиз позволяет обеспечить эффективность нормативного правового акта.

¹⁰ Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 2014. № 30. Ст. 4213. URL: consultantplus://offline/ref=1CF1E441E8E4BBE68C06E4C00869C5E62B7C0C851CB5B3DFEFB6C9B608BB2553D2B85CA910CE061009m4N (дата обращения: 05.08.2018).

Литература

1. Горина А.В. Философско-антропологическая экспертиза как социокультурная технология : дис. ... канд. филос. наук / А.В. Горина. Омск, 2012. 137 с.
2. Денисов С.Ф. История и философия науки : учебное пособие. Ч. 1: Наука и ее институциональная специфика / С.Ф. Денисов. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. 292 с.
3. Кудрявцев В.П. Эффективность правовых норм / В.П. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. М. : Юридическая литература, 1980. 280 с.
4. Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза / Д.А. Леонтьев, Г.В. Иванченко. М. : Смысл, 2008. 140 с.
5. Надеев Р.К. Правовая экспертиза законопроектов в Государственной Думе / Р.К. Надеев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005. 78 с.
6. Шундилов К.В. Цели и средства в праве : дис. ... канд. юрид. наук / К.В. Шундилов. Саратов, 1999. 182 с.

References

1. Gorina A.V. Filosofsko-antropologicheskaya ekspertiza kak sotsiokulturnaya tekhnologiya : dis. ... kand. filos. nauk [A Philosophical and Anthropological Examination as a Sociocultural Technology : thesis of ... Candidate of Philosophical Sciences] / A.V. Gorina. Omsk — Omsk, 2012. 137 s.
 2. Denisov S.F. Istoriya i filosofiya nauki : uchebnoe posobie. Ch. 1 : Nauka i ee institutsionalnaya spetsifika [The History and Philosophy of Science : textbook. Part 1 : Science and Its Institutional Specifics] / S.F. Denisov. Omsk : Izd-vo OmGPU — Omsk : publishing house of the OSPU, 2007. 292 s.
 3. Kudryavtsev V.P. Effektivnost pravovykh norm [Efficiency of Legal Provisions] / V.P. Kudryavtsev, V.I. Nikitinsky, I.S. Samoschenko, V.V. Glazyrin. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1980. 280 s.
 4. Leontyev D.A., Ivanchenko G.V. Kompleksnaya gumanitarnaya ekspertiza [A Comprehensive Humanitarian Examination] / D.A. Leontyev, G.V. Ivanchenko. Moskva : Smy'sl — Moscow : Meaning, 2008. 140 s.
 5. Nadeev R.K. Pravovaya ekspertiza zakonoproektov v Gosudarstvennoy Dume [A Legal Examination of Bills in the State Duma] / R.K. Nadeev. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta — Moscow : publishing house of the Moscow University, 2005. 78 s.
 6. Shundikov K.V. Tseli i sredstva v prave : dis. ... kand. jurid. nauk [Purposes and Means in Law : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / K.V. Shundikov. Saratov — Saratov, 1999. 182 s.
-

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-11-70-75

Советская образовательная система: исследование нормативных актов 1970–1990-х гг.

*Арсеньева Галина Витальевна,
доцент кафедры теории государства и права
Астраханского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
galina.arsenjeva@yandex.ru*

*Храмова Ирина Сергеевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Астраханского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
his-ast@mail.ru*

*Шафигулина Светлана Равильевна,
заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин
Астраханского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
sv-shafigulina@yandex.ru*

Статья посвящена ретроспективному исследованию развития законодательных основ функционирования образовательной системы Советского государства как наиболее преемственного для современной образовательной действительности. Эмпирическую базу исследования составили законодательные акты СССР 1970–1990-х годов. Представлена характеристика всех уровней образования рассматриваемого периода.

Ключевые слова: образование, образовательные гарантии Советского государства, дошкольное образование, школьное образование, высшее образование, профессиональное образование рабочих.

The Soviet Educational System: Research of Statutory Acts of the 1970s to the 1990s

Arsenyeva Galina V.

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Astrakhan State University

Candidate of Legal Sciences

Associate Professor

Khramova Irina S.

Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Astrakhan State University

Candidate of Legal Sciences

Associate Professor

Shafigulina Svetlana R.

Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Astrakhan State University

Candidate of Legal Sciences

Associate Professor

The article is devoted to a retrospective study of the development of the legislative foundations of the functioning of the educational system of the Soviet state, as the most continuous for the modern educational reality. The empirical basis for the study was the legislative acts of the USSR in the 1970s–1990s. The characteristic of all levels of education of the considered period is presented.

Keywords: *education, educational guarantees of the Soviet state, pre-school education, school education, higher education, professional education of workers.*

Приоритетным направлением развития юридической науки выступает исследование ретроспективы российского законодательства об образовании.

Кризис социокультурных и нравственных ценностей обусловил повышенное внимание к вопросам просвещения, образования. Актуальной и своевременной является возможность использования успешно функционирующей системы образования советского периода, положительные моменты которой исследуются в трудах современных ученых¹. Так, к примеру, Е.О. Панфилова и В.Е. Степенко акцентируют внимание на необходимости восприятия некоторых нормативных положений советской образовательной системы современными с целью повышения качества образования на различных его этапах².

Советская образовательная система развивалась постепенно. В юридической литературе представлена периодизация, состоящая из семи этапов, в основу которой был положен критерий правовой регламентации развития общего образования как важного фактора развития всей образовательной системы³. Именно это основание для периодизации можно считать наиболее успешным с точки зрения возможности использования ее положений в научных трудах и практике правоприменения. Таким образом, к первому этапу необходимо отнести период 1917–1930 гг. (ликвидация проблемы неграмотности детского и взрослого населения); ко второму — 1930–1941 гг. (регламентация обязательного начального образования); к третьему — 1941–1945 гг. (образование военного времени); к четвертому — 1945–1958 гг. (введение обязательного семилетнего образования); к пятому — 1958–1972 гг. (профессионализация общеобразовательной школы и внедрение обязательного восьмилетнего образования); к шестому — 1972–1984 гг.

¹ См.: Ящук Т.Ф. Правовое регулирование в сфере высшего образования в России (историко-правовой аспект) // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 4. С. 14–27; Шебанов А.Ф. Учебные планы и содержание учебного процесса в юридических вузах СССР // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2018. № 1. С. 5–20.

² Панфилова Е.О., Степенко В.Е. О преимуществах правового регулирования высшего образования в СССР и возвращении отдельных элементов советской высшей школы // Актуальные вопросы современной науки: сб.

статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции: в 4-х ч. Уфа, 2017. С. 92–97.

³ Кожевина М.А. К вопросу о периодизации истории советского образовательного права // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 10–19.

(введение обязательного среднего образования); к последнему, седьмому этапу относится период 1984–1991 гг. (утверждение альтернативного образования, расширение спектра образовательных услуг).

Исследование функционирования двух последних периодов, как наиболее близких по набору проблематики и способу ее разрешения к современности, позволит выявить положительные факторы правового регулирования образовательной системы для внедрения их в современную систему в целом и отдельные нормативные акты в частности.

Так, завершающим итогом развития законодательства об образовании советского периода стали Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании 1973 г.⁴ (последняя редакция относится к 1990 г.). Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании вступили в действие с 1 января 1974 г.⁵ Законодательный акт отличался излишней идеологизированностью, однако достаточно подробно регламентировал сферу образования. В соответствии со ст. 1 основными задачами законодательства об образовании являлись:

- полное удовлетворение потребностей социалистического общества, а также запросов советских людей в области образования и воспитания детей и молодежи;
- формирование гармонично и всесторонне развитой личности;
- подготовка квалифицированных рабочих кадров и специалистов для всех отраслей народного хозяйства.

Статья 3 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании 1973 г. провозгласила право советских граждан на образование, которое обеспечивалось в первую очередь бесплатностью всех видов образовательной деятельности, а также всеобщностью среднего образования, широким развитием среднего, специального, профессионально-технического образования, высшего образования.

⁴ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании от 19 июля 1973 г. // Ведомости ВС СССР. 1973. № 30. Ст. 392.

⁵ Закон СССР от 19 июля 1973 г. № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» // Ведомости ВС СССР. 1973. № 30. Ст. 392.

Для полноты реализации права граждан на образование предусматривалось заочное и вечернее образование. Кроме того, государство гарантировало:

- предоставление бесплатных учебников;
- предоставление льгот и государственных стипендий студентам и учащимся;
- создание условий для самообразования граждан;
- возможность получения образования на родном языке;
- возможность бесплатного профессионального обучения;
- возможность повышения квалификации рабочих и специалистов;
- возможность бесплатной переподготовки кадров.

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании 1973 г. закрепили следующую систему образования (ст. 5):

- дошкольное воспитание;
- общее среднее образование;
- профессионально-техническое образование;
- среднее специальное образование;
- высшее образование;
- внешкольное воспитание (должно было осуществляться совместно с внешкольными учреждениями, в частности, государственными предприятиями, организациями и учреждениями, а также колхозами, другими профсоюзными, кооперативными, комсомольскими организациями, средствами массовой информации, творческими союзами).

Основными принципами образования, согласно Основам законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании 1973 г., выступали (ст. 4):

- равенство всех советских граждан при получении образования, при этом не должны иметь значения происхождение, имущественное и социальное положение, национальная и расовая принадлежность, язык, пол, отношение к религии, характер и род занятий, место проживания, а также другие обстоятельства;
- всеобщность среднего образования молодежи;
- профессиональное образование молодежи;
- общественный и государственный характер всех видов учебных, а также воспитательных учреждений;

— бесплатность всех предусмотренных законодательством видов образования, при этом содержание части детей-дошкольников, а также учащихся на полном государственном обеспечении, оказание государством различных видов материальной помощи, предоставление льгот и стипендий;

— свобода выбора языка для обучения (обучение могло осуществляться как на родном языке, так и на языке другого советского народа);

— единство советской системы образования, а также преемственность образования, которая обеспечивает возможность перехода учащихся от низших ступеней обучения к высшим ступеням обучения;

— единство обучения в образовательных учреждениях и коммунистического воспитания, а также сотрудничество образовательных учреждений с семьей, общественными организациями, трудовыми коллективами;

— взаимосвязь воспитания и обучения детей и молодежи с жизнью, практикой государственного строительства, общественно полезным и производительным трудом;

— научный характер образования, постоянное совершенствование образования с учетом новейших достижений культуры, техники, науки;

— исключение влияния на образование религии, светский характер воспитания и образования;

— высоконравственный и гуманистический характер воспитания и образования;

— совместное воспитание и обучение лиц мужского и женского пола.

В последние десятилетия развития Советского государства и права законодательство об образовании продолжало развиваться. Принимались различные акты, направленные на регулирование отдельных вопросов:

— дошкольного воспитания (например, методические указания Минздрава СССР «Организация режима дня в малокомплектных дошкольных учреждениях» (утв. заместителем Главного государственного санитарного врача СССР 12 августа 1987 г. № 4419-87)⁶;

⁶ Методические указания Минздрава СССР «Организация режима дня в малокомплектных дошкольных учреждениях» (утв. заместителем Главного государственного санитарного врача СССР 12 августа 1987 г.

— школьного образования (например: постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 10 ноября 1966 г. № 874 «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы»⁷; постановление ВС РСФСР от 12 апреля 1984 г. № 13-ХІ «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы»⁸; постановление Совета Министров РСФСР от 27 апреля 1884 г. № 153 «О задачах министерств и ведомств РСФСР, советов министров автономных республик, исполкомов местных советов народных депутатов по реализации Постановления апрельского (1984 г.) пленума ЦК КПСС и Постановления Верховного Совета СССР «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы»⁹);

— высшего образования (например: постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 23 октября 1986 г. № 1300 «О совершенствовании практики подготовки и переподготовки кадров для освоения новой техники и технологии в отраслях народного хозяйства»¹⁰; постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 13 марта 1987 г. № 325 «О мерах по коренному улучшению качества подготовки и исполь-

№ 4419-87) (документ не опубликован). URL: <http://www.consultant.ru>

⁷ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 10 ноября 1966 г. № 874 «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» // СП СССР. 1966. № 23. Ст. 205.

⁸ Постановление ВС РСФСР от 12 апреля 1984 г. № 13-ХІ «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 16. Ст. 237.

⁹ Постановление Совета Министров РСФСР от 27 апреля 1984 г. № 153 «О задачах министерств и ведомств РСФСР, советов министров автономных республик, исполкомов местных советов народных депутатов по реализации Постановления апрельского (1984 г.) пленума ЦК КПСС и Постановления Верховного Совета СССР «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» // СП РСФСР. 1984. № 9. Ст. 81.

¹⁰ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 23 октября 1986 г. № 1300 «О совершенствовании практики подготовки и переподготовки кадров для освоения новой техники и технологии в отраслях народного хозяйства» // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 422-1.

зования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве»¹¹);

— подготовки кадров для определенной сферы (например, приказ Минздрава СССР от 20 января 1982 г. № 44 «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки врачебных кадров в интернатуре» (вместе с Положением об одногодичной специализации (интернатуре) выпускников лечебных, педиатрических и стоматологических факультетов медицинских институтов и медицинских факультетов университетов»)¹²;

— оплаты труда преподавательских кадров (например, приказ Гособразования СССР от 20 августа 1990 г. № 579 «Об утверждении Положения установления доплат за неблагоприятные условия труда и Перечня работ, на которых устанавливаются доплаты за неблагоприятные условия труда работникам организаций и учреждений системы Гособразования СССР»)¹³.

В период развития Советского государства и права много внимания уделялось профессиональному образованию рабочих. В соответствии с Типовым положением о профессиональном обучении рабочих на производстве от 4 марта 1980 г.¹⁴ формами подготовки рабочих выступали:

- курсовая форма;
- групповая форма;
- индивидуальная форма.

Целями профессионального обучения рабочих без отрыва от производства являлись:

- повышение квалификации рабочих на производственно-технических курсах;
- обучение рабочих вторым специальностям;
- переподготовка рабочих.

Обучение рабочих на производстве завершалось квалификационным экзаменом. Проведение подобных экзаменов регламентировалось Типовой инструкцией об организации проведения квалификационных экзаменов при профессиональном обучении рабочих на производстве от 24 сентября 1984 г.¹⁵. В соответствии с рассматриваемым документом квалификационный экзамен должен был проводиться для определения уровня соответствия полученных рабочими знаний, навыков, умений программе профессионального обучения, а также требованиям квалификационных характеристик и установления класса, разряда или категории по соответствующей профессии. К экзамену допускались лица, прошедшие полный курс производственного и теоретического обучения. Для подготовки и проведения квалификационных экзаменов для рабочих в учебно-курсовых комбинатах и пунктах, а также в объединениях, на предприятиях, в организациях создавались соответствующие профессии, квалификационные комиссии. Союзный бюджет и бюджеты республик предусматривали специальные статьи расходов на обучение рабочих¹⁶.

¹¹ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 13 марта 1987 г. № 325 «О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве» // СП СССР. 1987. № 23. Ст. 82.

¹² Приказ Минздрава СССР от 20 января 1982 г. № 44 «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки врачебных кадров в интернатуре» (вместе с Положением об одногодичной специализации (интернатуре) выпускников лечебных, педиатрических и стоматологических факультетов медицинских институтов и медицинских факультетов университетов» (документ не опубликован). URL: <http://www.consultant.ru>

¹³ Приказ Гособразования СССР от 20 августа 1990 г. № 579 «Об утверждении Положения установления доплат за неблагоприятные условия труда и Перечня работ, на которых устанавливаются доплаты за неблагоприятные условия труда работникам организаций и учреждений системы Гособразования СССР» // Образование в документах. 1990. № 27.

¹⁴ Постановление Государственного комитета по труду и социальным вопросам, Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию от 4 марта

1980 г. «Об утверждении типового положения о профессиональном обучении рабочих на производстве» // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1980. № 9.

¹⁵ Постановление Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию от 24 сентября 1980 г. «Об утверждении типовой инструкции об организации проведения квалификационных экзаменов при профессиональном обучении рабочих на производстве» // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1982. № 2.

¹⁶ Письмо Министерства финансов от 28 мая 1980 г. № 97 «О порядке планирования средств, выделяемых на подготовку и повышение квалификации рабочих и других кадров на производстве, и источниках финанси-

Подводя итоги исследованию правовых основ советской образовательной системы 1970–1990-х гг., необходимо констатировать следующее.

Во-первых, образовательная система исследуемого периода была направлена не только на получение соответствующих знаний, но и прежде всего на воспитание гармонично развитой личности обучаемого, формирование таких профессиональных навыков, которые необходимы для удовлетворения социально-экономических интересов общества, самого обучаемого.

Во-вторых, государство гарантировало всеобщность и доступность бесплатного

образования на всех его этапах, материальную обеспеченность всего образовательного процесса.

В-третьих, эффективно работала программа по трудоустройству молодых специалистов, реализовывалась программа по переподготовке, повышению квалификации, получению второй специальности работающим населением.

Таким образом, преимуществом единой системы стандартов образования, перечисленных в работе положительных моментов ее функционирования и перенос с учетом поправок на современные потребности общества позволят качественно улучшить результаты функционирования системы образования в современной России.

рования расходов на эти цели» (документ не опубликован). URL: <http://www.consultant.ru>

Литература

1. Кожевина М.А. К вопросу о периодизации истории советского образовательного права / М.А. Кожевина // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 10–19.
2. Панфилова Е.О. О преимуществах правового регулирования высшего образования в СССР и возвращении отдельных элементов советской высшей школы / Е.О. Панфилова, В.Е. Степенко // Актуальные вопросы современной науки : материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Томск, 16 декабря 2017 г.) : сборник научных статей : в 4-х ч. Ч. 2. Уфа : Дендра, 2017. С. 92–97.
3. Шебанов А.Ф. Учебные планы и содержание учебного процесса в юридических вузах СССР / А.Ф. Шебанов // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2018. № 1. С. 5–20.
4. Ящук Т.Ф. Правовое регулирование в сфере высшего образования в России (историко-правовой аспект) / Т.Ф. Ящук // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 4. С. 14–27.

References

1. Kozhevina M.A. K voprosu o periodizatsii istorii sovetskogo obrazovatel'nogo prava [On Periodization of the History of the Soviet Education Law] / M.A. Kozhevina // Genesis: istoricheskie issledovaniya — Genesis: Historical Research. 2017. № 7. S. 10–19.
2. Panfilova E.O. O preimuschestvakh pravovogo regulirovaniya vy'sshego obrazovaniya v SSSR i vozvraschenii otdelny'kh elementov sovetskoy vy'shey shkoly' [On Advantages of the Legal Regulation of Higher Education in the USSR and Return of Separate Elements of the Soviet Higher School] / E.O. Panfilova, V.E. Stepenko // Aktualny'e voprosy' sovremennoy nauki : materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Tomsk, 16 dekabrya 2017 g.) : sbornik nauchny'kh statey : v 4-kh ch. Ch. 2. Ufa : Dendra — Relevant Issues of Modern Science : files of the VIII International Scientific and Practical Conference (Tomsk, December 16, 2017) : collection of scientific articles : in 4 parts. Part 2. Ufa : Dendra, 2017. S. 92–97.
3. Shebanov A.F. Uchebny'e plany' i sodержanie uchebnogo protsessa v yuridicheskikh vuzakh SSSR [The Curriculum and Content of the Learning Process in Legal Higher Educational Institutions of the USSR] / A.F. Shebanov // Istoriko-pravovy'e problemy: Novy'y rakurs — Historical and Legal Issues: New Perspective. 2018. № 1. S. 5–20.
4. Yaschuk T.F. Pravovoe regulirovanie v sfere vy'sshego obrazovaniya v Rossii (istoriko-pravovoy aspekt) [The Legal Regulation in Higher Education in Russia (a Historical and Legal Aspect)] / T.F. Yaschuk // Pravoprimerenie. 2017. T. 1 — Law Enforcement. 2017. Vol. 1. № 4. S. 14–27.

Жизнь, отданная борьбе за право: Муромцевские чтения — 2009–2018

*Аронов Дмитрий Владимирович,
заведующий кафедрой истории правовых учений
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (ОГУ),
председатель Оргкомитета конференции,
доктор исторических наук*

В статье анализируется история проведения в городе Орле на базе опорного университета — Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева ежегодной научной конференции «Муромцевские чтения». Эта международная научная конференция посвящена различным аспектам истории российского либерализма. В 2018 году проведены Десятые Муромцевские чтения, посвященные итогам изучения истории либерализма в России, вкладу российской правовой либеральной мысли в развитие российского парламентаризма и конституционализма.

Ключевые слова: Сергей Муромцев, российский либерализм, политическая и правовая мысль российского либерализма, либеральное законотворчество начала XX века.

A Life Devoted to the Struggle for Law: The Muromtsev Readings — 2009 to 2018

*Aronov Dmitry V.
Head of the Department of History of Legal Doctrines
of the Orel State University named after I.S. Turgenev
Chairman of the Organizational Committee of the Conference
Doctor of History*

The article analyzes the history of holding of the annual scientific conference the Muromtsev Readings in Orel, in the flagship university Orel State University named after I.S. Turgenev. This international scientific conference is dedicated to various aspects of the history of Russian liberalism. The tenth Muromtsev Readings have been held in 2018 and dedicated to the results of research of the history of Russian liberalism, the contribution of the Russian legal liberal thought in the development of Russian parliamentarism and constitutionalism.

Keywords: Sergey Muromtsev, Russian liberalism, political and legal thought of Russian liberalism, liberal law making of the early XX century.

Память о выдающихся деятелях науки, сколь бы банально это ни звучало, конечно же, живет прежде всего в их трудах, учениках, а если речь идет о тех, чье время жизни от нас отделяют уже века, то в созданных ими научных направлениях, отраслях научного познания и проч. Однако при всей банальности этого тезиса позволим себе небольшое рассуждение, суть которого сводится к тому, что вышесказанное отнюдь не отрицает, скажем больше, подразумевает возвращение к именам тех, кто вписал себя в историю отечественной науки. Если же при этом подобное обращение не является формальным, не выглядит ярлыком, приделанным по случаю к какой-то юбилейной дате или попытке подтянуть какую-либо знаковую фигуру к официальному мероприятию, то, как нам представляется, подобные мероприятия имеют полное право на существование.

К подобным опытам можно отнести и практику организации Муромцевских чтений, которые впервые состоялись на базе юридического факультета ОрелГТУ уже десять лет назад, в 2009 г. Почему Муромцев и почему Орел? Оба этих вопроса вполне естественны, так как звездные часы выдающегося российского юриста — Сергея Андреевича Муромцева связаны либо с Москвой, где он окончил юрфак МГУ, состоялся как либеральный общественный деятель, либо с Санкт-Петербургом, не только с городом, где он родился, но и прежде всего местом, где Муромцев в 1906 г. встал во главе первого российского парламента — Государственной Думы.

Тем не менее именно в Орле в столетнюю годовщину безвременной кончины и в год 160-летия со дня рождения С.А. Муромцева был открыт первый и единственный (если не

считать надгробного памятника на кладбище Донского монастыря) в России памятник великому российскому юристу и политику. Это стало результатом многолетней совместной работы научного сообщества Орловщины и региональной власти, итогом которой стала научная биография С.А. Муромцева, показавшая, что начиная с детских лет его жизнь, становление как ученого, общественно активного человека были связаны именно с Орловской землей. Сюда он постоянно возвращался на протяжении всей жизни; с родовым именем связаны ее многие знаковые страницы. Результаты научных изысканий стали основой для принятия решения об увековечении его памяти именно на Орловской земле. Символично еще и то, что это решение стало в своем роде продолжением постановлений, принятых Орловской городской думой еще в 1910 г. Думается, что и ежегодные Муромцевские чтения — это тоже дань памяти выдающемуся российскому юристу и политику.

Еще одной специфической чертой Муромцевских чтений стало то обстоятельство, что в современной историко-правовой и исторической науке идет, как нам представляется, достаточно схоластический спор о разнице в предметах исследования. С упорством, достойным лучшего применения, предпринимаются шаги, причем не в рамках научного дискурса, что имело бы несомненную пользу, а в рамках, как правило, уточнения требований к квалификационным работам, когда одни пытаются изгнать из названий диссертационных исследований слово «право» в сочетании с историей чего бы то ни было, иные категорически восстают против попыток увязать эволюцию нормативно-правовых актов, элементов системы органов государственного управления и т.п. с общеисторическими процессами развития общества. Впрочем, это общая болезнь современной (по крайней мере гуманитарной) науки в ее нынешнем российском варианте, когда формализация требований к конкретизации сферы исследования полностью игнорирует междисциплинарный и синергетический аспекты научного познания. Аналогичные процессы идут и на стыке истории с политологией, где возникают умиляющие своей абсурдностью идеи об изгнании из исторической науки, по крайней мере терминологически, истории политических партий и т.п. В этом отношении Муромцевские чтения изначально стояли на позициях полной науч-

ной открытости всем научным направлениям и подходам, не пытаясь делить исследователей на «своих» и «чужих», агнцев и козлиц.

Следуя теории и практике методологии социологического позитивизма, отцом которого в России вполне заслуженно является «русский Иеринг» Сергей Андреевич Муромцев, организаторы и идейные вдохновители чтений всегда исходили из того, что за каждым регулятивным явлением стоит живое, существующее в рамках конкретного социума, общественное отношение. А задача науки как раз и состоит в том, чтобы показать ту реальную взаимосвязь между этими явлениями, которая существует в самых разнообразных вариациях.

Чтения начинались с 2009 г. как сравнительно скромное мероприятие, тяготившее, скорее, к региональному масштабу. Однако уже с 2010 г. Муромцевские чтения доказали, что изучение либерального наследия начала XX в. имеет богатейший потенциал и привлекает известных специалистов в этой области науки. В работе Муромцевских чтений принимают постоянное участие А.А. Кара-Мурза, В.К. Кантор, А.Н. Медушевский, В.В. Журавлев и мн. др. А вдохновителем идеи проведения чтений и их непререкаемым участником изначально выступил Валентин Валентинович Шелохаев, с чьего доброго напутствия и было положено начало этой доброй традиции.

В 2010 году чтения были посвящены 160-летию Сергея Андреевича Муромцева и столетию его безвременной кончины и были приурочены к открытию в центре г. Орла бюста С.А. Муромцева, ставшего своеобразным исполнением решения, принятого Орловской городской думой еще в 1910 г. Тематика чтений тяготела по преимуществу к изучению многообразного наследия С.А. Муромцева в политике, праве, конституционном законотворчестве. В 2011 году чтения были посвящены двойному юбилею двух замечательных общественных деятелей России начала XX в., орловчан, политиков, литераторов — Бориса Константиновича Зайцева и Михаила Александровича Стаховича. Чтения, проходившие при финансовой, организационной и информационной поддержке Фонда Фридриха Наумана (Германия), привлекли большое внимание представителей литературоведения, имеющего богатые традиции в орловском академическом и краеведческом сообществе.

В 2012 году отмечалось несколько юбилейных дат, которые были связаны с людьми, чье

научное, общественно-политическое наследие во многом предопределило особенности интеллектуальной истории нашей страны, убедительно доказав, что России отнюдь не чужд либерализм и как политическое течение, и как особый способ восприятия и преобразования окружающего мира. IV Муромцевские чтения были связаны со 150-летием со дня рождения Александра Александровича Корнилова; 145-летием со дня рождения Льва Иосифовича Петражицкого и 100-летием со дня кончины Габриэля Феликсовича Шершеневича.

Чтения, тематика которых определилась фразой «Время выбрало нас: путь интеллектуала в политику», а своеобразным девизом которых стали слова Шарля Монталамбера: «Вы можете не заниматься политикой. Все равно политика занимается вами», стали площадкой для научной дискуссии по таким проблемам, как: государство и право в либеральной мысли России; философия и либерализм в России; российский либерализм в партиях и лицах; теория и программатика российского либерализма.

В 2013 году V Муромцевские чтения прошли в год двадцатилетия принятия современной Конституции России, что предопределило выбор соответствующей тематики, предполагающей участие специалистов в области истории отечественного государства и права, конституционного права, представителей как академической науки, так и практики государственного строительства. Соответственно, юбилейным датам 2013 г. общая тематика чтений была определена как «Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции». В ходе их работы обсуждались такие проблемы, как: государство и право в либеральной мысли России; либеральная концепция гражданского общества; Конституция 1993 г. и отечественная либеральная традиция; теория и программатика российского либерализма; либеральные проекты основного закона России — прошлое, настоящее, будущее; и др.

В 2014 году была избрана тематика чтений, призванная, в частности, продемонстрировать, что и в такой, казалось бы, хорошо исследованной проблематике, к каковой относится история российского либерализма, вплоть до настоящего времени есть сюжеты, которые еще не стали предметом специального исследовательского интереса. Действительно, в нашем современном восприятии либерализм

не сочетается с такими понятиями, как империя и монархизм. Однако чтения, проведенные по тематике «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии», показали всю сложность взаимодействия как этих понятий, так и понимаемых под ними сущностей как в теоретической модели преобразования российского общества, предлагаемой либералами, так и в их политико-правовой практике начала XX в.

Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма стали предметом обсуждения Муромцевских чтений 2015 г.

Одним из вечных и, наверное, неразрешимых в силу своей природы вопросов выступает соотношение права и морали (в трактовке С.А. Муромцева — права и справедливости). Не претендуя на окончательный ответ, участники Муромцевских чтений собрались в 2016 г. в формате темы «Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законодательстве российского либерализма».

2017 год, неразрывно связанный с событиями столетней давности, во многом предопределившими исторический путь России в XX в., обязывал и организаторов чтений отдать дань памяти событиям начала прошлого века. Соответственно, чтения были посвящены взаимоотношениям в российском социуме в 1917 г., месту и роли либералов в революции, их видению будущей российской государственности, судьбе Учредительного собрания и многим иным вопросам, поиск ответов на которые до сих пор разделяет наше общество.

Традиция в развитии академического знания, личное общение участников научной дискуссии призваны создать атмосферу подлинно научного дискурса, выводящего нас всех на новый уровень познания историко-правовых реалий российской государственности, продолжающегося из века в век. Результаты «чтений» были представлены на страницах журнала «История государства и права» за 2017 г., в № 19.

Завремя проведения Муромцевских чтений (в 2018 г. они стали юбилейными — десятилетиями по счету и были посвящены пониманию итогов и перспектив изучения самых разнообразных аспектов российского либерализма) сложилось несколько добрых научных традиций.

В частности, к ним можно отнести выход в свет сборника материалов конференции к моменту ее открытия. Эта, строго говоря, техническая деталь позволяет участникам чтений оптимизировать работу непосредственно на пленарном и секционных заседаниях, избавляя докладчиков и выступающих от необходимости в развернутой форме полностью излагать содержание своих сообщений, которое отражено в материалах сборника научных статей, и уделить главное внимание дискуссионным аспектам представляемой в выступлении проблематики.

Десятые юбилейные чтения 2018 г., организованные при финансовой поддержке РФФИ (грант 18-09-20030г), ввиду юбилейного, во многом обязывающего характера, были призваны в определенной степени подвести итоги как чтений, так и проблематики изучения того богатейшего, в том числе и правового, наследия российского либерализма, которое,

как показывает его изучение, вплоть до настоящего времени представляет как академический, так и в определенной мере прикладной интерес. Тем более что известное выражение «Нет ничего практичнее хорошей теории», приписываемое и Канту, и Кирхгофу, всегда оставляет гуманитариям надежду, что и они будут услышаны.

Но в любом случае сохранение памяти о выдающемся представителе российской юриспруденции — председателе Первой Государственной Думы Сергее Андреевиче Муромцеве — это та добрая традиция в отечественной науке, которая объединяет поколения российских ученых, создает то чувство корпоративного единства, которое единственно способно создавать научное сообщество в его истинно высоком значении. В том смысле, в котором понимал науку Сергей Андреевич Муромцев — ученый, политик, педагог, вся жизнь которого была отдана борьбе за право.

Литература

1. Аронов Д.В. От Лазавки до Таврического дворца / Д.В. Аронов. Орел : Издатель Александр Воробьев, 2010. 300 с.
2. Время выбрало нас: Путь интеллектуала в политику : IV Муромцевские чтения : сб. материалов научной конференции (25–26 октября 2012 г.) / под общ. ред. д.ф.н., профессора А.А. Кара-Мурзы. Орел : Издатель Александр Воробьев, 2012. 356 с.
3. Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии : Муромцевские чтения : сб. материалов всероссийской научной конференции. Орел : Издатель Александр Воробьев, 2014. 416 с.
4. История государства и права. 2017. № 19 (Специальный выпуск, посвященный 100-летию революции 1917 г.).
5. Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской Конституции : V Муромцевские чтения : сб. материалов научной конференции (27–28 сентября 2013 г.). Орел : Издатель Александр Воробьев, 2013. 336 с.
6. Либералы и революция : сборник материалов всероссийской научной конференции (Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 13–14 октября 2017 г.) / под общ. ред. д.и.н., профессора В.В. Шелохаева. Орел : Издательский дом «ОРАИК», 2017. 384 с.
7. Муромцевские чтения : труды. 2009–2013 : сб. научных статей. Орел : Издатель Александр Воробьев, 2014. 400 с.
8. Муромцевские чтения : труды II (2014–2017). Орел : Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева ; Издательский дом «ОРАИК», 2018. 382 с.
9. Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма : VIII Муромцевские чтения : сб. материалов научной конференции (8–9 октября 2016 г.). Орел : Издательский дом «ОРАИК», 2016. 318 с.
10. Орловские либералы: люди, события, эпоха : сб. научных статей. Орел : Издатель Александр Воробьев, 2010. 150 с.
11. Орловский мудрец, опередивший время : сб. научных статей. Орел : Издатель Александр Воробьев, 2011. 196 с.
12. Российский либерализм: итоги и перспективы изучения : сб. материалов всероссийской научной конференции (Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 28–29 сентября 2018 г.) / под общ. ред. д.и.н., профессора В.В. Шелохаева. Орел : Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева ; Издательский дом «ОРАИК», 2018. 400 с.
13. Российский либерализм: теория, программатика, практика, персоналии : сборник научных статей. Орел : ОрелГТУ, 2009. 317 с.
14. Сергей Андреевич Муромцев — Председатель Первой Государственной Думы: ученый, политик, педагог : сб. материалов всероссийской научной конференции. Орел : Издатель Александр Воробьев, 2010. 284 с.
15. Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма : сб. материалов всероссийской научной конференции (Орел, Приокский государственный университет, 1–3 октября 2015 г.). Орел : Издательский дом «ОРАИК», 2015. 352 с.

References

1. Aronov D.V. Ot Lazavki do Tavricheskogo dvortsa [From Lazavka to the Taurida Palace] / D.V. Aronov. Orel : Izdatel Aleksandr Vorobyev — Orel : Publisher Aleksandr Vorobyev, 2010. 300 s.
2. Vremya vybralo nas: Put intellektuala v politiku : IV Muromtsevskie chteniya : sb. materialov nauchnoy konferentsii (25–26 oktyabrya 2012 g.) [The Time Has Chosen Us: The Intellectual's Way to Politics : The IV Muromtsev Readings : collection of files of the scientific conference (October 25 to 26, 2012)] / pod obsch. red. d.f.n., professora A.A. Kara-Murzy. Orel : Izdatel Aleksandr Vorobyev — under the general editorship of Doctor of Philosophy, Professor A.A. Kara-Murza. Orel : Publisher Aleksandr Vorobyev, 2012. 356 s.
3. Imperskaya i monarkhicheskaya sostavlyayuschaya liberalnoy ideologii : Muromtsevskie chteniya : sb. materialov vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [The Imperial and Monarchical Constituent of the Liberal Ideology : The Muromtsev Readings : collection of files of the scientific conference]. Orel : Izdatel Aleksandr Vorobyev — Orel : Publisher Aleksandr Vorobyev, 2014. 416 s.
4. Istoriya gosudarstva i prava. 2017. № 19 (Spetsialny'y vy'pusk, posvyaschenny'y 100-letiyu revolyutsii 1917 g.) [History of State and Law. 2017. № 19 (Special issue dedicated to the 100th anniversary of the Revolution of 1917)].
5. Konstitutsiya 1993 goda i rossiyskiy liberalizm: k 20-letiyu rossiyskoy Konstitutsii : V Muromtsevskie chteniya : sb. materialov nauchnoy konferentsii (27–28 sentyabrya 2013 g.) [The Constitution of 1993 and Russian Liberalism: on the 20th Anniversary of the Russian Constitution : The V Muromtsev Readings : collection of files of the scientific conference (September 27 to 28, 2013)]. Orel : Izdatel Aleksandr Vorobyev — Orel : Publisher Aleksandr Vorobyev, 2013. 336 s.
6. Liberaly' i revolyutsiya : sbornik materialov vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Orel, Orlovskiy gosudarstvenny'y universitet imeni I.S. Turgeneva, 13–14 oktyabrya 2017 g.) [Liberals and the Revolution : collection of files of the All-Russian scientific conference (Orel, Orel State University named after I.S. Turgenev, October 13 to 14, 2017)] / pod obsch. red. d.i.n., professora V.V. Shelokhaeva. Orel : Izdatelskiy dom ORLIK — under the general editorship of Doctor of History, Professor V.V. Shelokhaev. Orel : ORLIK publishing house, 2017. 384 s.
7. Muromtsevskie chteniya : trudy'. 2009–2013 : sb. nauchny'kh statey [The Muromtsev Readings : publications. 2009 to 2013 : collection of scientific articles]. Orel : Izdatel Aleksandr Vorobyev — Orel : Publisher Aleksandr Vorobyev, 2014. 400 s.
8. Muromtsevskie chteniya : trudy' II (2014–2017) [The Muromtsev Readings : publications II (2014 to 2017)]. Orel : Orlovskiy gosudarstvenny'y universitet imeni I.S. Turgeneva ; Izdatelskiy dom ORLIK — Orel : Orel State University named after I.S. Turgenev ; ORLIK publishing house, 2018. 382 s.
9. Nravstvenny'e aspekty' politicheskoy deyatel'nosti v teorii, programmatike, partiynoy praktike i zakonotvorchestve rossiyskogo liberalizma : VIII Muromtsevskie chteniya : sb. materialov nauchnoy konferentsii (8–9 oktyabrya 2016 g.) [Moral Aspects of Political Activities in the Theory, Programs, Party Practice and Law Making of Russian Liberalism : The VIII Muromtsev Readings : collection of files of the scientific conference (October 8 to 9, 2016)]. Orel : Izdatelskiy dom ORLIK — Orel : ORLIK publishing house, 2016. 318 s.
10. Orlovskie liberaly': lyudi, soby'tiya, epokha : sb. nauchny'kh statey [Orel Liberals: People, Events, Epoch : collection of scientific articles]. Orel : Izdatel Aleksandr Vorobyev — Orel : Publisher Aleksandr Vorobyev, 2010. 150 s.
11. Orlovskiy mudrets, operedivshiy vremya : sb. nauchny'kh statey [An Orel Sage ahead of His Time : collection of scientific articles]. Orel : Izdatel Aleksandr Vorobyev — Orel : Publisher Aleksandr Vorobyev, 2011. 196 s.
12. Rossiyskiy liberalizm: itogi i perspektivy' izucheniya : sb. materialov vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Orel, Orlovskiy gosudarstvenny'y universitet imeni I.S. Turgeneva, 28–29 sentyabrya 2018 g.) [Russian Liberalism: Results and Prospects of Research : collection of files of the All-Russian scientific conference (Orel, Orel State University named after I.S. Turgenev, September 28 to 29, 2018)] / pod obsch. red. d.i.n., professora V.V. Shelokhaeva. Orel : Orlovskiy gosudarstvenny'y universitet imeni I.S. Turgeneva ; Izdatelskiy dom ORLIK — under the general editorship of Doctor of History, Professor V.V. Shelokhaev. Orel : Orel State University named after I.S. Turgenev ; ORLIK publishing house, 2018. 400 s.
13. Rossiyskiy liberalizm: teoriya, programmatika, praktika, personalii : sbornik nauchny'kh statey [Russian Liberalism: the Theory, Programs, Practice, Personalalia : collection of scientific articles]. Orel : OrelGTU — Orel : Orel State Technical University, 2009. 317 s.
14. Sergey Andreevich Muromtsev — Predsedatel Pervoy Gosudarstvennoy Dumy': ucheny'y, politik, pedagog : sb. materialov vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Sergey Andreevich Muromtsev — Chairman of the First State Duma: a Scientist, Politician, Teacher : collection of files of the All-Russian scientific conference]. Orel : Izdatel Aleksandr Vorobyev — Orel : Publisher Aleksandr Vorobyev, 2010. 284 s.
15. Etnokonfessionalny'e i natsionalny'e problemy' razvitiya otechestvennoy gosudarstvennosti v teorii, programmatike i politiko-pravovoy praktike rossiyskogo liberalizma : sb. materialov vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Orel, Priokskiy gosudarstvenny'y universitet, 1–3 oktyabrya 2015 g.) [Ethno-Confessional and National Issues of the Development of National Statehood in the Theory, Programs, Political and Legal Practice of Russian Liberalism : collection of files of the All-Russian scientific conference (Orel, Oka State University, October 1 to 3, 2015)]. Orel : Izdatelskiy dom ORLIK — Orel : ORLIK publishing house, 2015. 352 s.